

Галина Кондрякова

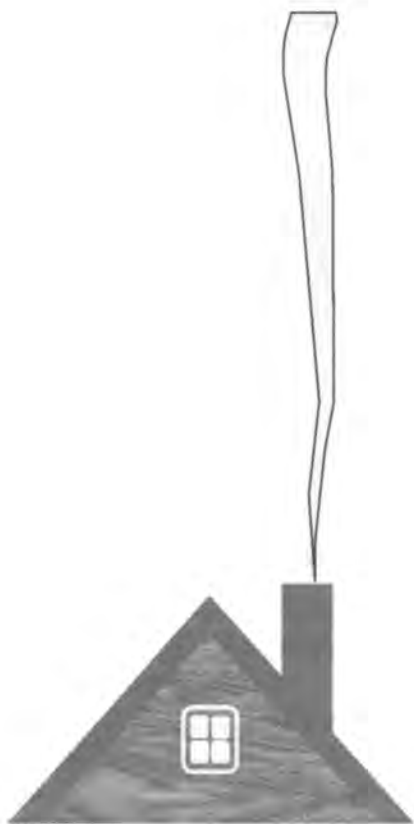

«Жила-была
деревня...»

Сургут, 2005 г.

Қарағанды
қорғалар
Уш Ушбақорон
Сығорыма

С. Мәдібаев
Алғаш
24.01.2014

**«Жила-была
деревня...»**

ББК 63. (253.3-6X-5Сур)6-2

Книга издана в ОАО «Сургутская типография».

Набор В. Самусенко.

Верстка В. Дворников.

Литературный редактор – заслуженный работник культуры РФ
З.С. Сенькина.

Кондрякова Г.В.

К 642 Жила-была деревня: к 75-летию ХМАО – Югры/
Г.В. Кондрякова; худож. оформл. С.П. Лозовой, И.В. Кондря-
кова. – Сургут: СТ, 2005. – 148 с. – ISBN 935 537-030-1

Галина Владимировна Кондрякова (по мужу Решетникова) родилась в древне Пасол Сургутского района, тогда еще Омской области, в большой крестьянской семье. В 1977 году закончила Уральский государственный университет по специальности журналистика и проработала в печатных издания в основном в автономном округе более 40 лет.

В 1994 году вышла ее первая, пронзительная по настроению книга «Три века и 13 лет», посвященная исчезающим деревням, окружавшим Сургут и бывшим спецпереселенцам.

Затем одна за одной вышли ее книги «Сургут и сургутяне», «Их провожал и встречал Сургут», «Дорога длиной в 70 лет», «Долгое эхо войны».

Верная своей излюбленной теме Галина Владимировна и в своей новой книге повествует о жизни и быте родной деревни, ее любимого края.

У автора это уже шестая книга.

Предисловие

В этой книге, уважаемый читатель, речь пойдет о старом Сургуте, который долгое время являлся центром для многочисленных населенных пунктов района, о деревнях, исчезнувших с лица земли, о людях, населявших этот край и живущих ныне; об экономике и о жизни северян на протяжении десятилетий, предшествующих началу нефтяной эпохи.

Немного осталось живых свидетелей тех дней, воссоздать достаточно целостную картину развития территории, приравненной к районам Крайнего севера, помогли архивные документы, публикации разных лет и благодарная память автора сего труда.

Итак, интенсивная разведка недр в нашем регионе началась в 50-е годы XX века. В то время на карте Сургутского района, границы которого простираются до Томской области, Увата и Ямала, насчитывалось немало сел и деревень, жители которых занимались сельским хозяйством, рыболобывчей, охотой, сбором дикоросов — ягод и грибов, заготовкой кедровых орехов.

В самом Сургуте располагались крупные промышленные предприятия, организации и учреждения. Прежде всего, это рыбокомбинат, леспромхоз, уполминзаг, заготовивсырье, МРС и МТС (моторно-рыболовная и машинно-тракторная станции), райпромкомбинат, интегралсоюз-райрыболовпотребсоюз, филиалы Госбанка, Сбербанка, метеостанция и водопосты, транспортная контора. В дальнейшем в национальных поселках, после сселения в них ханты, открылись ПОХи — промыслово-охотничьи хозяйства, зверофермы. В каждом из населенных пунктов были колхозы, в состав которых входили рыболовецкие звенья и охотники. В Сургут отсюда направляли учиться различным профессиям, в основном, аграрного профиля. Из центральной России переводили племенной скот: орловских рысаков и тяжелозов.

В каждом населенном пункте велась рыбоприемка, заготавливались соль и лед. Колхозный скот лакомился остатками соляных глыб. В деревнях работали ясли, детсады, школы, медпункты, дизельные электростанции вырабатывали электричество. Правда, свет подавался только в темное время суток — зимой до полуночи и с 6 часов утра.

В 1934 году в Сургуте была открыта типография, начался выпуск районной газеты, бланков различной отчетности. Эта организация отметила в 2004 году семидесятилетие со дня своего рождения.

Почта имела свой транспорт и доставляла всю корреспонденцию, газеты и журналы, согласно графику. Слаженно и четко работала сфера культуры, районные агитбригады и киномеханики в сенокосную страду и варовую пору бывали повсюду, выезжали на самые отдаленные покосы. Сургутские жители первой половины прошлого века отличались высокой культурой природопользования. За нарушения правил, которые сегодня, может быть, выглядят мелкими, незначительными (не сожгли сучья, оставили высоким пенек), наказывали штрафом. И не потеря денег беспокоила, которые не были лишними в каждой семье, другие ценности и понятия о нравственности, взаимоотношениях были у людей.

Дома на замок в деревнях не запирались, подвесные моторы в лодках, а потом и в шлюпках не прятали. Дома строили всем миром, «помочью». Для изготовления пиломатериала использовали маховую пилу. А какие игры были в деревне! В свободное время детвора, подростки играли в третий лишний, лапту, выжигалу, качели имелись чуть ли не в каждой деревне. Люди тянулись к культуре, ставили спектакли. Порой и зрители отсутствовали — все были «артистами», находились на сцене.

Природа в те годы выглядела нетронутой, первозданной, относились к ней бережно, и потому все цвело и благоухало. Зеленым и уютным был Сургут и вся его округа. С открытием нефти в Сургут пришла цивилизация, началась новая эра, которая негативно сказалась на привычном укладе жизни сел и деревень, люди потянулись в города, оставив насиженные места. Все меньше остается жизненного пространства у ханты, практически исчезла из торговли продукция, которой славился когда-то этот край. Все, что реализуется, как правило, привозное, нередко импортное.

Не услышишь сегодня на улицах песен, не увидишь старых игр, веками привлекавших детвору. На крепкие засовы теперь закрыты дома, но и они не спасают от лихих людей. На Сургутской в недавнем прошлом территории ныне стоят города Радужный и Покачи, Когалым и Лянтор, Сургут и Нефтеюганск, а прежний профиль производства сохраняют только Высокий Мыс и Сытомино.

В любое время года у меня возникает острое желание выбраться на простор и волю. Туда, где в свое время спокойно паслись стада коров, лошадей, молодняка. Едешь, бывало, а по берегам рек разгуливают стада рыжепестрые, черные, как смоль, гнедые, вороные — резвится животины. Знойным летом почти вся скотина забредала в реку, в озеро, спасаясь от гнуса. Рои

слепней, паутов, мошек атаковали бедных животных, особенно трудно приходилось лошадям, впряженным в работу, кровососы разьедали их кожу, жалили, кусали. Возница жалел скот, обтирая больное место пучком пахучей зеленой травы.

Гнус не давал покоя и ночной порой, поэтому животные искали обдуваемые места. Если бы не зной да пыль, да комары, да мухи, как писал поэт, не устал бы любоваться этим ландшафтом недавней поры. Когда на любом лесном водоеме красовались желто-белые кувшинки, качали головками полевые цветы. Какое огромное разнообразие трав, цветов и кустарников росло в нашем крае! На пригорке красовались заросли папоротника выше человеческого роста, с размахом листьев в половину метра, дикой малины, черемухи, краснотала. Весной в лесу и над речками разливалось благоухание, буйствовала кипень зеленых трав и цветов.

На кочкарниках и озерах кулики и чайки вили гнезда. И мы, деревенские сорванцы, крали из них по одному, два яйца, хотя знали, что нельзя «зорить» гнезда. По краю речки носились на Смолянку, где колхозники гнали смолу, необходимую в хозяйстве: телеги смазывать, кожу, мережки просмолить, используемые вместо накомарника, другие приспособления для прочих хозяйственных нужд. На так называемый материк, именуемый Остятским, нас, малых детей, не пускали: невелик лес вокруг да дремуч, заблудиться в нем, серьезно пострадать от оводов было реально.

После войны в этом массиве колхозники лопатой да топором выкорчевали «плоху», где ставили перевесы для ловли уток. Ладилась плоха меж двух водоемов: озером и маленькой речушкой под названием Запорная. Перелетные утки попадали в эту западню, уловы в ней были богатые. Долго потом зарастал этот выруб, ступенькой догоняя своих собратьев. У Остятского раскинулись колхозные покосы, попадали на которые по легкому

Уголок старого Угута

мосточку, сооруженному самими же покосниками через Запорную. Весной она широко разливалась и ее переезжали на обласе.

В Михалевской протоке находился деревенский пляж, тут же стояла «загородь» для колхозного скота, весной ее топило, и мы плавали в этом водоеме. Лес, что подпирал деревню, не вырубали, летом дровами печи не топили, потому что хватало хвороста, за которым мы с бабушкой постоянно отправлялись на «материк». Идешь, бывало, по зимней дороге, вдруг откуда-то выпорхнет птица с насиженного гнезда, посмотришь, полюбуешься, как искусно смастерила она свое гнездо или как беспомощны молодые птенцы. Мимо спелой ягоды никак не проследуешь. Зеленую, несозревшую не брали, точно так же не били неспелую шишку. А их в нашем лесу всегда было полно, и мы по кедрам лазили не хуже белок. Только руки потом долго не отмывались от серы — выручал керосин.

Теперь по берегам рек не ходит скот, зато в изобилии стоят остовы речных судов и всевозможных понтонов-барж, ими же устлано дно Оби, Агана, Тром-Агана, а в болотах и низинах немало утопленной спецтехники и машин. Первозданные уголки встречаются все реже. Но их еще можно найти. В Тундринском бору лишь на опушке валяются консервные банки, а в глубине тайги — непролазный бурелом, нетронутые заросли хвоща, брусничника, голубики, черники, осоки, пырея, кипрея и прочей зелени. Уголки дикой природы можно отыскать и в окрестностях Сургута, но туда доносится тяжелое дыхание электростанций, построенных на Марьиной горе.

Мокрой осенью здесь можно набрать калины, брусники, смородины. На гривах буквально сплошняком растут кустарники, краснеют ягоды шиповника, рябины, калины. На тоненьком стебле прилепилось гнездышко птички-невелички, сделанное из глины, травы и мелких сучьев. Осенью оно опустело, но рядом летают пичужки явно нового выводка.

Рядом же на гриве высится гордая красавица-сосна, возле нее стоят стога свежескошенного сена. Живущие на острове постоянные жители держат лошадей, выращивают всевозможные овощи на огороде. Для домашних животных запасают сено, хотя, как замечали коренные жители, уже в феврале кони сами добывали себе корм, выбивая его копытами.

В водоемах, обильно разбросанных на луговине, водится много ондатры. Есть тут и рыба. Собаки охотятся на зверька, но обычно он хитро уходит от них. По берегам здесь раскинулись роскошные кусты краснотала, давно исчезнувшего из пригорода Сургута. Взамен его в природном парке за Саймой, где недавно еще можно было кататься с «пятигорки», стоят беседки, шашлычницы — все для утех, проложены бетонные дорожки, не дающие пробиться через твердь траве-мураве.

О многообразии растительного мира в Сургутском крае все чаще можно узнать из Красной книге да из рассказов бывалых людей, которые жили здесь в «донефтяную» эру.

Утопая, Бардаковка, Барсово — лишь то небольшое, что осталось в истории края, некогда крупного, второго после Березовского, Сургутского уезда. Территория его вся до последнего метра была поделена между хантыйскими семьями. При этом нигде не стояли пограничные столбы, но даже самый малый в роду рыбака-охотник из коренного национального населения знал эти границы.

Из уст в уста в свое время передавался рассказ, как один ханты подстрелил своего сородича, который в погоне за соболем переступил черту и промчался по территории соседа. Тот и наказал его, впрочем, при разбирательстве он отрицал свою вину, ссылаясь на то, что, мол, не заметил охотника. Еще одно свидетельство поведал Яков Николаевич Нимперов с Пимской территории, там, где сейчас находится Камынская нефтяная залежь, где проходит граница между Лянтором (Пимом) и Нижним Сортымом — все это в прошлом Нимперовские угодья, на которых в ранней молодости Яков Николаевич подстрелил лису в подарок своей невесте, а потом немало пушнины добыл.

Из истории края известно, что промышлявшие рыбу и дичь остяки ездили на Нарым продавать или менять добычу. От них и прослышали русские люди, посещавшие богатейшие в ту пору ярмарки, про здешние вольные места. Кое-кто потянулся в сургутскую глухомань, купцы стали здесь строить склады, развернули торговлю. А потом и вовсе переехали на жительство. Так, Ефим Липецкий обосновался в теперешней Вате, Николай Тютюцкий — в некогда богатом и роскошном Югане, Григорий Федулов — на Малом Югане, Матрена Косицына и Александра Кайдалова — в Тундрино.

Потянулись в здешние края и простые русские люди. Как рассказывают вартовские старожилы, в чьих владениях оказался добрый кусок территории некогда огромного Сургутского региона — Покурский сельский Совет, приезжие селились по берегам рек, разрабатывали приусадебные огороды. Ту часть района заселили бывшие жители Молчановского района, Каргаска, Новониколаевска (ныне Новосибирск), Вагая, Тобольска, Увата. Кое-кто из старожилос соседнего района помнит заселение Кирьяса, Пасола. В Кирьясе поначалу появилась всего одна семья — Константина и Авдотьи Майковых с сыновьями Василием и Вениамином. Василий был слепым, на сохранившихся фотографиях он в темных очках. Я в детстве да и в последующие годы долго отождествляла всех, кто носил черные очки, со слепым Васей. Вениамин тоже не отличался здоровьем и умер от порока сердца.

За ними из Кривошеина Молчановского района приехала еще одна семья, да из Уватского района прибыли муж с женой. Мало-помалу началось переселение русских на остяцкие угодья. Проживавшие на берегах в летних домах и юртах ханты радушно встречали пришельцев, охотно делились своими знаниями с «рутики», указывали им территории, где бы последние могли рыбачить и охотиться.

Кирьясовским новоселам были выделены угодья в речке, носившей имя Ивана Степановича. «Дальше, — говорили ханты, — мы сами промышляем». Речку эту знали все окрест, те, кто постарше, знали и Ивана Степановича, но точно назвать его фамилию никто не мог. Предположительно называли Ишмулкиным. Жена его Любовь Кузьмовна была слепой, но в тайге дорогу находила, хотя с возрастом появилась необходимость в поводырях. Рассказывают, что однажды пошла Любовь Кузьмовна за хлебом в Орехово, а поводыри наткнулись на роскошное клюквенное болото, задержались на нем и потеряли старушку. Домой она не вернулась, а Ивана Степановича вывезли в Кирьяс, где он жил в прихожей в избе многодетной семьи Устины Емельяновны и Николая Алексеевича Ткачевых.

Деревня тогда жила дружно, запросто ходили друг к другу в гости, как говорили тогда, на квас. На тот самый хлебный, который сейчас уж немногие и умеют готовить. Это было целое искусство. Пекли квасник, варили сусло, бросали сахар, выставили пару дней и выставляли картежникам. До глубокой ночи, а то и до рассвета бились в карты совершенно трезвые, умные и находчивые деревенские жители. При этом историй разных звучало столько, что хватило бы на целую книгу. Сюжет баек крутился вокруг промысла. К примеру, Флегонт Ларионов на полном серьезе рассказывал, как он «белку загнал на кедр, ее не видно, но рюкзак все же подставил. Пульнул, тряхнул ветки, она и свалилась прямо в тот рюкзак». Его вымысел дополнял сосед Колегов, который в баню пошел и зайца увидел. Поставил петлю, а когда возвращался из бани, тот заяц уже в петле сидел.

По всей территории района ханты жило много. Передвигались они на нартах, на лыжах. Носили одежду, сшитую из добротной ткани, оленьих шкур. Сами друг друга стригли «под горшок». Иногда они выходили из леса, чтобы сдать пушнину, рыбу или сделать какие-то необходимые дела. Оказий и подводы не ждали, по сто и более километров в день преодолевали на лыжах. Кочевали то в зимние, то в летние юрты. Рассказывают, что во время мятежа многие укрылись в лесу. И русским охотникам советовали не ходить домой, потому что «там стреляют».

Ханты более двух десятков лет укрывали Алексея Ефимовича Липецкого — сына купца Липецкого с Ваты. Николай Смирнов в своей повести «Мятеж» пишет: «Во время мятежа Алексей Ефимович Липецкий был начальником разведки у белогвардей-

цев». Известно, что Третьяков, один из предводителей сочувствующих старой власти, сформировал карательную команду по примеру Липецкого, отобрав в нее наиболее способных, решительных людей. В отряд люди шли и шли, и, казалось, не будет конца им, не согласным с обещанным светлым будущим, которое достигается через насилие. Шли с подводами и пешим порядком. Безоружные надеялись укомплектоваться в бою. Предводителем отряда белых был Кондаков. Он дал команду Липецкому догонять вышедший из Сургута эвакуобоз и отряд Антонина Петровича Зырянова.

«Алексей Ефимович, — говорил Кондаков, — ты со своими ханты беспокой коммунаров, висни на запятках». Липецкий не заставил себя долго ждать, с ханты на нартах помчался вдогонку отряду, который выступил днем перед обедом, поспешая на рысях. Вдруг из леса с возгласами «Эх, хэй» вылетели олени упряжки — Липецкий в малице, кисах, плосколицый, сильно смахивающий на ханты, затормозил перед начальником команды, известил, что шумнул красных ложной атакой и ускакал, мол, обратно, сделав вид, что бежал в панике.

«Хитер, мудрец, дерзок до невозможности, — невольно позавидовал Третьяков. — Гуляет под носом у комиссаров и хоть бы хны. Все ему нипочем. Оборотень, не человек, из воды выскользнет сухим. Прирожденный сыщик Липецкий разнюхает любую ловушку, упредит».

А.П. Зырянов намеревался ночевать за Обью в Вартовске (Вампугольске). Отряд шел днем и ночью. Привал сделали на Вате, но разведка Липецкого наделала шума, пугнув ложной атакой, и скрылась. И отряд Зырянова двинулся дальше. В Вартовске (Вампугольске) Зырянов остановился в доме у сочувствующего большевикам Тимофея Аркадьевича Слинкина. Коммунары решили послать в разведку коммуниста — покурянина Степана Хатина и Виктора Казбеева. Их сразу поймали Третьяков с Липецким и стали допрашивать. Алексей Ефимович Липецкий спланировал, как взять отряд Зырянова. В полночь объявили сбор. У ворот выстроилась цепочка санных подвод и оленьих упряжек, переговаривались вполголоса. Ханты держались особняком, возле нартов, не совсем понимая, зачем их подняли среди ночи. Убить можно и днем, днем даже лучше, чем ночью. Ханты хотели использовать для засады. Липецкий, хорошо знавший язык остяков, растолковал им перед отправкой, что убивать коммунаров надо хитро, как зверей на облаве.

Зырянов тем временем ждал утра, а с ним и последнего броска, чтобы догнать обоз. Но Третьяков с отрядом напал на дом, где остановился Зырянов. Послышалась стрельба. Антонину Петровичу пуля навывлет пробила легкое. Он слабел, только холод улицы освежал его. Третьяков подбежал вплотную с вопросом: «Что сломался, ревком?» Зырянова схватили, пытали, об-

ливали на морозе водой, потом вместе с разведчиками Хатиным и Казбеевым закопали наспех за деревней.

Мне довелось беседовать с дальней родственницей Липецких — Манефой Летмановой. Она рассказывала, что Алексей имел семью, которая жила в Былино, в ней было две дочери. Он навещал жену и детей и ни разу не попал в руки представителей власти. Хотя время от времени на Вату и в Былино наезжали наряды НКВД. Манефа Порфирьевна также свидетельствовала о смелости, даже дерзости Алексея Ефимовича. По ее словам, сельчане вспоминали несколько эпизодов, свидетельствующих о неординарности личности сына купца Липецкого.

Как-то дозорный катер шел полным ходом к берегу Ваты. Алексей Ефимович свободно разгуливал по селу. Лишь только причалило судно, он взобрался на дерево, потом неслышно спустился к обласу и уехал восвояси. Однажды посланные на поимку встретили Алексея Липецкого на Оби. Последний на ломаном русском языке объяснял, что не видел и не знает Липецкого. А чуть отъехав, крикнул вслед, что с ними говорил тот, кого ищут.

Старожил Ваты Иван Иванович Захаров рассказывал, что в крае ходили легенды об офицере Липецком. «А когда большевики подавили мятеж, где Алексей Ефимович был не последней фигурой, а смелым разведчиком, Липецкий скрылся в сторону Нарыма, ушел в тайгу с ханты. Они его скрывали и не выдавали по старой дружбе с его отцом, купцом Липецким».

Купец жил оседло, строился основательно. Его дом с венецианскими окнами, выходящими на улицу, потом долгое время служил школой. Улица была чистая, зеленая, на ней вечерами гуляла молодежь, чуть дальше стоял столб-исполин с четырьмя веревками, на которых качалась молодежь, здесь же играли, пели частушки под гармошку.

Выше уже говорилось, что русские начали постепенно заселять тайгу. В 1911 году земельный инспектор Г.И.Денисов, сплаваясь вниз по Оби, обследовал все селения на ее берегах. Он отметил, что с 1886 по 1911 годы русское население в южной части Сургутского уезда прибыло. Многие крестьяне приехали с надеждой заняться земледелием, привезли с собой сохи и железные зубья для борон, но из-за суровости здешнего климата, из-за резко отрицательного отношения к этому виду деятельности местного населения — остяков не все осуществили намерения. По тогдашним законам поселиться пришлому человеку можно было только с разрешения аборигенов. За это надо было платить, а потом еще ежегодно оплачивать аренду рыболовецких угодий, охотничьих и разработанных под пашню участков.

Г.И. Денисов описывает случай в Покуре, куда летом 1911 года прибыло пять русских крестьянских семей. Они нашли гарь и стали корчевать горельник. Однако, цинга вынудила этих людей

уехать. Летом 1912 года местный купец продолжил расчистку гари и посеял десять фунтов (4 кг) ржи. Прибывший в Покур становой пристав увидел пашню, вызвал к себе новосела и разъяснил ему, что он не имеет права расчищать и огораживать землю, так как она инородческая. В Сургутском уезде тогда из 26 русских поселений в одиннадцати огородах не было вообще, а полтора десятка их имели. Работали лопатой и граблями. Для улучшения плодородия песчаной почвы вносили навоз. Картофель перед посадкой разрезали, высаживали через поларшина, за лето два раза окучивали. Кое-кто выращивал тыкву, помидоры, огурцы, репу, свеклу, редис, редьку, укроп, морковь, что вызывало удивление у коренных жителей, которые земледелием никогда не занимались.

Записка о состоянии развития оленеводства в Сургутском районе за 1960 год.

Рост поголовья оленей в колхозах за 1960 год:

«Рассвет» Сытоминского сельского совета – 351.

Имени Калинина Тундринского сельского совета – 374.

Имени Сталина Тром-Аганского сельского совета – 1399.

Имени Жданова – 2415.

Путь к коммунизму – 252.

Имени Кирова Аганского сельского совета – 1238.

Первое мая – 437

Имени Сталина Угутского сельского совета – 10

X! партсъезда – 30.

Итого 6556 голов.

Непроизводительный отход оленей составил 1107 голов. Падеж оленей – 540 голов, в том числе молодняка – 244 головы. В 1959 году падеж составил 988 голов. Много оленей погибло в результате плохой работы пастухов, 39 голов утеряно, 120 – отравлено зверями и 35 утонуло.

Непроизводительный отход оленей отрицательно повлиял на выполнение государственного плана развития оленеводства, он составил 87 процентов. Лучших показателей добился колхоз имени Жданова, выполнивший план развития оленеводства на 104,5% за счет собственного воспроизводства стада.

В индивидуальном пользовании колхозников при учете установлено следующее наличие оленей: на 1 января 1954 года – 3884 головы, на то же число в 1959 году – 3770, в 1960 – 2886, в 1961 году – 2898 голов.

Инспектор госстатистики Кузавская.

Городской архив, фонд 10, опись 2, ед. хранения 221, стр. 10-13.

На парадном крыльце Погорельской семилетней школы

Коллективизация

Приближались большие перемены, загоралось колхозное зарево, началось принудительное переселение людей на север, а отсюда — туда, где Макар телят не пас. Живой свидетель стыка двух эпох, того страшного времени, когда жернова истории, запущенные дьявольскою силою, перемалывали тысячелетнюю культуру, устои, народы, судьбы, когда нелегко было просто выжить, Николай Федорович Удачин, представитель российского зажиточного крестьянства, один из основателей поселка Погорельск, рассказывал:

— Хлебопашцы, крестьяне мы. Жила семья богато. В семье мужики все ядреные были. Достаток через мозоли давался, работали помногу. Жили в степи, под Челябинском. Леса там мало, не то, что здесь, но земли много было. Бери и паши. В роду все по сто лет жили. И отец век прожил, и дед. На жизнь меня дед наставлял, в семье он хозяином был: и к охоте приучал, и на земле трудиться.

В НЭПе немного вольно пожили, поднялся тогда народ. А потом всех стали сгонять в колхозы. В колхоз все сам отдал: и дома, и молотилки, и амбары кирпичные, и рысаков — все равно бы отобрали. Можно было одиночно жить, но я не захотел. Больно было глядеть, как нажитое переводят бестолково. Дядя мой противился власти, его с семьей отправили на поселение в Сибирь. С ними и я поехал, не хотел от родных отстать. Ехали тяжело на баржах. Много людей умерло от заразы. У меня два мальчика тоже умерли, больше Бог и не дал сына. Завезли народ в тайгу, выгрузили. Выменял у остяков топор да пилу, пуще ока берегли инструмент, боялись сломать или потерять.

Сначала землянки вырыли. Рыбачили, охотились. В лесу всего полно было, глухари по осени на крыши садились. Только ружей мы не имели, смастерили луки, силки, слопцы в ход пошли. У остяков учились, они по промыслу смышленные. Перезимовали кое-как. Много народу тогда погибло.

В другое лето лес заготовили, окантовали, высушили, срубы стали расти. Тайгу корчевали, пашни завели, смотрим, жито, ячмень, овес вызревают, огорожина родит. Для пшеницы лето

Наименование колхозов		Населенные пункты	Кирит	Овцы	Волы	2
„Красный Северянин“ им. Ворошилова		с. Сургут Белый Яр	1,0 1,0	0,5 0,3	1,5 1,3	
„Путь Ленина“ им. Буденного		Романовская пол. с. Юган	0,4 0,4	0,1 0,1	0,5 0,5	
„Красный путь“ им. Кирова		Широково Сайготино	0,4 0,3	0,1 0,1	0,5 0,4	
„Верный путь“ „Новая жизнь“		п. Черный Мыс п. Банный	11,0 4,0	2,5 0,8	13,5 4,8	
По Сургутскому с/совету			18,5	4,5	23,0	
им. Сталина		с. Тундрия	2,0	0,3	2,3	
„Искра пролетарната“ им. Ленина		Сарманово Чеускино	0,3 0,3	0,1 0,1	0,4 0,4	
им. 8-е марта		Пилюгино	1,5	0,2	1,7	
„Красный Рыбак“ „Новый мир“		Лямино Выс. Мыс	1,0 4,0	0,3 0,8	1,3 4,8	
„Новый путь“ им. 1-е мая		Озерный Песчаный	6,5 5,5	1,0 1,0	7,5 6,5	
По Тундринскому с/совету			21,1	3,8	24,9	
„Красный национал“ им. Ворошилова		Усть-Балык Варисово	0,2 0,3	0,1 0,1	0,3 0,4	
им. Кагановича „Красный рыбак“		Сарантеево Карь-Еган				
По Усть-Балыкскому с/совету			0,5	0,2	0,7	
им. Молотова		Локосово	3,0	0,4	3,4	
„Новый путь“ им. 2-й пятилетки		п. Нагорный Верх. Мысовая	4,0 0,5	0,5 0,1	4,5 0,6	
им. Ленина им. Чапаева		Ивашкины Катесовы				
им. Буденного им. Стаханова		Лобановы Урьевы				
По Локосовскому с/совету			7,5	1,0	8,5	
им. Кирова		Сытомино	1,5	0,3	1,8	
им. Париж. Коммуны им. Тельмана		Кушниково д. Сахаль	2,0 1,0	0,3 0,2	2,3 1,2	
„Красная Заря“ „Верный путь“		п. Заря п. Ямской	11,0 7,0	2,0 2,0	13,0 9,0	
По Сытомякскому с/совету			22,5	4,8	27,3	

№ п-п	Наименование колхозов	Населенные пункты	Земля в %	Мелки	Карты	Одальн.	Корпункт	Земля в %	Одальн. пункт
34	Авангард 16	п. Н-Покур	13,0	1,0	40,0	3,5	4,0	61,5	15,0
35	Новая зоря 14	п. Погорельский	17,0	1,5	33,0	3,5	3,0	57,0	15,0
36	им. 2-й Пятилетия 4	с. Покур	3,0		5,0	2,0		10,0	2,0
37	"Путь Сталина" 1	Пасол	3,9		3,0	0,5		7,4	1,0
38	"Путь Сталина" 2	Вага	1,0		5,0	0,5		6,5	1,0
39	им. Кирова	Игольовь	2,0		3,0	0,6		5,6	2,5
40	им. Свердлова 1	Вахलोво	1,6		1,5	0,25		3,35	1,0
41	им. Ленина 38	Поперечное	3,0		0,9	0,1		4,0	
По Покурскому с/совету			44,5	2,5	91,4	10,75	6,0	155,35	35,5
42	им. Микояна	Чалтымовы			0,9	0,1		1,0	
43	им. Калинина	Неволокны			0,2	0,05		0,25	
44	им. Молотова	Каркатеевы			0,4	0,1		0,5	
45									
46	им. Дз. над ст. 2,0								
По Угутскому с/совету					1,5	0,25		1,75	
47	им. Сидовича	Рымовы							
48	им. 1-е мая	Лемпино			1,5	0,1		1,6	
49	им. Орджоникдзе	Милясовы							
50	им. Сидовича	Саторийо			1,5	0,1		1,6	
51									
По Салыскому с/совету					3,0	0,2		3,2	
52									
53	им. Коммуна	Тим			0,4	0,1		0,5	
54									
55	им. Кирова	В-сван			0,8	0,2		1,0	
56	им. 1-е мая	Аган			0,4	0,1		0,5	
57									
58	им. Воронцова	Брмачово			0,2	0,05		0,25	
59									
60					1,8	0,45		2,25	
По району			252	20,0	420,0	44,5	30,0	766,5	200,0

Зав. РайЗО

1941 года.

З. М. С. М. С.

План поезда		194 / года							млн
По колхозам Сургутского района на		млн	млн	млн	млн	млн	млн	млн	
Наименование колхоза	Населенные пункты	млн	млн	млн	млн	млн	млн	млн	
«Красный Северянин»	с. Сургут	26,5	0,15	13,0	2,1	1,0	42,75	6,0	
«Ворошилова»	Белый Яр	2,0	0,5	6,0	0,75	0,5	4,75	2,0	
«Путь Ленина»	Романовская пол.	1,0	-	4,0	0,1	0,5	5,6	2,0	
«Буденного»	с. Юган	4,0	-	4,0	0,5	0,5	9,0	2,0	
«Красный путь»	Широково	4,0	0,5	8,0	0,75	-	13,25	3,0	
«Кирова»	Сайготино	1,0	-	1,0	0,35	-	2,35	0,5	
«Верный путь»	п. Черный Мыс	39,0	2,0	38	2,25	2,0	83,25	25	
«Новая жизнь»	п. Вацный	2,0	1,0	24,0	4,5	1,0	36,5	10,0	
По Сургутскому с/совету		86,5	4,15	98,0	8,25	5,5	202,4	50,5	
«им. Сталина»	с. Тундраво	7,0	0,5	10,0	0,75	1,0	19,25	4,0	
«Искра пролетарата»	Сарманово	5	0,3	8,0	0,25	0,5	14,05	4,0	
«им. Ленина»	Чуекино	2,3	-	2,0	0,25	0,5	5,05	0,5	
«им. 8-е марта»	Пелюгано	3,0	0,3	5,0	1,5	0,5	10,3	4,0	
«Красный Рыбак»	Лямино	4,0	-	5,0	0,5	-	9,5	2,0	
«Новый мир»	Выс. Мыс	18,0	1,25	28,0	2,25	2,0	57,5	12,0	
«Новый путь»	Озерный	3,0	2,0	18,0	1,75	1,0	25,75	10,0	
«им. 1-е мая»	Песчаный	9,0	1,5	20,0	4,0	3,0	37,5	15,0	
По Тундринскому с/совету		51,3	5,85	96,0	11,25	8,5	172,9	57,5	
«Красный национал»	Усть-Балык	2,5	0,5	4,0	0,5	0,5	8,0	2,0	
«им. Вордидова»	Варисово	1,0	-	1,5	0,3	-	2,8	0,5	
«им. Кагановича»	Скратеево	0,7	-	1,5	0,3	-	2,5	-	
«Красный рыбак»	Карь-Еган	1	-	0,2	0,15	-	0,25	-	
По Усть-Балыкскому с/совету		4,2	0,5	7,2	1,15	0,5	13,55	2,5	
«им. Молотова»	Локосово	2,0	0,25	6,0	0,55	1,0	9,8	2,0	
«Новый путь»	п. Нагорный	4,0	1,25	18,0	1,25	0,5	25,0	10,0	
«им. 2-й пятилетки»	Верх. Мысовая			1,5	0,3		1,8		
«им. Девкина»	Ивашкино			0,9	0,1		1,0		
«им. Чапаева»	Катесовы			0,55	0,15		0,7		
«им. Буденного»	Лобановы			1,1	0,15		1,25		
«им. Стаханова»	Урьевы			0,4	0,1		0,5		
По Локосовскому с/совету		6,0	1,5	28,5	2,6	1,5	40,0	12,0	
«им. Кирова»	Сытомино	2,0	1,0	15,0	2,3	2,0	23,3	4,0	
«им. Нариз. Коммуны»	Кушняково	2,5	0,5	15,0	0,5	1,0	24,5	8,0	
«им. Тельмана»	д. Сазаль	2,0	0,5	8,0	0,5	1,0	12,0	2,0	
«Красная Заря»	п. Заря	32,0	1,5	25,0	3,5	3,0	65,0	19,0	
«Верный путь»	п. Ямской	15,0	2,0	30,0	2,5	1,0	50,5	15,0	
«им. Малотова»	д. Сорник			0,2	0,05		0,25	-	
По Сытоминскому с/совету		59,5	5,5	43,2	9,17	8,0	175,55	48,0	

Наименование колхозов	Населенные пункты	в т.ч. <i>в т.ч. колхозники</i>	в т.ч. <i>в т.ч. колхозники</i>	в т.ч. <i>в т.ч. колхозники</i>	в т.ч. <i>в т.ч. колхозники</i>
Авангард	п. Н-Покур	5,0	0,5	5,5	
Нева-звезда	п. Погорельский	5,0	0,5	5,5	
им. 2-й Пятилетки	с. Покур	3,0	0,2	3,2	
"Путь Сталина"	Насол	0,5	0,1	0,6	
"Путь Сталина"	Вата	1,5	0,2	1,7	
им. Кирова	Игольев	0,5	0,1	0,6	
им. Свердлова	Вехлово	0,4	0,1	0,5	
им. Ленина	Попереchnoe				
По Покурскому с/совету		15,9	1,7	17,6	
им. Микояна	Чалымовы				
им. Калининца	Неволякины				
им. Мологова	Каркатевы				
По Урутекому с/совету					
им. Сидовича	Рымовы				
им. 1-6 мая	Лемпино				
им. Орджоникидзе	Мялосовы				
им. Сидовича	Саторино				
По Салымскому с/совету					
По району		36,0	16,0	102,0	

Зав. Фр 130
194 года.

З. М. Сидович

*Николай Федорович
Удачин*

короткое здесь, перестали ее сеять. Тут и лес хорошо кормит, ореха много: трудись — не ленись. Обжились люди, скотинкой обзавелись. Только вот загорелась тайга. Много леса погибло. В нашей деревне только два дома сумели отстоять. Но мужики хорошими хозяевами были, и опять деревня возродилась. А по весне на поля тетерева на ток играть собирались.

Хорошо скоро опять стало, отстроились все, помогли друг другу. Дома в ряд поставили, тротуары кругом пробросили. Пашни более 150 десятин устроили, покосы богатые. Бывало на праздники, особенно на

Троицу, выходит на лужок вся деревня: и стар, и мал, песни поют, играют, пляшут.

Я в охотники записался, мне воля дороже всего. Сам себе хозяин. Двадцать лет пушновал с остяками в тайге. В 30-е годы на Куль-Егане напасть на остяков была, почти все вповалку лежали. Олени по тайге разбрелись. Комаровых да Каймысовых Бог пожалел, жили они потом на Вате. Вот и Погорельск ныне пустой стоит. Как узнали в 1956 году, что из колхоза выйти можно, весь народ разбежался, трактора на улице забыли заглушить. Нельзя человека неволить. Я пожил один пару лет, думал, может, кто вернется. Потом заскучал, съехал на Вату.

Николай Федорович Удачин прожил целый век, сейчас на Вате живут его потомки — внуки и правнуки.

Коллективизация в 1929-1933 годах сопровождалась раскулачиванием и высылкой большого числа крестьянских семей. Эта тема — белое пятно в истории края. Наша история богата событиями, разнообразными по своему характеру. Но одна из самых трагических страниц, которая до сих пор болью отзывается в сердцах многих земляков, — крестьянская ссылка в Остяко-Вогульский округ в 30-е годы прошлого века. Страдали невинные люди, чудовищное преступление долгое время не признавалось и всячески замалчивалось. Архивные документы, с которыми удалось познакомиться благодаря тому, что с них сняли гриф секретности, помогают нам сегодня представить, что происходило в то далекое и драматическое время.

За пять лет население Ханты-Мансийского округа увеличилось в два с половиной раза. Вот так располагалось оно по районам.

Районы	Всего населения	спецпереселенцев
Кондинский	10942	3196
Самаровский	28462	7980
Сургутский	22450	8949
Ларьякский	2211	88
Березовский	34887	10065
Шурышкарский	7640	1445

В 1923 году ссыльных насчитывалось 30 процентов от общего количества жителей округа. Спецколонизация осуществлялась бесчеловечно. Суровый северный климат усугублял и без того нелегкое положение людей, сорванных из насиженных мест. Спецпереселенцы были обречены на вымирание. Смертность среди них в первые годы ссылки намного превышала рождаемость. В 1933 году умерло 347 человек, тогда как рождаемость составила всего 63 человека. У людей не хватало самого элементарного — одежды и обуви. Имущество при раскулачивании было отнято, в суровый северный край были привезены полураздетые и разутые крестьяне.

В конце 1930 года северные районы современного Ханты-Мансийского округа вошли в состав Уральской области. Этому способствовало постановление Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 года «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера», по которому в составе Уральской области был создан Остяко-Вогульский национальный округ. Изучение архивных документов позволяет сделать вывод, что первоначально работа по созданию коллективных хозяйств велась среди рыбаков, которых объединяли в рыболовецкие артели. Параллельно начинается завоз скота, вспашка огородов, идет активное создание колхозов.

Группы скота	1930г.	1931г.
Лошади	13283	14315
Крупно-рогатый скот	13203	16580
Овцы	7435	9980
Свиньи	575	782
Кролики	1740	13240

Направление животноводства в связи с обилием хороших луговых пастбищ и возможности на них летнего выгула скота выбрали мясо-молочное, а в Сургутском районе развивалось еще и коневодство, так как местная лошадь этих районов являлась весьма ценной для гужевых перевозок. По данным Ларьякского райисполкома, отмечалось, что на территории тузсовета имеется 82 хозяйства с населением 340 человек, бедняков — 34%, середняков — 47%.

Коллективизация проходила по трем направлениям: хозяйственные товарищества, хозяйственные артели, хозяйственные коммуны.

План организации всех трех видов колхозов по отдельным районам намечен следующий:

Районы	Общее полож.	Число хоз. товариществ	Число хоз. артелей	Число хоз. коммун	Всего
Самаровский	2856	30711	301266	16595	73257
Березовский	2301	32675	25774	6160	63160
Сургутский	1089	19289	11448	4105	34843
Обдорский	1634	26440	11267	3786	51958

В 30-е годы на север потянулись невольничьи обозы, пароходы, баржи. Об этом свидетельствуют воспоминания некоторых ссыльных, пустивших свои корни на суровой земле. Вот что рассказывает Н.Г.Бахлыкова, перевезенная с родителями из-под Тобольска:

— Родилась я в 1927 году в Тобольском районе, в семье крестьян Бронниковых — Георгия Михайловича и Матрены Леонтьевны. Семья была работящая, зажиточная: имели пять-шесть коров, столько же лошадей, были также у нас овцы, молодняк — жеребята, телята. У отца был выездной вороной конь — отец участвовал в соревнованиях на Тобольском ипподроме, получал призы: жнейку, косилку, сеялку — необходимые в крестьянском хозяйстве орудия труда. В зимнее время подрабатывал: строил с бригадой плотников дома тобольским купцам, которые высоко ценили добротную работу мастеров.

Он воевал в русско-японскую войну 1904 года. В 1914-ом сражался с немцами, участвовал в гражданской войне. Двух старших сыновей мобилизовали — одного в Белую армию, другого в Красную забрали, оба погибли. Брата отца, Ефима, арестовали беляки, под конвоем повезли в город, по дороге хотели его расстрелять, но он бросился бежать. Пьяные конвойные палили наугад, ему удалось скрыться в лесу. Добежал до озера, бросился в камыши, сидел под водой, дыша через камышину. Постреляв в лесу, конвойные сели на телегу и подались в город. Дядя добрался до охотничьей избушки, а ночью пришел в наш дом, где ему дали продуктов, необходимые вещи. Он скрывался в лесу до следующей весны. Отец регулярно снабжал его всем необходимым, а обратно из леса привозил бревна, чурки на дрова.

Когда коммунисты установили советскую власть, дядя вернулся в Тобольск и работал в каком-то комитете. Он знал, что зажиточных крестьян будут раскулачивать и предупредил отца, что тот есть в списках. Но отец не верил ему, говорил: «Да как же меня выселят, все отберут, что я убил кого-то или ограбил,

стоял с кистенем у большой дороги? Я четыре часа в сутки сплю и семью замучил работой».

Но в декабре 1929 года отца одним из первых арестовали и увезли в Тобольскую тюрьму. А зимой 1930 года нашу семью выселили, конфисковав все хозяйство — постройки, дом и все, что было в нем. Мать и семеро детей по зимнику привезли в Сургутский район, где спецпереселенцы построили себе поселок Черный Мыс, работали в колхозе, рыбачили, лес заготавливали. Говорю о трудной, голодной и холодной жизни в ссылке не с чужих слов — все видела, знаю, сама прожила эту жизнь вместе со всеми. Хочу, чтобы люди знали правду об этой жизни, ведь до перестройки это было «закрытой» темой.

И все же люди, не помня зла, в войну защищали свою Родину, отдавали все силы в тылу, чтоб помочь фронту, приблизить Победу. У нашей семьи война снова отняла двух братьев, третий вернулся живым.

Для нашей семьи суровая, морозная, неласковая Сибирь — родная, другой у нас нет. Здесь наши корни, здесь живут и растут наши молодые росточки — дети, внуки и правнуки. Надеюсь, что и для них эта земля навсегда останется родной.

Сибирь и в царское время была местом ссылки и каторжных работ, и после революции она продолжала оставаться такой, прибавились еще и ГУЛАГи, где погибали тысячи ни в чем не повинных людей.

Везли ссылных и по зимнику, и пароходами. Мужчин арестовывали и отправляли в неизвестном направлении, никто из них не вернулся назад. Люди оказывались в необжитой, таежной глухомани, где они с большим трудом сами строили себе жилье — так называемые переселенческие поселки, из которых никто не мог самовольно отлучиться: охрана, комендатура строго следила за этим.

Позднее, когда были созданы колхозы, ссылные занимались привычным крестьянским трудом: скотоводством, огородничеством, хлебопашеством, а кроме этого работали на лесозаготовках, рыбалке, во время войны трудились на рыбоконсервном заводе. Много пережившие, потерявшие своих близких, свои дома и хозяйства, люди понимали, что сюда их привезли навсегда, что надо научиться жить и работать заново, спасти своих детей. Репрессии 1937 года снова добавили горя — опять забирали кормильцев почти из каждой семьи, на возраст и здоровье внимания не обращали, даже некоторых престарелых отцов не миновала сия чаша.

Но жизнь не остановишь. Подрастали дети, выросли, в колхозах прибавлялись работники (ведь семьи высланных в основном были многодетными). Молодые северяне быстро осваивали разные профессии, которые были популярны в этих местах, становились рыбаками, лесозаготовителями, бондарями,

строителями, кузнецами, конюхами, доярками, телятницами и т.д. Старики-умельцы делали сани, телеги, дуги, упряжь для лошадей, разный сельхозинвентарь (косы, грабли, лопаты, вилы), деревянные бочки для засолки рыбы в рыбозаводе, и постепенно, в процессе работы передавали свой опыт и знания молодым. Жили голодно, трудно, работали в колхозах за «трудопалочки» — трудодни, денег давали авансом, чтоб выкупить норму муки или хлеба. Но со временем обзавелись скотом — давали колхозникам в счет заработка молодняка: телят, овец, жеребят, и люди выращивали их, прочнее становясь на ноги.

Распахивали огороды рядом с домами (на большую семью отмеряли 15 соток земли, на меньшую — 8 соток). В первые годы на песке да при сибирском климате ничего не выросло (сколько ведер картошки посадят — столько же осенью и выкопают, но только мелочью). Появился скот, поля и огороды начали удобрять, и урожаи стали собирать хорошие, даже теплолюбивые растения, какими являются огурцы, прижились.

Колхозы разрастались и богатели, перед войной даже участвовали во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Отправили туда и делегатов — спецпереселенцев. Из колхоза «Верный путь» п.Черный Мыс ездили председатель колхоза Иван Матвеевич Загваздин, бригадир лова Иван Константинович Тверетин, полевод (фамилию не помню), заведующая молочной фермой Фаина Ивановна Пospelова, группа рыбаков. Ездили делегаты и из колхоза «Красный северянин» — председатель Г.Г. Кушников, а также из других хозяйств района.

*Надежда Георгиевна Бахлыкова (Бронникова)
из бывших ссыльных*

Надои на фуражную корову в 1939 году по колхозам имени Сталина, Ленина, Искра, 8 марта, Новый мир, Первое мая, Новый путь были невысокими. По плану на год от одной коровы полагалось получить 1607 л, 1200 л, 1505 л, а фактически надоено 1024, 779, 1175 литров.

По Сытоминскому сельскому совету числились колхозы имени Кирова, Парижской коммуны, Тельмана, Красная Заря, Верный путь. Плановые цифры — 1379, 1503 литров, а фактические показатели не подсчитаны, но результаты полугодия неутешительные: задание не выполнило ни одно хозяйство. По плану месяца — 197 литров молока, фактически получено 80, при плане 150 надои составил 81 литр.

В Балыкском сельском совете два колхоза: Красный национал и имени Ворошилова. Самые высокие надои здесь: 130, 135 литров, самые низкие — 50, 78.

Передовая доярка Мария Гавриловна Головкина из Чеускино в 1938 году в закрепленной группе надоила 1313 литров молока на одну фуражную корову, сохранила 11 телят без падежа. Она же в 1939 году от 16 коров сохранила 22 теленка, а на одну фуражную корову надоила 1133 литра молока.

Передовая телятница Татьяна Прокопьевна Коркина из Усть-Балыка в 1938 году передала 20 телят без падежа, в 1939 году сохранила 33 теленка, из них передала в годовалом возрасте 9 телят и 24 на руках.

Передовой конюх, заведующий молочно-товарной фермой Павел Андреевич Гребенщиков из Кушниково в 1938 году от 27 конематок получил 27 жеребят, из них сохранено 25 или 93 % к числу маток, двое пали. В 1939 году от 30 маток этот специалист получил 28 жеребят, все они сохранены. За два года в среднем на 100 конематок получено 93 жеребенка или 93%.

По конеферме Кушниковского колхоза, председатель которого К.Н. Трифонов, а заведующий конетоварной фермой П.А. Гребенников, выращивание молодняка по количеству маток на начало 1937-го, 1938-го, 1939 годов — 33, 27, 30, получено жеребят соответственно 25, 27, 28. Пало и прирезано 1, 2, на 100 маток получено по годам — 73, 93, 93 жеребенка.

На 1 января 1938 года всего насчитывалось лошадей 132, маток — 33, жеребят — 24. План 1938 года выполнен. В 1939 году всего 137 лошадей, маток — 25, жеребят 23: план выполнен.

Передовая телятница Таисья Николаевна Бакланова из Тундринского колхоза вырастила 42 теленка до 6 месяцев с привесом 450 граммов. В 1939 году она же вырастила 42 теленка до шести месяцев, а привес составил 500 граммов. В среднем за два года привес достиг 475 граммов.

Передовая телятница Зоя Михайловна Патыловских с Высокого Мыса в 1938 году вырастила 47 телят с суточным привесом 485 граммов, причем, падежа она не допустила. В 1939 году ею же выращено 52 теленка, без падежа, с привесом 505 граммов. В среднем 49 телят с привесом 495 граммов.

По показателям 1937 и 1938 годов поданы заявления о зачислении кандидатов на ВСХВ (Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, а позднее ВДНХ (Выставку достижений народного хозяйства).

В числе кандидатов передовая доярка Головина М.Г., колхоз Чеускино. Ее надои в 1938 году от 11 коров составили 14425 литров, на одну фуражную корову 1311 литров, получено 11 телят, передано 11 телят без падежа.

Передовая телятница из Ямского колхоза Полуянова Д.А.: из 33 телят в 1938 году от рождения до одного года вырастила 32 или 97% , средний привес — 400 граммов в сутки до 6 месяцев.

Председатель Трифонов К.А. из Кушниковского колхоза. Урожай ячменя 1938 года с 5 га составил 45 центнеров, в среднем по 9 центнеров с гектара. На 100 конематок сохранено и выращено в 1938 году — 93. В среднем за два года — 82. Сохранено и выращено жеребят к числу родившихся в 1937 году — 96%, в 1938 году — 92%.

Председатель колхоза С.А. Попов из Усть-Балыка. Урожайность пшеницы в 1938 году составила 15 центнеров с гектара, засеяно 0,94 га. Сорт пшеницы — «Лютесценс». Картофеля сорта

Открытие стелы солдатам, уходившим на фронт в 1941-1945 годах.

*Слева направо: Г. Кондрякова, В. Алексеев, Н. Тарасова,
Б. Соловьева, Н. Манин, Р. Уланова, И. Кондаков,
Г. Пономарев, Н. Бакшеев*

«Рядовой» собрано в том же году 125 центнеров с гектара, площадь посадки — 3.54 га .

Председатель колхоза Г.В.Коновалов с Высокого Мыса. Урожай овса «Золотой дождь» с 4 га – 87,2 центнера или в среднем с одного гектара получено 21, 8 центнера.

Председатель колхоза Д.С. Евдокимов из Зарямского колхоза. Сбор овса «Золотой дождь» в 1938 году с 7,64 га составил 115,2 центнера или с 1 гектара получено в среднем 15 центнеров.

Председатель Терлеев из Сахальского колхоза. Урожай ячменя сорта «Виснер» с 1,73 га достиг 1444 центнера или 1 гектар в среднем дал 8,35 центнеров.

Такую информацию предоставил районный зоотехник В.Калашников, член Сургутской группы Урало-Башкирской экспедиции Наркомзема СССР.

Надежда Георгиевна Бахлыкова продолжает:

— Большое наводнение на сибирских реках в 1941 году усугубило и без того незавидную долю тружеников тыла. Затопило все деревни по берегам Оби и другим речкам, все было под водой: и поля, и луга, и прибрежный лес. Спецпереселенцев в первый год войны не мобилизовали, брали в армию только старожилов из Сургута и деревень. Весной 1942 года брали на фронт всех подряд. Первый пароход увозил почти тысячу призывников. Молодежь просилась на фронт добровольцами: это был патриотический порыв, единственная возможность уехать из поселка, обрести документы, снять незаслуженное клеймо ссыльных с себя и своей семьи.

Я хорошо запомнила день прощания (мы провожали брата Данила Георгиевича и зятя — Петра Редикульцева). Вернулись всего несколько человек по ранению и еще несколько — после Победы. Остальные имена можно прочесть на плитах Мемориала Славы и на страницах книги «Память». А похоронки сельчане получали и после дня Победы. Но люди не верили, продолжали ждать своих родных, иногда это ожидание тянулось годами. Думали, что, может быть, тяжело ранен, может, в плену находится.

В годы войны приходилось работать и за себя, и за ушедших на фронт. Главным был лозунг: «Все — для фронта, все — для Победы!»

Наводнение, о котором упоминалось, нанесло огромный ущерб всем хозяйствам. К концу стойлового периода кормов не осталось, а луга и пастбища — под водой. Скота в колхозах было очень много, особенно коров и лошадей. Как их спасти, чем кормить? Нас, учеников, ежедневно отправляли на лодках, неводниках под присмотром взрослых ломать тальник, чтобы скар-

мливать его животным. Хорошо еще, что начальство было предусмотрительное: сена и силоса заготовливали всегда больше, чем требовалось, имели запас. Да и колхозники отдавали личные старые запасы для колхозного скота. Правда, сено было очень сухое, но его поливали рассолом или брызгали водой и присаливали, чтобы оно отмякло, и коровы его охотнее съедали. Это спасло скот от неминуемого падежа.

Во время войны все старшие школьники работали в колхозе: весной во время пахоты загребали навоз, занимались посадкой картофеля под плуг, пололи, окучивали, а в сентябре выкапывали клубни. Девочки помогали полоть гряды на колхозном огороде, поливали, убирали урожай: турнепс, репу, капусту, морковь. До начала сенокоса работали на заготовке дров на заимках для живших там доярок, скотниц. После ледохода по воде несло много деревьев, бревен, мы забредали в воду и вылавливали их. А дед, что был с нами, в обласке плыл подальше от берега, гарпунил бревно, подтягивал его к берегу, а мы уж тут наготове. Зуб на зуб не попадал, трясемся от холода. Обувь рваная, залатанная лежит на берегу, чтоб потом сухую надеть и чуть согреться. Перестают плыть бревна — начинаем их на козлах распиливать на чурки двуручной пилой, укладывать в поленницы для просушки. Многие простыли и переболели тогда не по одному разу.

Весной заготовливали дрова и для своей школы — пилили на чурки, кололи взрослые, а мы укладывали в поленницы, жгли сучья. В зимнее время привезенные в школу дрова разгружали с саней, снова аккуратно укладывали в поленницы, чтоб они не рассыпались. Дежурные натаскивали дров к печам после уроков, старый дед-истопник протапливал их, и к утру в классах было тепло.

Во время сенокоса тоже трудились вместе со взрослыми. Мальчишки возили копны на лошадях, сгребали конными граблями, а мы, девчонки, ворошили сено, сгребали там, где не могли пройти конные грабли (кочковатое место или сырая низина), подскребали при стоговании. Во время сенокоса всегда было общее колхозное питание: повар готовила для всех еду, продукты выделял колхоз: молоко, мясо, рыбу, картофель, крупы. Ведь работали по 12-15 часов, особенно, когда стояла ясная погода. В сырую погоду обкашивали кочковатые места, возле кустов, так как там нельзя было косить сенокосилкой — она часто ломалась. Донимали тучи гудящих комаров, больно кусающие слепни и пауты. Немного спасала мазь, приготовленная из рыбьего жира и дегтя, а то бы вообще невозможно было работать. Жалко было лошадей: они были искусаны в кровь, глаза облеплены гнусом. Мальчишки во время остановки косилки жгутами из сена обтирали им морды, грудь, сгоняли паутов. Жалели коней — ведь

они в то время были основной тягловой силой в колхозах и незаменимыми помощниками людей в их нелегком труде.

Работы в то время не боялись. Мальчишки постарше рыбачили вместе со взрослыми, а многие даже бросали школу и становились кадровыми рыбаками, а потом звеньевыми, бригадирями. Делать это заставляла полуголодная, босоногая, трудная жизнь.

В 1942 году была построена рыбоконсервная фабрика возле пристани, завезено оборудование из Одессы. Многие тонны сибирской рыбы перерабатывали теперь в консервы. Работали на фабрике и старые сургутяне, и спецпереселенцы. Люди охотно шли туда, потому что на этом предприятии платили зарплату.

Нас, учеников, иногда направляли на выгрузку соли. Она была насыпана в баржи россыпью. Нужно было подняться по сходням наверх, потом по лестнице спуститься в трюм, где более сильные подростки бросали в «крапивный», до белизны просоленный мешок несколько лопат соли по указке кого-нибудь из взрослых, и потом мы несли такой мешок на спине. Снова по лестнице вверх, потом по сходням с баржи вниз, на берег. Лето, жара, пот — тоже соленый заливает глаза и лицо, ситцевое платье пропитано потом и солью, тело щиплет, так и хочется сбросить этот злосчастный мешок. И так целый день... Домой возвращаешься страшно усталый, очень хочется пить.

Отказываться от работы было нельзя: не получишь хлебный паек. Если человек заболел или ребенок прихворнул — освобождения от работы не давали, это было запрещено начальством. У нас заболела мама, так потом две недели она не получала паек. А ей было 63 года, и три ее сына сражались на фронте. Подростки работали в колхозе — на рыбалке, на лесозаготовках, на ферме. Услышав, что на летнее время на фабрику требуются рабочие, мы, несколько девчонок, решили пойти туда в надежде заработать немного денег. Действительно, нас взяли, велели на другой день выходить в цех на разделку рыбы. Мастер объяснила, что и как делать, поставила к разделочному столу.

Рыба была не протаявшая, крупная, у нас не было ни сил, ни сноровки разделить ее, как нужно. Нож большой, острый. Женщины — то одна, то другая предупреждали нас, чтобы мы были внимательными, не спешили, берегли пальцы левой руки. На другой день бригадир перевела нас на склад на подготовку банок. Протирали тряпками их, чтобы они были чистыми от смазки. Но приехал председатель колхоза к директору фабрики и потребовал уволить всех девчонок (там еще до нас работали с десятком учениц). Однако директор фабрики попросил оставить троих, а остальных уволили.

Мы проработали все лето. Я трудилась в остывочном цехе, подносила остывшую жареную рыбу в расфасовочный цех, где ее по весу укладывали в банки, заливали соусом и отправляли на

закатку, а потом — в автоклав на стерилизацию. Трудились по 12 часов, как и взрослые. В цехах жара, не помогала и вентиляция. Целый день на ногах, после обеда, бывало, и тапки сбрасывали. Подошвы так оттопаешь, что после работы на другой край поселка до дома едва доберешься. Начальство ходило по нескольку раз в день с проверками по цехам. Через некоторое время присвоили нам звание стахановок с занесением на Доску почета.

Как-то вызвали меня к Н. Ясинскому — директору рыбокомбината. Я так и обомлела, все стараюсь вспомнить, что я сделала не так, в чем провинилась? Прихожу в контору (это было в конце рабочего дня). Директор находился в кабинете, что-то писал. Предложил сесть, отодвинул бумаги в сторону, внимательно посмотрел на меня, стал спрашивать, с кем живу, кто отец, мать, кто еще есть в семье, кто на фронте. Отвечаю. Задал вопрос: «Где учиться хочешь?» Ответила, что подала заявление в педтехникум в Тобольске, но нам выезжать никуда не разрешают.

Он предложил мне поехать учиться в рыбтехникум, заметив, мол, все оформим, будем помогать, станешь нашей стипендиаткой. Выдвинул условие: после окончания учебы вернуться работать на фабрику. Предложил посоветоваться с родными. «Нет, — говорю, — учиться бы я смогла, но вернуться сюда не хочу». Оба помолчали, он кивнул: «Я тебя понял». Написал что-то на листке бумаги, объяснил, где находится склад, велел сходить туда и отдать эту бумажку кладовщице.

Взяв записку, я попрощалась и вышла. По дороге прочитала ее, но ничего не поняла. Подала кладовщице, она познакомилась с содержанием, посмотрела на меня. Снова прочитала, опять окинула меня каким-то недобрый взглядом. Мне стало не по себе, я хотела уйти, но она велела мне зайти внутрь склада. Нашла какую-то сетку, положила в нее 10 высоких банок консервов: «Забирай». Я говорю: «У меня денег нет». «Ничего не надо, забирай!». Ничего не понимая, я взяла эту тяжелую ношу и пошла к проходной. Удивительно, но дежурный на проходной как будто не обратил на меня внимания. Я еле дотащилась со своей ношей до дома. Мама испугалась, заплакала: «Где это ты взяла, носи обратно, ведь арестуют тебя». Она никак не могла поверить в знак проявления доброго отношения к нам, спецпереселенцам. Даже местные называли нас «колонками», «куркулями». Но доброта живет во все времена... Я ее часто встречаю в жизни и сама дарю ее людям...

Хочется назвать тех, с кем я училась и кто работал в те трудные военные годы в Черномысовском колхозе «Верный путь». Это Нина Чистякова, Александра Бронникова, Вера Абакумова, Варя Домрачевая, Римма Афанасевич, Нюра Урубкова, Катя Шарыпова, Вера и Мария Обуховы, Тася Овсянкина, Саша Михайлова, Ира и Валя Черкашины, Миша и Коля Беляковы,

Нина Шарыпова, Коля Яковлев, Вася Давыдов, Володя Бердюгин и многие, многие другие.

Мы, дети войны, плохо одетые, полуголодные, старались хорошо учиться, хотя и не хватало учебников, тетрадей. Конспектировали то, о чем рассказывала учительница, на старых книгах, между строк. Писали чернилами из сажи. В зимние вечера уроки готовили при тоненьком фитильке коптилки. Похвала отца или брата с фронта были лучшей наградой.

Мы все вытерпели, пережили, выстояли... Помогали фронту, как могли и чем могли. Теперь многих уже нет в живых, ушли в небытие раньше срока, но мы помним их и благодарны им за их порой непосильный труд, стойкость и великое терпение, за силу духа и веру в Победу! Нынешним подросткам в это трудно поверить, трудно понять... Но так было, и это правда, которая до сих пор часто приходит во сне...

Райфинотделу сообщают, что в Угут – Юганском туземном совете на 1.01 1936 года имеется 247 хозяйств, из них – 224 туземных. Трудопоселки не включены в список. Идут отдельной строкой.

Трудопоселки: Черный Мыс, Банное, Погорельский, Новый Покур, Нагорный, Озерный, Высокий Мыс, Песчаный, Зарям, Ямской.

На 23 марта 1939 года всего по району числится 88 населенных пунктов и в поселках трудосети проживает 12091 человек.

2.04 1936 года окружная инспектура Госстатистики просит написать своим алфавитом то название, «которое официально принято в вашем районе, так как многие названия искажены или русифицированы. Выверка этих списков имеет большое государственное значение, так как на их основе будет издаваться атлас».

Поголовье скота в 1937-1978 годах.

вторая графа: обобществлено к 1939 году

Лошадей	3133	1701
КРС	5766	2176
Овец	3209	721
Свиней	123	152

Валовый надой молока в литрах составил:

1937 год – 374859 л.,	на 1 фуражную корову– 66л.
1939 год – 644244 л.,	1060 л.

План сева 1938 года: яровых – 855 га, засеяно 806, озимых – 115, выполнено – 87.

Число колхозов – 73, ссхс – 14, ппо – 41, рыбартелей – 8, неуставных сельхозартелей – 10.

Процент коллективизации по данным райзпо – 69,1.

Архив г. Сургутта: фонд 10, единица хранения 11 «а»,
стр 141.

ППТ и КОЛХОЗЫ

За годы советской власти благодаря спецпереселенцам в районе возникли поселки Погорельск, Орехово, Островное, Новый Покур в Покурском сельском Совете, Нагорный в Локосовском сельском Совете, Банное, Черный Мыс в Сургутском сельском Совете, Высокий Мыс, Озерное, Песчаный, Рыбацкий в Тундринском сельском Совете, Зарям, Ямское, Боровое в Сытоминском.

Перед войной в районе насчитывалось 30 колхозов, объединяющих 2449 человек, из них 376 подростков, 1007 женщин, 1066 мужчин. В местах проживания ханты были организованы простейшие производственные товарищества (ППТ), всего перед войной их насчитывалось десять. В отчете за 1940 год указано время их образования: 1934-1935-1936 годы, переписано также число оленей, упряжи, нарт, обласов, семей. Всего в десять ППТ входило 205 человек. В четырех хозяйствах «Красный рыбак» ППО (простейшие производственные объединения, то же, что и товарищества) Сурломкины отмечены семь семей, в ППО Ворошилова в Ачимовых — четыре семьи, ППТ «Северный пушник» в Кинямино — десять семей, ППО Микояна на Еутских — 12 хозяйств. К этому количеству надо приплюсовать еще 33 семьи, о численности которых можно говорить лишь предположительно.

Названия колхозов прошлых лет не изобилуют разнообразием, им, как правило, давали имена вождей и их соратников, даже немецкий коммунист Эрнст Тельман был увековечен в названии колхоза деревни Сахаль, что находилась на Сытоминской территории. Некая закономерность просматривается в названиях спецпереселенческих колхозов, громкими названиями словно утверждается правильность выбранной линии правящей коммунистической партии. На Черном Мысу колхоз носил название «Верный путь», в Банном — «Новая жизнь», в Нагорном — «Новый путь», п. Песчаный — «Первое мая», п. Погорельский — «Новая заря», д. Широково — «Красный путь», п. Озерный — «Новый путь», п. Ямской — «Верный путь», п. Зарям — «Красная заря», в Сарманово — «Искра пролетариата». Довоенные колхозы сургутских деревень носили имена Буденного, Сталина, Ленина, Ворошилова.

Скупые строчки отчета от 16 апреля в 1941 году знакомят нас с историей создания колхозов. В Сургуте колхоз «Красный северянин» образован в 1929 году, в нем насчитывался 71 труженник. Здесь развивалось полеводство, животноводство, луговое хозяйство. Колхоз выписывал журналы «МТФ», «Колхозный бригадир», газеты «Известия», «Омская правда», «Остяко-Вогульская правда».

На Белом Яру колхоз имени Ворошилова образован в 1938 году, он объединял 51 работника. В хозяйстве развивались полеводство, животноводство, охотпромысел. Сеяли рожь озимую, овес, ячмень, высаживали картофель, кормовые растения, овощи: морковь, огурцы, лук бутун. Выписывали журналы «Интернациональный маяк», газеты «Омская правда», «Сталинская трибуна», «На страже», «Колхозник». В хозяйстве издавалась стенгазета и, как записано в отчете, вышло три ее номера. Отмечались достижения стахановцев, среди которых были Балин Матвей Васильевич, бригадир рыбодобычи, заработавший 531 трудодень, Сивкова Зоя Андреевна, доярка — 421 трудодень, Трифонов Захар, конюх — 397 трудодней. Бычкова Мария Ивановна, телятница и ее муж Федор Алексеевич, хозрабочий, а также Силина Пелагея Васильевна и Попова Зинаида Ильинична — хозрабочие, которые являлись стахановцами.

Колхоз «Путь Ленина» в Романовской половинке создан в 1931 году, насчитывалось в нем 38 колхозников. Его основные отрасли: охота, животноводство, полеводство. Здесь получали

Уголок старой деревни

журналы «Колхозный бригадир», «Крестьянка», «Учет и финансы в колхозах», «Молодой большевик», газеты «Омская правда», «Сталинская трибуна», «Колхозник». Стахановцем колхоза считался Шехирев Иван Семенович.

Колхоз имени тов. Буденного создан в 1930 году в д. Юган, в нем трудился 41 колхозник, развивались молочно-товарная отрасль, овцеводство.

В Широково в 1938 году возник колхоз «Красный путь», в нем работало 47 колхозников. Занимались они охотой, полеводством, животноводством. Здесь отмечены полевод Парунин Яков Максимович, собравший 14,5 центнера зерновых с гектара, и Кайдалов Павел Михайлович, охотник.

В 1933 году на Черном Мысу организован колхоз «Верный путь», в котором трудилось 122 человека. Рыболовство, охота, полеводство, животноводство — такова была специализация хозяйства. В колхозе насчитывалось 15 плугов, девять борон «зигзаг», три культиватора, три сеялки, три окучника, десять сенокосилок, семь конных граблей, жатка-самосброска, веялка, молотилка, сортировка, сепараторы, маслобойки, силососаморезки, бороны дисковые, луцильник, картофелекопалка. Были в колхозе также рыболовные снасти: невода, сети ставные, плавные, фитили, самолосы-секретки, котцы, плашкоуты, катера, лодки-неводники, лодки средние, обласа, бударки. Работали здесь бондарня, столярная, санная и кошевня, кузница, смолокурение. В маяках значились Зырянова Афанасья Сидоровна, телятница, вырастившая 98 телят, Байнаков Мухтар, бригадир — рыбак, выполнивший план на 190%, Бронников Семен Данилович, рыбак, Овсянкин Михаил Прокопьевич, пушник.

В этом же году создан колхоз «Новая жизнь» в Банном, объединивший 164 колхозника. Тут развивалось многоотраслевое хозяйство — заготавливали кожсырье, шерсть, волос-линьку, крахмал, кирпич, пушнину, богатыми были водоемы на водяную крысу. Развивались также полеводство, животноводство. Колхоз выписывал журналы «Вокруг света», «Интернациональный маяк», «Работница», «Безбожник», «Крестьянка», «Колхозно-товарная ферма», «Колхозное производство», газеты «Омская правда», «Рыбная промышленность», «Сталинская трибуна», «Колхозник».

Стахановцев в Банном было больше: Аксенов Алексей Никифорович, Южаков Иван Иванович, Борисов Леонид Петрович, Семенов Алексей Афанасьевич, Белоусов Максим Михайлович, Желнин Данило Петрович, Мотаева Пелагея Ивановна, Редикульцева Александра Григорьевна, Перевалова Устинья Петровна, Сазонова Матрена Филипповна.

В Тундрино была организована артель имени Сталина в 1929 году. Вместе с подростками от 12 до 16 лет в ней насчитывалось 77 колхозников. Здесь также получили развитие животноводство,

полеводство, коневодство, рыбный промысел, звероводство. Стахановцами были Патракеев Прохор, Квашнин Владимир, Квашнина Таисья, Патракеева Зоя Дмитриевна, Крылова Татьяна, Пушкина Татьяна.

Чеускинский колхоз имени Ленина появился в 1930 году, в него входило 27 человек. В Пилюгино колхоз имени 8 марта возник в 1932 году, в нем насчитывалось 44 колхозника, занимались они сенокошением, переработкой молока, животноводством, полеводством. Маяками считали Савина Александра, Огорелову Марию, Федулову Аграфену, Силину Зою Петровну, Курбатову Матрену, Бесперстова Федора.

Образованный в 1932 году в Лямино колхоз «Красный рыбак» состоял из 30 колхозников, которые занимались охотой, полеводством, животноводством. Его соседи с Высокого Мыса в колхозе «Новый мир», а также члены колхоза из «Нового пути» п. Озерный выполняли ту же работу, но людей здесь было как минимум вчетверо, а то и впятеро больше. Эти поселки строили спецпереселенцы. Одна из бывших ссыльных Раиса Александровна Беляева (Порошина) рассказывает:

— Я родилась 4 октября 1923 в деревне Заселька Талицкого района Свердловской области. У отца был брат Порошин Василий Ефимович, 13 человек жили вместе. Когда построили другой дом, отец с семьей перешел жить туда. Дед остался в старом доме с младшим сыном, а бабушку взял старший сын. Они выращивали хлеб, держали немного скота. Хлеб и мясо сдавали государству. Прожили мы в новом доме всего один год.

В 1929 году обоих братьев стали выселять. Все забрали, ничего не разрешили взять с собой, во что были одеты, в том и остались. Ссылка происходила зимой. В короб наложили солому, погрузили нас в него, сверху повозку накрыли рогожей. Бабушке было тогда 80 лет, мне исполнилось шесть, а сестренкам было еще меньше — четыре, два и один год. У дяди было трое детей, самой маленькой — от роду всего одна неделя. Разве же такая малютка выживет? На первом станке похоронили ее.

Дали нам трех коней. Выделили немного муки и печеного хлеба — ведь дорога длинная, когда и куда побежишь в магазин? Мама с отцом всю дорогу шли пешком. Кулаками мы не были, трудились много, поэтому и жили неплохо, и в ссылке неустанной работой отличалась наша семья. Голодали, но выжили.

Помню, как мы поднимались в Тобольске на гору, долго в полулежачем положении находились. Потом нас, малышей, выгрузили в какую-то казарму, на голый цементный пол. Тут и ночевали. Мама дала нам по кусочку хлеба, кипятку принесла, мы поели, немного вздремнули и снова отправились в дорогу. Привезли в деревню Рачево. Дали немного передохнуть, а потом направили в деревню Пилюгино, там мы жили до весны. Затем повезли на лодке на остров, где стоял непроходимый хвойный лес.

Строили сначала санные балаганы, жили в них у самой реки. На этом острове обитали только медведи, да еще водилось очень много змей. Но, видимо, Бог хранил нас — никого медведь не задел и не укусила змея. На этом острове даже никакой избушки не было, никто там до нас не жил, ханты здесь не селились. А когда поселок построили, тогда и ханты появились.

Строили дома наши родители. В руках у них был нехитрый инструмент — лопата, топор, веревка, пила-поперечка. Лес валяли, таскали веревкой, шкурили и складывали на мох. Пол, потолок делали из жердей. Земли накидали на потолок, так и зимовали без крыши. По две, три семьи жили вместе. Обогревались железной печкой. Общие нары, тоже сколоченные из жердей, на них стелили сено, как животные на нем и спали. Стол тоже смастерили из жердей, вместо стульев — чурки — вот и вся наша мебель той поры.

Потом стал народ прибывать, начали капитально строиться. Зимой и летом продолжались интенсивные работы. Построили поселок из 22 жилых домов, школу, магазин, клуб, детсад, больницу, контору и скотные дворы. Корчевали лес вручную, землю копали лопатами. Выдавали тогда паек мукой: на рабочего — 15 кг, на ученика — 12 кг на месяц, а иждивенцам ничего не полагалось. Приходилось добавлять всякие примеси: сушили березовую кору, таловый лист, толкли все и таким образом получали муку. Пекли очень сдобные лепешки, они в руках рассыпались.

Народ стал пухнуть от недоедания и умирать, тогда норму стали давать печеным хлебом, а иждивенцы по-прежнему ничего не получали. И эту пайку приходилось делить на всех. Хорошего урожая картошки не сразу дождались: ведь землю вначале нужно удобрить, а потом ждать отдачи от нее. И семян взять было негде, не на что купить. Нам с родины мамин брат присылал посылки с семенами, мама ходила в деревни Тундрино, Пилюгино, в Половинку, меняла тряпки то на блюдо картошки, то на кусок хлеба. Зимой с саночками отправлялась в Сургут на рыбозавод за отбросами (рыбные головы). Тем и питались.

А когда поселок построили, мужчин отправили на заготовку леса. Потом мы купили на две семьи одну телочку, она выросла, отелилась, появилось молочко, стало жить веселее. Я подросла, стала помощницей. Каждый день в лес за грибами и за ягодами ходила. Колхоз начинал хозяйство с одного коня и с одной коровы, но постепенно хозяйство расширялось. У нас в основном развивались животноводство и рыбалка, а посевы не вели, так как остров был небольшой. Назывался он Озерный потому, что много озер на нем было.

Когда открыли школу, я пошла учиться. Окончила 4 класса, и в эту же школу устроилась на работу техничкой. Пол в ней был не крашенным, печи топились дровами, было тяжеловато содержать в чистоте и тепле здание, но что поделаешь? Год прорабо-

тала, открыли детсад, и я пошла няней в него. Работали на трудодни, целый год ставили палочки. Если получали какие-то копейки, то покупали самое необходимое. Случалось это нечасто, в должниках колхозники оставались, но продолжали усердно работать.

Началась война. наших ребят призвали на фронт в 1942 году. Забирали всех мужчин, из семей уходили на войну по два, три человека. Всего из Озерного отправились на фронт 39 человек, а вернулись домой только десять. Еще в трудармию призвали пятерых, вернулись четверо.

Мой отец Порошин Александр Ефимович воевал в германскую войну 1914 года, попал в плен, четыре года находился в неволе. Но в эту войну его не взяли по возрасту, однако в трудармию отправили, в Архангельске он работал. Труд был тяжелым, связан он был с лесом. Большие физические нагрузки, недоедание привели к тому, что отец там, на чужбине, скончался.

Молодежь из Озерного тоже забрали на фронт. Остались женщины, старики и подростки. Вот мы и выполняли планы лесозаготовки, занимались рыбалкой. Зимой приходилось долбить лед толщиной до 70 сантиметров, невод длиной до 200 метров выбирали из воды в мороз и ветер голыми руками. Похлопаешь руками, согреешь их мало-мало, и опять тянешь.

Осень подходит — направляют в леспромхоз, на прорыв, до 10 апреля. Мы с сестрой валили лес. Снег глубокий, подходишь к лесине, разгребаешь до земли, подрубаешь ее, пилишь, валишь, идешь к следующей — целый день эта тяжелая процедура повторяется. Затем лесину разделявают, обрубают сучья и жгут их уже другие люди. За этот труд давали по 500 граммов хлеба. Бывало, пойдешь в столовую, плеснут тебе поварешку баланды, где в соленой черной обезжиренной воде плавают картошка, капуста мороженая. Выполняли план голодные, целый день находились на морозе. Как только 24 нормы выполнишь — дадут денег на юбку, на картошку, выделяют кусок мыла и юрок ниток.

Приходилось также возить лес на лошади. Помню, заболел мой партнер, уехал домой, и я справлялась одна, как и те, кто работал в паре. Заезжаешь в деляну, раскатываешь лес, заводишь коня, наваливаешь лесину и едешь. Работала на сплаве, обрубывала рубила, плотоматку строила, в Салехард на ней ездила. Возвращаешься с заготовок и снова готовишь невода, атармы, отправляешься на весновку. Потом на малые невода, рыба отловилась, готовишь на Ляминский песок 700-метровый невод. Проходит этот сезон, и опять на малые невода 200-150 метров идешь. Такой круговорот повторялся из года в год: леспромхоз, рыбалка. Всю рыбу тогда вылавливали, даже шестисантиметровый чебак шел в пищу.

Рыбачили жены фронтовиков и подростки. Мужья, отцы воевали, а они трудились в тылу, только и разница была, что не под пулями работали. Ночью заедешь в избушку погреться, а бригадир ругается, женщины плачут от усталости, непосильной работы, и мы с ними обливаемся слезами. Посылали на фронт ватники, телогрейки, рукавички вязали, кисеты шили, на облигации подписывались и бездетный налог платили — крепко помогали фронту.

В 1950 году стали укрупнять колхозы, и нас соединили с Высоким Мысом. Я была дояркой, доила коров и силосные ямы рыла. Целый день копаешь землю, чтобы силос закладывали, а вечером опять идешь на дойку. Доили вручную. И сено заготавливали. Зимой, после дойки, коров выгоняли в денник, а сами в это время вывозили навоз на поля в гурты. Коров гоняли поить на прорубь на Оби два раза в день. У меня сильно болели руки, и мне разрешили побывать на приеме у врача. Утром 31 марта отправилась пешком в Сургут в больницу. Дошла до Пилюгино, заночевала там, на другой день была в Сургуте. Дали мне направление на курорт, но я так и не выбралась на лечение и отдых, потому что надо было еще троих ребят учить.

Я занималась разными работами: на посевную, на уборочную, на покос отправляли и на пилораме трудилась. Потом досматривала скот на заимке, давали в помощь детдомовских девочек, а я была за старшую, хотя командовать никогда не умела. Потом с калмычкой жили на заимке, навоз во дворах чистили, проруби делали на озере. И с украинкой на заимке жила, за нами было закреплено 400 голов овец. Днем пасли их, вечером загоняли в загон, а утром пересчитывали. Все поголовье удалось сохранить. В 1959 году я была избрана депутатом Тундринского сельсовета.

В 1954 году направили в Ханты-Мансийск учиться на звероведа. Тогда стала жить в поселке. Сначала на звероферме были лисы, потом завезли норку, ухаживала за ними, а в дальнейшем ликвидировали эту отрасль: держать невыгодно, требовалось много кормов. Опять выполняла разные работы. Зимой еще с одной работницей тал возили на трех лошадях. Нарубали его по полторы тонны каждый день, скот обеспечивали, ведь сена обычно не хватало. В сорокаградусный мороз занимались заготовкой.

Сейчас я уже бабушка, осталась такой же, как в юности, худенькой. Делаю все работы самостоятельно, да еще и людям помогаю — тем, кто попросит что-то связать, попрясть шерсть. Правда, глаза сдали крепко, если бы зрение было немного лучше, то могла бы выполнять тонкие работы.

Имею двух детей, внуков. Прожила на севере всю сознательную жизнь, здесь на Высоком Мысу, и состарилась. Никуда не ездила, длинные рубли не искала, теплое место тоже.

Анна Федоровна Кашина, урожденная Незговорова, разменяла последний десяток своего грядущего столетия. Обычно к матери, бабушке, прабабушке, отмечающей очередной день рождения, собираются все ее дети. Пятеро ее птенцов не разлетелись по белу свету, а живут там, где выросли. А вот уж дети ее детей, внуки и племянники, коих насчитывается свыше сотни, разъехались — кто в Омск, кто в Ростов, кто в Молдавию. Даже в Нью-Йорке проживает ныне отпрыск семейства Кашиных.

Анна Федоровна была двенадцатилетним ребенком в семье своих родителей — Ксении Васильевны и Федора Михайловича Незговоровых. После нее родилось еще пятеро, и стало в семье 17 человек. Выжило меньше половины, десятерых Бог прибрал. Родителям, конечно же, приходилось туго, поэтому подросшую Нюру в семь лет отдали в няньки за кусок хлеба. В первый класс она пришла уже великовозрастным ребенком и окончила семь классов. Тогда это было незаконченное среднее образование, к тому времени девушке исполнилось 18 лет.

В те годы на нашем севере, в частности в Сургуте, где проживала многодетная семья Незговоровых, шла кровавая гражданская война. Красных выбивали белые, потом победу одерживали дугие. И маленькие дети со страху залезали в подполья, чтобы не видеть братоубийственной войны, не слышать винтовочно-ружейных выстрелов. Много с тех пор воды утекло, а помнит те грозные годы старушка очень хорошо, словно вчера это происходило.

Молодую выпускницу школы в уже мирное время поддерживал комсомол, вручив Анне Незговоровой направление на курсы учителей в Ханты-Мансийск. Округу тогда исполнилось от роду два года, но в его центре уже открылось педучилище, где и прошла свои краткосрочные «университеты» Анна Федоровна. Тогда специалистов готовили как на дрожжах, перед страной стояла задача ликвидации безграмотности. И эту задачу в Нижне-Мысовой, хантыйских юртах Качесовых (Катесовых), где организовался колхоз имени Чапаева, предстояло решать молодому учителю Анне Федоровне Незговоровой. Была она там самым грамотным человеком, однако ханты практически не понимали русский язык. И волей-неволей ей пришлось овладеть языком коренных народов.

За парты сели великовозрастные люди, которые писали: «Мы — не рабы», «Рабы — не мы». Трудно давалась непонятная наука взрослым людям, особенно не поддавалась пониманию грамматика и правописание. Это естественно, ведь хантыйский язык достаточно краток и прост, в нем нет родовых различий, что четко прописано в грамматике русского языка. Все нехитрые предметы начального школьного курса взрослые постигали с большим трудом. Но Анна Федоровна не отчаивалась, и шаг за

шагом учила неграмотных людей, которые раньше и расписаться-ся-то не умели, ставили тамгу или начальные буквы фамилии.

Педагогическая практика девушки была недолгой. Судьба ее круто изменилась, когда вышла замуж. Нужно было вести хозяйство, растить детей. Она переквалифицировалась и стала торговать. Дело это было не столько сложным, сколько тяжелым. В упаковках те или иные продукты не привозили, все поступало в огромных мешках и ящиках, в бочках и коробках. И разные товары проходили через руки молодой продавщицы.

Совсем трудно стало, когда ее супруга Ивана Николаевича в 1941 году отправили на фронт. Воевал Кашин совсем недолго, под Ленинградом был ранен, вернулся домой инвалидом первой группы. Будь вот теперешнее время, сидел бы себе Иван Николаевич на инвалидности, но тогда шла война, мужчин всех забрали на фронт, ушел в горнило Великой Отечественной Яков Катесов, председатель колхоза, и пропал без вести. А инвалид Кашин встал на его место и до 1951 года председательствовал в колхозе имени Чапаева.

Кто знает, может, и осталась бы здесь семья Кашиных, да надо было определять детей учиться. И тогда Кашины решились на переезд в Сургут. Купили здесь землянку и ютились в тесном жилье, пока следующим летом отец не привел плот и миром не построили избу. Дом получился теплым и просторным, с большим двором и постройками. В те годы редкая сургутская семья не имела в хозяйстве живности. И Кашины держали корову, иногда двух, а также кур, поросят. Анна Федоровна одна накашивала траву для осенней подкормки животины. Со временем она ушла с работы, поскольку и дети, и хозяйство требовали догляда. Супруг же большей частью отсутствовал, рыбачил. Тяжкая ноша по воспитанию детей целиком и полностью лежала на ней. Теперь уже по прошествии почти века можно сказать, что со своей задачей женщина справилась. Все ее пятеро детей вышли в люди.

Старший Геннадий и одна из трех дочерей — Евгения получили высшее образование. Геннадий Иванович, правда, по специальности работал мало, больше находился на выборной да руководящей работе. Достаточно сказать, что около 20 лет он возглавлял районный комитет народного контроля. И всю жизнь неизменным его хобби были рыбалка и изготовление чучел. В городской квартире Геннадия Ивановича Кашина, словно в заповедном уголке музея, красуются чучела водоплавающей и боровой дичи, шуки и стерляди. Экспонатами своей коллекции Геннадий Иванович щедро одаривает друзей.

Его сестра Евгения Ивановна Мильчевская — известный в городе врач-терапевт. Галина и Клавдия всю жизнь проработали бухгалтерами, Николай стал энергетиком. И отец их, Иван Ни-

колаевич, работал всю жизнь, в последние годы был ночным сторожем на одном из сургутских предприятий. На заслуженный отдых ушел за полтора года до смерти. Похоронили Ивана Николаевича в 1980 году.

А Анна Федоровна еще в добром здравии, многое помнит, знает. Живет она с младшим сыном Николаем и его женой, но и остальные дети, внуки, правнуки часто навещают старейшину рода Незговоровых, у которой только в Сургуте живет пятеро детей да их половинки, семь внуков, десять правнуков. До сих пор старожилы города помнят семью Незговоровых, из которой в годы войны на фронт ушло два брата, Павел Федорович погиб, а другой вернулся. Помнят мастеровые руки Михаила Незговорова, знатного лудильщика, мастера резьбы по жести. Ни один дымник украшал сургутские особняки, изготовленные руками этого человека. К тому же, Михаил Федорович слыл отменным сапожником. Может, и Геннадию Ивановичу, племяннику Михаила, что-то передалось от дяди по мастеровой части?

Отличается этот род тем, что живут в нем все достойно, даря радость окружающим, поддерживая теплоту в доме, семейный очаг.

Естественное движение населения к 1935 году: родилось 352 человека, умерло 147, в том числе до года – 22.

На 1.01 1936 года население района составляет 7906 человек, без спецсети, ханты – 2679, ненцев – 730.

Процент коллективизации на это число по Сургутскому району составляет 32, 4. Рыбартелей насчитывается 10, ппт – 24, ссхс – 14, всего 48 хозяйств.

Сводная ведомость о коллективизации по Сургутскому району на 1.01.1936 года по сельским Советам:

Аганский – 20 %, кулаков – 10.

Локосовский – 54 %, кулаков – 3.

Покурский – 60 %, кулаков – 13.

Сургутский – 67%,

Сытоминский – 54.5 %,

Салымский – 98 %, 2 кулака.

Тром-Аганский – колхозников нет, 2 кулака

Тундринский – 80 %.

Угут-Юганский – 0,9 %, кулаков – 6.

Усть-Балыкский – 48 %, кулаков – 5

Количество населения в районе в 1921 году: всего – 5132 человека, из них русских – 2901, туземцев – 2231.

1935 год: всего – 7799, русских – 4868, туземцев – 2931 человек.

Песчаный

В 1932 году рядом с Лямино организован колхоз имени Первого мая в Песчаном, в котором числилось 146 колхозников. Занимались они теми же видами работ, что и остальные, а, кроме того, развивали бондарное дело, давшее толчок для деревообрабатывающей отрасли, которая дожила до наших дней. Среди спецпереселенцев тут тоже были свои маяки: доярка Анастасия Михайловна Тарасова, звеньевая Новопашина Евдокия Фроловна, бондарь Захар Сергеевич Харалгин. Старожил Песчаного Евдокия Сергеевна Сафонова, перешагнувшая 80-летний рубеж, до сих пор хорошо помнит своих земляков, прошедших суровые испытания. Она составила список жителей поселка тех давних лет и передала в музей местной средней школы, предпослав ему небольшое вступление.

Ее воспоминания начинаются так:

Хочу рассказать о тех, кто уходил на фронт из поселка Песчаного в годы Великой Отечественной войны в 1942 году. Первое время из поселков не брали в армию, поскольку жители являлись спецпереселенцами. А в мае стали призывать мужчин 1919 - 1923 годов рождения. Вот эти ребята: Сафонов Н.Т., Харалгин П.З., Фарносов И.Л., Новопашин Г.С., Харалгин Т.З., Воронин А.А., Романов В.И. — они вернулись домой. Грозин Ф.Ф., Завьялов К.А., Чернетский И.И. погибли.

Следующий набор мужчин 1924-25-26 годов рождения происходил в июле 1942 года. Ушли в те годы на фронт Фарносов Г.Л., Чернетский В.М., Богданов И.В., Кукарских И.В., Панов Д.С. (его призвали из Тавды, так как он учился в Тобольском педучилище и находился у тетушки на каникулах), Семенов А.А., Кузнецов П.А.

Третий призыв трудоспособных мужчин состоялся в августе 1942 года. Из поселка уехали Кочнев А.Г., Колосов И.Ф., Нохрин Ф.П., Семенов А.И., Новопашин Ф.Г., Канаков А.Е. (он пришел с фронта), Сухарев Ф.Е., Цевелев Г.П., Колосов Н.Ф. (тоже пришел с фронта), Осипов В.И.

В 1943 году последних мужчин призвали в трудармию. Вот их фамилии: Панов Е.Н., Петров Ф.Н., Фарносов Л.А., Медвед Ф.Е., Червин М.С., Шорохов В.К., Крестьянинов К.Н., Девятков И.Д.

В мае 1945 года призвали в армию мужчин рождения 1927 года, но пароходы еще не ходили, да, к счастью, и война 9 мая закончилась, поэтому ребят увезли по другим направлениям. Среди них Панов И.С., Долганов П.И., Кукарских Ф.А., Казанцев А.Т., Лобов П.

— Поселок Песчаный построен спецпереселенцами в 1930 году, — продолжает Е.С. Сафонова. — Его первыми жителями стали те, кого выселили из родных краев, причислив к классу неугодных советской власти людей. Они имели свои дома, хорошее хозяйство: скот и пахотную землю, чем и содержали свои семьи. Многие из них не понимали этой политики, когда все должны вступать в колхозы, коммуны, а все имущество должно быть обобществлено. Насколько позволяет память, перечислю тех людей, которые оказались в нашем поселке: Панов Никифор Онисимович — отец, Панов Сергей Никифорович — сын, Панова Федора Ониковна — сноха, Панова Евдокия Сергеевна — внучка, Панов Дмитрий Сергеевич, Панов Иван Сергеевич — внуки.

Самья Богданова Андрея Васильевича: жена — мать — Мария Ивановна, сыновья — Григорий Андреевич, Василий Андреевич, Гаврило Андреевич, снохи — Ирина Андреевна, Дарья Филипповна, внучки Евдокия Григорьевна, Антонида Васильевна, внуки — Петр Григорьевич, Иван Васильевич.

Семья Девяткова Даниила: Иван Данилович — сын, Анфиза Даниловна — дочь, Михаил Иванович — внук, Нина Ивановна — внучка.

Семья Канакова Евграфа: Варвара — мать, Василий Евграфович, Александр Евграфович, Михаил Евграфович, Федор Евграфович — сыновья, Мария Николаевна — сноха, Ге-

Домик окнами в сад

оргий Васильевич — внук.

Семья Тарасова Михаила Васильевича: Онисья Алексеевна — жена, мать, Анастасия Михайловна — дочь, Василий Михайлович — сын.

Семья Петрова Федора Андреевича: жена Елена Александровна.

Семья Саунина: имени-отчества главы не помню, жена Елизавета Алексеевна.

Семья Грозина Фрола Кузьмича: жена Анна, сыновья — Федор Фролович, Феоктист Фролович — оба погибли в Великую Отечественную войну.

Фарносов Лука Алексеевич — отец, Евдокия Архиповна — жена, сыновья — Иван Лукич, Григорий Лукич, Лазарь Лукич.

Кочнев Герасим Михайлович — отец, Пелагея Сергеевна — жена, Аркадий Герасимович, Павел Герасимович — сыновья, Вера Герасимовна — дочь.

Соколов Дмитрий — отец с матерью, Петр — сын, Мария — сноха, Павел Петрович — внук.

Кубасов Афанасий — отец, Александра Петровна — жена, Анна Афанасьевна, Полина Афанасьевна, Фаина Афанасьевна, Августа Афанасьевна — дочери, Александр Афанасьевич — сын.

Сергеев с женой и дочерью Анастасией.

Лобов с женой и сыновьями — Василием и Петром.

Новиков Константин Григорьевич с женой Офимьей Матвеевной.

Калистратов с женой Анастасией и сыном Иваном.

Казанцев Михаил Васильевич и Евдокия Васильевна, Анатолий Михайлович, Аркадий Михайлович — сыновья, Лидия Михайловна — дочь.

Васелев Андреан Андреевич с Агафьей, Александр Андреанович — сын.

Казанцевы Александр Васильевич и Анна Васильевна.

Сухарев Филипп — отец, Евгения Сергеевна — жена, Елена Филипповна — дочь.

Кашаковы Александра Николаевна, Мария Николаевна — сестры.

Устюгов Терентий Николаевич и семейство: Ульяна Васильевна — жена, Василий Терентьевич — сын.

Цвелев Павел — глава семейства, Татьяна — жена, Маша — дочь.

Филистеев Александр Иванович — глава, Ефросинья — жена, Василий Александрович — сын.

Черноскутов Семен Михайлович — глава семьи, Секлетья — жена, Марфа Яковлевна — сноха

Пестряков Фома Платонович — глава, Епафья Спиридоновна — жена, Зинаида Фоминична — дочь.

Колосов Николай Федорович, брат — Иван Федорович, Анна — жена.

Суворков Александр Иванович, Таисья Терентьевна — жена, Николай Александрович — сын.

Новопашин Сергей Васильевич — глава семьи, Феофанья — жена, Ольга Сергеевна — дочь, Григорий Сергеевич — сын.

Кузнецова Марина — мать, Алексей Максимович, Павел Алексеевич — сыновья, Анисья — сноха, Анастасия Алексеевна, Елизавета — дочери.

Кукарских Иван — отец и мать, Александр Иванович, Иван Александрович, Федор Александрович — сыновья, Надежда Платоновна — сноха, Анфиза Александровна — дочь, Дарья Яковлевна — сестра.

Пуртов Иван — глава семьи, Петр Иванович — сын, Татьяна Максимовна — сноха, Мария Ивановна — сестра.

Новопашин Федор Иванович — глава семьи, Анна — жена, Александра Федоровна, Анна Федоровна — дочери.

Сухарев Федор Ефимович, Пелагея — жена, Георгий Федорович — сын.

Санников Илья и Екатерина — умерли от цинги, остался Иван Ильич — сын.

Беклемишов Яков — глава семьи, Соломея Артемьевна — жена, Серафим Яковлевич — сын, Галина Яковлевна — дочь.

Романовы — дед с бабушкой, Иннокентий — сын, Мария Гавриловна — жена, Василий Иннокентьевич, Петр Иннокентьевич — сыновья.

Семенов Александр Иванович, жена — Ефросинья, Анатолий — сын.

Чащин Исак Никифорович и Харитина Гурьяновна, Фекла Исаковна — дочь, был у них и сын.

Нестеров Василий, Евдокия Николаевна, Павел Васильевич, Василий Васильевич — сыновья, Зоя Васильевна, Таисья Васильевна — дочери.

Пешев Василий Михайлович, Фитинья Стафеевна, Марфа Михайловна, их дети: Леонид Васильевич, Клавдия Васильевна, Дмитрий Васильевич.

Снегирев Евлампий Егорович, Феоктиста Ермолаевна, дочь — Ксения Евлампиевна.

Завьялов Александр, Любовь Абрамовна, сыновья — Константин Александрович, Клеоник Александрович, Виталий Александрович.

Медведева Екатерина, Филарет Ефимович, Анисья Егоровна, Савва Филаретович, Евдокия Ефимовна, Семен Ефимович.

Воронин Александр Иванович, его жена, Леонид Александрович, Валентина Александровна — их дети.

Комельцевы — отец с матерью, Федор, Савелий — сыновья.

Пестряков Меркурий Григорьевич с женой, сын — Яков

Меркурьевич, была у них и дочь.

Харалгин Захар Сергеевич с женой Евдокией, было у них восемь детей: Вера Захаровна, Руфина Захаровна, Иван Захарович, Тихон Захарович, Зоя Захаровна, Павел Захарович, Антониды Захаровна, Августа Захаровна

В семье Калмаковых насчитывалось 4 человека.

Шабановы, помню только Федосью Ивановну.

Копыловкины, Миженовы.

Богданов Андриян Никитич с женой Анной Тимофеевной, Федор Андриянович – сын, Елизавета Андрияновна, Наталья Андрияновна, Мария Андрияновна – дочери.

Крестьяников Калистрат Николаевич с женой Домной Яковлевной. Осипов Иван Сергеевич и Ульяна Александровна, Григорий Иванович, Василий Иванович, Ефим Иванович – сыновья, Матрена Ивановна, Ирина – дочери.

Вильников Александр Ильич и Анна Евстигнеевна.

Желтиков Павел, Мария Михайловна, их сын – Желтиков Михаил Павлович.

Телков Силиверст с женой, Телков Василий, Александр Васильевич, Петр.

Рянин Василий, его жена, их дочь – Филисита Васильевна.

В общем, в первой половине XX века в поселке спецпереселенцев Песчаном проживало не менее 300 человек.

Просвещение

К 1938 году в районе насчитывается 24 начальных школы, 11 – национальных, 5 – неполносредних и 1 – средняя.

К 1939 году – 30 школ, школьных мест – 1230, изб-читален – 14, библиотек – 2, красных чумов – 2, телефонизированных сельских советов – 1, колхозов – 1, радиоузел – 1, 165 трансляционных точек, 4 эфирных установки, катеров нет.

Торговля

Райпотребсоюз-точек – 47, рыбпродснаб – 12, Омпушнина – 15, леспрофторг – 7, прочие – 3.

Список предприятий:

РПС, РЗК, агентство «Омпушнина», заготпункт, отдел связи, радиоузел, аптека, водопост, метеостанция, райпрокуратура, нарсуд, госбанк, райсберкасса, учлесхоз, лесоучасток, агентство автогужтрест, отделение когиза, промартель, райпродснаб, рыбозавод, затон Сургутского рыбозавода, сетепосадочная мастерская, стройплощадка, Рик, райвнутдел, райфо, глановый отдел, райзагс, Дом народов Севера, ветучасток, типография райгазеты.

Колхозы района

В 1932 году созданы колхозы «Красная Заря» в Заряме (217 человек), «Авангард» — в с.Новый Покур (151 человек), «Новый путь» в Нагорном, который являлся новой частью Локосово (235 человек). Занимались в них, как и в других хозяйствах, также животноводством, полеводством, охотой. В передовиках ходили Екатерина Степановна Шулинина, Анна Константиновна Ивина, Ульяна Дмитриевна Стриганова, Любовь Яковлевна и Михаил Яковлевич Шубины с Нагорного. Огородница Юлия Адамовна Фридрих, животновод Максим Васильевич Ромашов, сеноуборщик Федор Григорьевич Слободчиков, конюх Феокист Андреевич Домаскин, доярка Татьяна Семеновна Домаскина из Заряма тоже входили в число лидеров. Петр Павлович Плесовских, конюх, Евгения Ивановна Мурычева, доярка, Павел Андреевич Клопов, полевод, считались лучшими в своем хозяйстве.

В 1933 году на Ямском организован колхоз «Верный путь», в нем насчитывалось 97 человек. В колхозе «Новая заря», созданном в 1933 году в п.Погорельск, числилось 172 колхозника. Из них стахановцев было семь человек: Федор Иванович Усов, Клавдия Трофимовна Елохина, Надежда Александровна Фалалеева, Фекла Константиновна Васильева, телятница, Иван Яковлевич Хмелев, Степан Антонович Мелехин — столяры, Петр Дмитриевич Габышев, бондарь.

На Вате, в Пасоле, Усть-Балыке колхозы появились в 1939-1940 годах. Два первых назывались «Путь Сталина», в Усть-Балыке был «Красный национал». Численность колхозников в Пасоле составляла 32 человека, на Вате — 56, в Усть-Балыке — 48. Из перечисленных по числу стахановцев лидировал Пасольский колхоз и его труженики: строители Авдей Кугаевский, Гаврила Черкашин, Семен Симухин, доярка Мария Кугаевская, сельхозработник Мария Симухина, рыбаки Василий Филатов, Петр Летманов и 80-летний ханты Николай Каменев, оказался в стахановцах и подросток Евграф Спиридонов, занимавшийся охотпромыслом. Это был сын Ивана Евгеньевича Спиридонова, знатного в то время председателя колхоза «Путь Сталина» в де-

в

ревне Пасол Сургутского района. Большая и дружная была семья Спиридоновых — жена Евгения Георгиевна (похоронена в Октябрьском), дочери — Лидия, Нина, Зоя. Сын Евграф, взявший имя убитого на фронте брата Григория, тоже имел большую семью, он похоронен рядом с матерью. А отец, бывший председатель Пасольского колхоза, завещал похоронить себя в Пасоле. После укрупнения колхозов людей и хозяйство перевели в Погорельск. Хоть и предлагали Ивану Евгеньевичу стать во главе нового хозяйства, он не согласился, сославшись на нездоровье. Вскоре и впрямь занедужил Спиридонов и ушел из жизни. Промозгой осенью на большом неводнике увозили Ивана Евгеньевича на место последнего упокоения.

Провожали его в последний путь Мин Абросимович Комаров, Гаврила Васильевич Черкашин, Петр Федорович Мохов, Лидия Васильевна Фалалеева, вдова Евгения Георгиевна, калмыки Ефросинья Бугульдинова, Борис Зунгруев, учитель Виктор Владимирович Бауэр с женой Устиной Тихоновной, Парасковья Черкашина, пимокат Константин Васильев, тетя Тася Агишева, дети и почти все колхозники, что некогда ругали за глаза вездесущего «Ванюшку».

Как-то, побывав на пасольском погосте, поклонилась и праху Спиридонова, он единственный лежал здесь под памятником с красной звездой. Уже в то время столбики деревянной оградки подгнили, теперь, вероятно, остался лишь холмик.

С дочерью Ивана Евгеньевича Зоей Ивановной, которая так и не создала свою семью, встретилась уже в Октябрьске, куда в свое время переехали мать с сыном и дочерью. Она рассказывала, вспоминая предсказание цыганки:

На усадьбе деревни Вата

— Переменишь ты за свою жизнь три места жительства, — пророчила ей гадалка вослед. — Зоя отмахивалась от нее, отказываясь от гадания. Но слова эти в душу запали.

Живет Зоя Ивановна Спиридонова, бывшая пасольская колхозница из колхоза «Путь Сталина», в казенной квартире. Раньше они с матерью жили в старенькой избушке, купленной на свои сбережения. От времени и непогоды, отсутствия мужского догляда она обветшала. И Зоя Ивановна теперь уже без матери переселилась в деревянную двухэтажку, в нее она переехала во второй раз. Но ярче в ее сознании отпечатался первый переезд. Было это еще тогда, когда Сургутский район простирался на двести с лишним верст вверх по Оби, включая Покур и окрестные деревушки. В одной из них, Пасоле, жила семья Спиридоновых.

Крепким считался тогда колхоз. Здесь и урожаи собирали хорошие, и уголья облавливали, и скотину «в холе» держали. Но и в те годы в основном женщины трудились от зари до зари, в страдную летнюю пору открывая в колхозной конторе детские ясли со своим приварком. Мужчин почти не было, лишь старики оставались. Но и те бригадировали на покосах, рыбалке. В полеводстве верховодили женщины, но и тут их недремлющим оком контролировал председатель.

Зоя Ивановна, не обеляя, не оправдывая отца, ровно повествует о том, что ему доставалось в ту пору: не раз грозились уполномоченные упрятать далеко-далеко. Отец часто по рабочим делам бывал в Сургуте и нередко узнавал о таинственном исчезновении своих коллег. Так что угроза была вполне реальной. Вот он и выжимал из себя и людей последние силы. А когда подписали приговор бесперспективным деревням, увлекшись идеей слияния хозяйств, опустел Пасол.

И Зоя Ивановна, с детства решившая, что останется с родителями, переехала с ними в соседний поселок Погорельск. Сколько, говорит, тогда слез было пролито, а отец ходил долгое время как потерянный. Хозяйство между тем приходило в упадок. Падеш на ферме стал делом привычным. Воровать начали безбожно, недодавая бессловесной скотине кормов. Особенно запомнились ей мать и дочь Гридины — Лепестинья с Федосьей, доярка и зоотехник. Они жировали на сливках, а телятам давали обрат, с которого у новорожденных расстраивался желудок. Тогда она посоветовала отцу убрать эту семью с фермы. И он прислушался.

О пасольском председателе и людях колхоза писали много. Одними из первых в районе его труженики побывали в Москве на сельскохозяйственной выставке. Однако новый колхоз, в который влился пасольский, так и не встал на ноги.

Вскоре, говорит Зоя Ивановна, вышла вольная калмыкам и погорельским спецпереселенцам. И опустел поселок: кто на Вату

в новое хозяйство подался, кто в Сургут, в Локосово перебрался. Собрались уезжать и они, как ниточка за иголочкой потянулись за старшим братом Григорием. У того в Октябрьске жила теща. Так и оказались потомки Ивана Евгеньевича в Октябрьском, за сотни верст от Пасола.

Там Зоя Ивановна по привычке пошла работать на ферму. Но не смогла задержаться надолго — какое сердце выдержит, глядя на животных, гибнущих от бескормицы? Дорабатывала уже в хлебопекарне. Переживает о том, что все Спиридоновы оказались разбросанными по свету, и память о них травой порастет. Как на могиле отца, который остался лежать в той земле, которой он служил верой и правдой. От Пасола, что был когда-то в составе Покурского Совета, только кладбище и осталось со скошенной оградкой и свалившимся памятником, на котором внук ножом вырезал: Спиридонов Иван Евгеньевич. Да еще несколько подправленных захоронений, свидетельствующих, что потомки усопших еще помнят о них. Рядом с ритуальными холмами стоит буровая с надписью: «законсервировано».

Старшие сестры Зои Ивановны жили в Тюмени и Нижневартовске, связь поддерживали заочно. Их потомки о своей родной тете знают понаслышке, никогда ее не видели.

Остались в Покурских местах и побочные дети Ивана Евгеньевича, нажитые им с конюхом Аксиной Иосифовной Черкашиной. Впрочем, старшей красавицы Тамары тоже нет в живых, сгорела как свечка от болезни. Другие как-то приспособились в жизни, но всех их раскидала судьба.

Довелось и мне жить в Пасоле с раннего детства. Там нас брали на колхозную работу. Сначала копны возила, потом пересела на конные грабли. Правда, наш постоянный бригадир Иван Яковлевич Черкашин направил вначале с ручными граблями подбирать оставшееся сено после того, как копну увезли. Духота и зной так притомили, что с обеда забралась в полог и не выходила до следующего утра. Это и заставило Ивана Яковлевича распорядиться следующим образом: «Юрко, давай запряги ей лошадь в грабли, пусть подбирает сено». И я старалась это делать наравне с мужчинами.

Самым желанным для детворы того времени было указание ловить лошадей. Вожаку табуна обычно надевали на передние ноги путы, чтобы не мог далеко убежать. Вокруг него паслись остальные кони. Мы их ловили и «навершной» гнали к стану, за что нередко получали взбучку от бригадира. Лошадей тогда очень жалели, это была единственная тягловая сила. Поэтому в особо знойные дни косари с раннего утра скашивали траву, а в 11 часов, когда солнце входило в зенит, давали коням отдых.

Другая часть колхозников под руководством Ивана Петровича Кошелева облавливала уголья Сухого Пасола, где работали калмыки, привыкшие к воде и перенявшие навыки промысла у

опытных рыбаков. В деревне всегда стоял плашкоут, где принимали и обрабатывали рыбу, засыпая ее солью и льдом. К приемке рыбы предъявлялись особые требования: она должна быть определенных размеров, и промысловики это хорошо знали, не вылавливая, образно говоря, мальков, из которых впоследствии вырастала полноценная рыба.

Строго по графику этот плашкоут уводил катер «Волга-Дон» с неизменным капитаном Иваном Грязновым в рубке. Принятая рыба доставлялась на рыбоучасток в Покур, а пустой плашкоут вновь заполнялся уловом. Приемщики рыбы тех лет Римма и Геннадий Кузнецовы, Лилия Базылева, Галина Чемеза, Александр Кейнер знали почти всех жителей окрестных деревень, ведь вахта их длилась не менее недели. Они охотно вступали в контакты с деревенскими жителями, иногда совершали обмен, как теперь бы сказали, бартер. Рыбы местные ловцы добывали много, а соли купить не могли, вот и ухитрялись обмениваться с кормприемщиками: им — молоко, сметану, себе — соль. Но приносили ее глубокой ночью, тайком, чтобы никто не увидел, хотя такую «секретную» операцию, кажется, проводила каждая семья.

Эти же плашкоуты помогали жителям отдаленных деревень добраться в больницу. При этом пристроиться на плашкоут было не так-то просто, капитан не всегда давал «добро». Особенно трудно пришлось мне, когда собралась учиться в Тобольск. До

*Похороны Пасольского председателя колхоза
Ивана Евгеньевича Спиридонова.*

*Слева направо: М.А. Комаров, Г.З. Черкашин, Е.Г. Спиридонова,
Е. Бугульдинова, Б.Л. Зунгруев, П.Ф. Мохов, Л.В. Фалалева*

Покура довозил пароход, а оттуда — хоть «по веревочке», но летом-то ее не было. Почта вообще в деревню приходила с оказией. И тут часто выручал неводник.

Обычно в Покур его снаряжали с зеленой продукцией: огурцами, луком. В хозяйстве было хорошо налажено полеводство — и картошка росла, и рожь, и овес, а в конном деннике устраивались огуречные гряды. На них, как на дрожжах, вызревали огурчики, при этом ничем гряды не закрывали, лишь от ветра их сохраняли бревенчатые стены забора. Правда, когда поднималась рассада, ростки на случай заморозков чуть-чуть прикрывали. Растения не поливали, надеялись на дожди.

Этот урожай и вывозили в Покур на продажу, был там у колхоза приметный дощатый зелененький ларек. Потребители находились, и, распродав урожай, колхозники отправлялись в обратный путь. Как правило, ночью в паре с соседями из Вахлово. Пустые неводники шли быстрее, но все равно ход их сдерживало течение, поскольку поднимались вверх. Очень завидовала вахловским: путь их был вдвое короче, к тому же заводь у самой Кирьясовской горы подхватывала неводник и несла как перышко к родному берегу. Сельчане такого песняка задавали: еще бы, ведь они уже подъезжали к дому, а нам предстояло пилить еще 35 километров.

Здесь, у горы, мы переваливали речку Пасол, держались пологого берега, где течение на порядок меньше. Меня, как самую маленькую, усаживали на корму, где управляется ход неводника. Я рулила веслом или дремала под монотонный шум гребей. Больше полвека прошло с той поры, а вот не забываются такие ночи.

В Пасол мы приезжали уже под утро, колхозники, прикорнув час-другой, шли на работу, но чаще им не удавалось отдохнуть. Не оставались в стороне и подростки, которых тоже отправляли трудиться по разнарядке. Обычно ранним утром сам председатель или его помощник, прозываемый «прокурором», дядя Ганя Черкашин, стучали

А.П. Токарева с детьми Людмилой и Надеждой

в окно и выдавали задание на день: кому идти в поле, кому — на рыбалку, а кому — на зерновой ток-гумно.

Дети колхозников вставали в строй труженников с семи лет. Те, кто учился, работали летом да еще на неделю продлевали каникулы, чтобы выкопать осенью картошку. А те, кто бросал учебу, едва познав грамоту, труди-

лись и зимой на вывозке навоза, уборке помещений, подвозе дров, сена, силоса.

— В 1940 году я уходил в армию из деревни Пасол, — вспоминал бывший житель Пасола Н.Н.З ольников. — Вернуться довелось только через шесть лет. Всю страну проехал с самого Дальнего Востока. Назначили меня заведовать Покурским клубом, а в Пасол я все-таки наезжал часто к матери.

Приехал и не узнал деревни. Не только рожь выше человеческого роста колосилась на раскорчеванных полях. Цвели огурцы, словно сочная зеленая трава рос лук, заворачивались в белоснежную одежду кочаны капусты. *Енча Матвеевич Китидов*

Толковый председатель возглавлял колхоз «Путь Сталина» Иван Евгеньевич Спиридонов, один из лучших хозяев в районе послевоенной поры. Он не однажды ездил в Сургут, добивался, чтобы машинно-тракторная станция выделила колхозу трактор. Посевных площадей не хватало, правда, женщины вручную раскорчевали небольшую полосу на Горелом (так назывался лесной массив). Но многие, даже старики, не верили, что есть такая железная машина, которая заменит лошадь.

Вызывает как-то в правление председатель мою маму, потерявшую в годы войны мужа, Любовь Николаевну Кондрякову и говорит: «Честно, добросовестно ты выполняла разную работу. Спасибо и земной поклон за это от всего колхоза. Сейчас правление решило поставить тебя полеводом. Работа эта сложная, ответственная, но мы надеемся на тебя». Согласилась, не испугалась трудностей Любовь Николаевна, решительно взялась за дело. Больше ста центнеров картофеля собрали с гектара, на больших лодках-неводниках без моторов вручную повезли в Покур на продажу. А вскоре и сами покупатели, несмотря на отдаленность деревни от Оби, стали приезжать в Пасол. И в первую очередь из орс леспромхоза. Закупали овощи и развозили по лесоучасткам.

На возделанных полях собирали богатый урожай. Создавали кормовую базу для крупного рогатого скота и овец на весь стойловый период. В те послевоенные годы кормовую базу создавали все колхозники: рыбачили обычно в ненастные дни, а в погожие заготавливали сено. Не по часам трудились, а от зари до зари. Осенью, когда надвигалась зякоть, в помощь рыбацким звеньям выходили и огородники. И план строго выполнялся из года в год.

Самыми зажиточными были в те годы колхозники из Пасола, которые получали на заработанные трудодни, кроме натуральной оплаты, до десяти рублей после отчетного года.

Маленькой, в два десятка дворов была деревня, а ребятишек в ней много. Все они работали в полеводстве под строгим контролем Любви Николаевны. Зарабатывали трудовни, получали в конце года деньги. Немудрено, что сразу после школы все шли к тете Любе, просили работу, которой у нее был непочатый край.

Старожилы хорошо знали о Пасольском колхозе, его знаменитом полеводстве и его рачительных хозяевах. Родина по достоинству оценила их труд. Любовь Николаевна получила знак «Отличник сельского хозяйства» и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Токарева Александра Павловна 1927 года рождения всю жизнь прожила в Покурском сельском Совете и лишь на старости лет переехала с мужем Иваном Александровичем Гилевым в Сургут, потому что девять их детей в свое время перебрались сюда, когда еще Покур находился в административном подчинении Сургуту. Александра Павловна рассказывает:

– Когда началась Великая Отечественная война, я уже работала – рыбачила. Жили мы на Вате, где был колхоз под названием «Авангард». Оттуда меня направили на годичные курсы ветеринарных работников в Ханты-Мансийск. Скота в те годы было много: коровы, молодняк, лошади, овцы, свиньи, их и лечила. Потом уехала в Островное на лесозаготовки, оттуда написала письмо Алексею Михайловичу Попову, участковому ветеринару в Покуре, в котором сообщала, что хотела бы вернуться в животноводство. Он направил меня ветфельдшером в Пасол. Там я сошлась с Дмитрием Матвеевичем Китидовым, калмыком, который всегда говорил матери, что женится только на

Иван Александрович Гилев и Александра Павловна Токарева с внучкой Венерой и правнуком

*Дмитрий Китидов с подругой
Тамарой Ждановой*

русской. И потекли годы. Зимой муж уезжал на лесозаготовки, летом рыбачил, пахал, сеял, косил сено. Семья тем временем увеличивалась, дети подрастали, их надо было учить, а в Пасоле школы не было.

Снялись с насиженного места и уехали в Мысову, домик купили, тут и устроились. Школа на пять учеников там открылась. Но неудачным оказалось

выбранное для деревни место: огороды и постройки постоянно топило. Да и большая беда случилась здесь в нашей семье. Муж в холодный зимний день с другими работниками отправились на тракторе за сеном, привезли его и решили выпить. Митя пришел домой за деньгами. Я сказала ему, что рубля-то не жалко, да как бы беды не натворили. Ну, в таких ситуациях каждый клянется, мол, все будет нормально. Не вышло: выпили да рассорились, Митю из кабины выкинули и назад сдали — под трактор он и попал.

Дружки его долго не поднимали, а мороз стоял сильный, и снег был глубоким. Холод, возможно, и отрезвил его. Он зашевелился, дружки заметили, стали поднимать, а у него руки отморозились. Привезли мужа домой, стали звонить в Сургут, прилетел за Митей самолет и увезли его навечно. Я с ним в больницу не поехала, на беду рация вышла из строя, а когда связь налади-

Пазел Дмитриевич Китидов с теткой Клавдией Павловной

лась, позвонила знакомому Леониду Петровичу Мезенцеву и попросила, чтобы узнал он о состоянии Мити. Ему и сказали, что пять дней назад муж умер.

Наш сын Павел в то время в Сургутском интернате учился. Он ходил в больницу к отцу, но его не пускали. Это уж он мне потом рассказал. Осталась я с пятерыми детьми на руках. А тут стали укрупнять колхозы: кого — в Локосово, кого — на Вату увезли, а мы уехали в Покур. Там я до пенсии доработала, лет тридцать назад сошлась с овдовевшим Иваном Александровичем Гилевым, и стало у нас девять детей. Он тоже уже давно на пенсии, но не сдаётся, ездит на рыбалку, сети вяжет.

Из трудовой книжки: Токарева Александра Павловна. В связи с преобразованием колхоза в совхоз зачтено время непрерывной работы в колхозе с января 1941 года по 15 сентября 1961 года — 20 лет, восемь месяцев, 15 дней.

24.1.62 года зачислена на работу в совхоз в качестве рабочей на Верхне-Мысовское отделение — телятница. Приказ № 8 от 12.X.61 г.

1969 год. Переведена на Покурское отделение телятницей. Приказ № 53 от 20.VI.69 г.

1977 год. Уволена в связи с уходом на пенсию.

Гилев Иван Александрович, 1926 года рождения. В связи с преобразованием колхоза в совхоз зачтено время непрерывной работы в колхозе с 1 января 1940 года по 20 сентября 1961 года — 21 год, восемь месяцев, 20 дней.

1961 год. Зачислен на работу в совхоз в качестве животновода Покурского отделения.

1963 год. По состоянию здоровья переведен на разные работы. Назначен кладовщиком-хозяйственником по Покурскому отделению.

1978 год. Уволен на пенсию.

Поощрения: «За достигнутые успехи в развитии народного хозяйства Главный комитет ВДНХ СССР награждает бронзовой медалью телятницу совхоза «Покурский» Токареву Александру Павловну». Награждена также медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», юбилейными медалями.

Александра Павловна поддерживает тесные связи с покурянами, с калмыками, которые в конце 50-х годов вернулись на свою малую родину. В Элисте и ее окрестностях живут Ольга Матвеевна, сестра Дмитрия, ее мужа, и его брат — Енча Матвеевич. В Пасоле, где работала ветфельдшером Токарева, на вырубленной опушке леса когда-то стояли калмыцкие бараки. В них жили Ефросинья, Кова, Ольга Бугульдиновы, Андрей с матерью Настей Доржиновой, Варвара с отцом Сергеем Джамбеевым, Абуль с сыном Исаем Тапкиновым, Мондруновы, Зунгруевы. Деревня раскинулась на крутом берегу речки Пасол и начиналась с усадь-

бы Кошелева Ивана Петровича с женой, четвертой по счету, Марией Кузьмовной и двумя сыновьями — Дмитрием и Петром.

В крохотной избушке жила сестра колхозного председателя Олимпиада Евгеньевна, для сельчан просто Липушка. У нее было трое детей: Александра, Юрий, Анатолий Вяловы. По берегу тянулся колхозный огород, с которым граничили дома Кугаевского Авдея Игнатьевича, Черкашина Ивана Яковлевича с детьми Нюрой и Ниной. Далее стояли дома Гаврилы Захаровича и Парасковьи Ивановны Черкашиных, Парасковьи Филатовой и ее детей — Нины, Вали, Шуры, Ивана, Владимира.

На самом берегу реки находился соляной лабаз и дальше располагался наш дом — пятистенник, в котором жили бабушка Акулина Ильинична с дедушкой Яковом Яковлевичем, их сын Владимир с женой Любовой и детьми Антонидой и Галиной. Потом здесь же родились Валя с Ниной. На границе наших огородов с соседями — Зольниковыми Екатериной Артемьевной и мужем Данилой Алексеевичем, их детьми Николаем и Леонидом раскинулась мощная красавица-рябина. Зольниковы вскоре уехали в Покур, а в их низеньком доме поселились Абуль Тапкинова с сыном Исаем.

Самым большим зданием в деревне была колхозная контро-ра под четырехскатной крышей, неподалеку от нее находились конюховка, кузня, где ковали немудреные предметы, лудили, паяли. Здесь же были зерносушилка, конеферма, корпуса-загоны для коров и молодняка.

В том краю далее жили Миша Полтинничек, это его прозвище, а фамилию сейчас и не вспомнить, с Марией Евгеньевной, которая была сестрой колхозного председателя. В доме Летмановой Мелании Порфирьевны, которая жила с сыном и старой бабушкой, внимание всех привлекал домашний иконостас с золотой птичкой, подвешенной к нему. За домом Летмановых, хозяин которого погиб на фронте, жило семейство председателя колхоза Ивана Евгеньевича Спиридонова и его супруги Евгении Георгиевны, называемой просто Динушка.

На краю деревни у Михалевской протоки стояли дома двух братьев Черкашиных: Гаврилы Захаровича и Осипа Захаровича. У Осипа Захаровича и его жены Марфы Аркадьевны было трое детей: Иван, Софья и Аксиныя. Гаврил Захарович был вдов, проживал вместе с дочерью и внуком. В середине деревни, на задах, располагался большой дом Захаровых — Александра и Александры с детьми. Но во время войны они уехали в Вахлово, а дом приспособили под пекарню, дом-лавку, где одно время жили Ткачев Николай Николаевич с женой Марией Петровной, здесь у них родился первенец — дочь Нина. Потом сюда приехали супруги Моховы — Глафира и Петр, зерносушилку переоборудовали под жилье для других Моховых — Павла Федоровича с женой Марией и детьми.

От этого дома протянулась новая улица, где построил себе дом Борис Лазаревич Зунгруев, когда он создал семью. Мы, молодые, приспособили один из опустевших домов, из которого выехали Филатовы, под клуб и танцевали там под тра-ля-ля. В деревне было три бани: колхозная общая, из которой мы ныряли в чистый белый снег, у Кошелевых на краю деревни и Филатовых. Брошенная, она потом поросла травой и мхом.

На задах между домами и Запорным, так называлась небольшая речушка (ее в большую воду запирали и ловили рыбу), раскинулись колхозные поля, на которых выращивали капусту, морковь, свеклу, турнепс, калегу, рожь, овес. На этом поле оставались ягодные болота. Они были именными: Филатовское, Кондряковское, там мы собирали княженику, а на межах колхозных полей — малину. Недалеко от Кирьяса старожилы знают и Кондряковскую протоку.

От той деревни сейчас осталось одно название да кладбище, о котором уже упоминалось. На нем росла особенно крупная малина, которую нам строго-настрога наказывали не рвать. Лишь по остаткам погоста и определишь, где жила-была деревня Пасол. Бывшая территория этого населенного пункта относится теперь к другому району, и нет туда ни у кого пути-дороги...

Промышленные отрасли сургутских деревень

Смолокурение, санное производство, столярные работы. Вырабатывали смолу, деготь, скипидар, уголь древесный. Мастерили сани, подсанки для вывоза древесины, полозья, дуги, розвальни, кошевы. В столярных мастерских делали столы, стулья, тумбочки, этажерки, табуретки, парты, шкафы, детские столы, рамы, койки, бочки, чаны, клепку и прочие пиломатериалы.

Пимокатное, кузнечное, кирпичное, пичужное производство. Катали валенки, шили хромовые и юфтевые сапоги, бродни, чувяки, ковали обручи, другие нехитрые предметы, производили сырой и обожженный кирпич, пичуги для грузила к неводам. Обертывали пичугу берестой и привязывали к титеве.

Было развито маслоделие, крахмальное, колбасное производство. На молокозаводе Высокого мыса вырабатывали масло сливочное, масло топленое, творог. В других населенных пунктах производили еще и сырковую массу, мороженое.

Рыба принималась в 75 населенных пунктах, и в 1959 году ее было принято 26043 центнеров.

В пошивочных мастерских шили платья, юбки, блузы, гимнастерки, пиджаки, брюки, шубы, жакеты, одеяла, рубашки, пальто, белье.

Работала артель инвалидов.

Разовый тираж одного номера газеты «Колхозник» в 1949 году составлял 957 экземпляров. Налоги 1941 года исчисляются в сумме 1987 рублей 51 копейка.

*Городской архив, фонд 10,
опись 1, ед. хранения 26, 27, 28, 29, 49,
50, 52, 55, 55 «а», 57.*

С 30-х годов жила в Угута Клавдия Алексеевна Слинкина, судьба которой тесно связана с этим национальным селом, образованным в 1929 году.

Угут — один из лучших старых населенных пунктов Сургутского района. Его чаще называют поселком, хотя еще в недавнем прошлом на карте района обозначались всего четыре села: Сытомино, Тундрино, Локосово и Угут.

Возник Угут на месте древних поселений ханты Когончиных, Кельминых уже после установления советской власти, которая грубо, по-топорному, на свой лад решила перекроить и хантыйские земли, где проходили неохраемые и незастолбленные границы многочисленных родов Покачевых, Лисмановых, Кымычевых, Когончиных, Нюгломкиных и других коренных жителей.

На карте территории, которая помещена в Угутском музее, можно прочитать названия многочисленных юрт, располагающихся по Большому и Малому Югану. Эта территория простирается до границы с Уватским районом, Томской областью. Здешние аборигены ведут традиционный образ жизни в отличие от угутских предместий, где приказали долго жить юрты Кымычевых, Бисаркиных, Когончиных, да и Еутские перекаслались подальше от реки, где проходит зимник и строится мост.

Свидетелей и очевидцев того непростого времени почти не осталось, тем более ценен рассказ Клавдии Алексеевны Слинкиной, приехавшей сюда в 1930 году. Она рассказывала:

— В конце 1920 года отца с семьей выселили из города Пугачева Самарской области в Сургут на три года. Я пошла учиться в четвертый класс, а в пятый не взяли — посчитали, что дочери ссыльного Алексея Макаровича Масленникова и этого образования достаточно. Стала работать на местном рыбозаводе, но профсоюз запретил трудиться, потому что я была несовершенно-

Петр Семенович Бахлыков у старого музея в Угута

нолетней. Пришлось искать другое занятие, и когда узнала, что в Угуте требуется домработница в заготовительную лавку, то и приехала сюда в 1930 году. В дом-лавке работал Матвей Федорович Когончин, дочери которого Мария, Фаина и Александра хорошо известны в округе. Одна из них — Александра Матвеевна Тахтуева издала несколько пособий по культуре ханты, Мария и Фаина стали педагогами — все они уже в почтенном возрасте. А тогда были маленькими детьми.

Матвей Федорович заготавливал и отправлял в Омск пушнину — «мягкое золото» таежных урманов, у него я и работала. Домов вокруг не было, строители рыли землянки, в них и жили. В 1933-34 годах перевезли из Югана дом псаломщика Завьялова, купеческий двухэтажный особняк здешних купцов, большой дом Федора Федулова. Двухэтажный особняк поставили под горой, разместили в нем школу и интернат. Потом его перенесли на гору, использовали в том же качестве, а затем построили школу. Теперь этот дом вновь стал жилым, в Федуловском живем мы, а Завьяловский, не сохранился.

В те же годы сплавили в Угут из Увата здание больницы. Помню, что бревна из реки мы вытаскивали воротом. В числе строителей были десятник Антон Кирьянович Коробов и мой муж, уроженец Горно-Слинкиной Уватского района Михаил Павлович Слинкин. Строители быстро сложили больницу, отделили помещения, и в 1932 году она приняла первых пациентов. Тут же был предусмотрен туберкулезный стационар. Из толстых жердей построили дом туземцев. Посадили их на мох, сделали печку из глины, установили железную буржуйку. Приучали, так сказать, ханты к оседлому образу жизни.

Собрали в школу парней и девчат, абсолютно не знавших русского языка да и русских обычаев, все они были переростками, но пришлось учиться грамоте, начиная с первого класса. Ведь до нас с ханты общались только купцы. Это Николай Тетюцкий, Федор Федулов, внук которого живет в Угуте и до сих пор хранит в памяти границы владений своего деда.

В Угуте я вышла замуж, родила детей. Работала налоговым агентом от райфинотдела, получила свидетельство младшего финансового советника второго ранга. Имела право носить темно-зеленую форму госбанковских работников. Долгое время была продавцом, в 1967 году мне присвоили звание «Отличника потребительской кооперации». Имею орден «Материнская слава» 3 степени.

Дом, где живет рассказчица, стоит на крутом берегу Югана. В нем около двух десятков окон, от этого в нем много света. Этот дом бывшего купца Федора Федулова переживает третье столетие и потихоньку уходит в матушку-землю.

К сороковым годам XX века в Угут начали приезжать новые русские (не путать с теми, что объявились в годы перестройки) —

В национальной глубинке

В отчетах тех лет кратко говорится, чем занимались колхозники, однако некоторые виды деятельности не обозначены. Например, заготовка орехов. Пасольские колхозники уезжали на Шишечный — так назывался материк, где колотили и крутили шишки. К концу заготовок сюда приезжали тоболяки, чтобы пополнить свои припасы. Был среди них единственный татарин Абдул, которого сельчане звали Апдулкой, с ним приезжал и подросток Роман. Они употребляли в пищу конину, нахваливая этот продукт, чем приводили деревенских жителей в замешательство, поскольку ни лошадей, ни кур пасольские жители не ели, не разводили здесь и свиней. Обходились утками, а к зиме забивали бычков.

Поздней осенью на обласах да бударках уезжали пасольские жители за ягодами, привозили спелую бруснику величиной с теперешнюю клюкву и ведра клюквы, которые ссыпали в бочки и хранили до весны, лакомясь сочной витаминной ягодой. Не той, что сейчас вывозят из леса возами, не дожидаясь ее созревания.

Так жило основное население Сургутского района. Коллективизация коснулась и коренных жителей. Для примера возьмем Угут, где был организован колхоз имени Сталина. Возглавлял его ханты Иван Степанович Комаров. Михаил Дмитриевич Веревкин, старожил села, 18 лет проработавший секретарем Угутского сельского Совета, рассказывает:

— Работали в колхозе люди коренной национальности. Крепким было хозяйство: колхозники косили сено, заготавливали дрова, держали лошадей, коров, выращивали картофель, огурцы, капусту.

— По клочкам сено собирали, — рассказывал старожил Михаил Павлович Слинкин. — Выезжали в низовья Югана, вывозить сено приходилось за 200 километров. Угодья закреплялись надолго. Память о тех, кто покосничал, сохранилась в названиях местности. Честухинский урей именуется так, потому что здесь находились угодья лесника И.Ф. Честухина. Напротив жил Семен Сенькин, и урей до сих пор зовется Сенькиным. Помнят старожилы больничный, школьный урьи, где готовили сено для общественного животноводства.

Пыхтеевы, Тирлеевы, Урубковы, Нестеровы. Каждый строил себе дом, таким образом появилась первая улица — Набережная. А в 50-е годы, когда началось массовое сселение ханты, появились новые дома, которые в большинстве своем почти не отличались от юрт — были они такими же маленькими, с подслеповатыми окнами. Их можно увидеть и сегодня рядом с просторными особняками, которые поднялись на улице Центральной.

Обветшали многие строения первых лет — к примеру, старая школа, клуб, склады да и дома, что нависли над низиной, которую подмывает своенравный Юган. Давно сгорела «Уватская больница», на месте ее коллектив мостоотряда № 15 в порядке шефства построил детский сад, но и он, сослужив свою службу, обветшал. В этой старой части села продолжают жить основатели Угута, ибо новоселы потеснили тайгу, поставив там двухэтажные особняки, построив одноэтажные усадьбы. Туда же перенесены школа, больница — ныне эти здания как снаружи, так и изнутри выглядят красиво, современно.

К началу освоения угутских нефтяных месторождений в селе проживало не более 400 человек. Они работали в немногочисленных подразделениях, которые остались лишь в макете старого Угута, любовно оформленном создателем местного музея П.С.Бахлыковым. В пояснении к нему перечислены такие организации, как база рыбокооп, больница, красный чум, школа-интернат, конный двор, рыбучасток, бондарный цех, льдохранилище, соль-склад, метеостанция. Село органично влилось в территорию Юганского заповедника, организованного в 1982 году, он раскинулся на площади в 52 тысячи квадратных метров.

Историческая справка музея повествует о том, что в 1929 году в Угуге образован сельский совет, председателем его был Лянтин Н.И. На территории совета образованы колхозы имени Сталина — председатель Кымычев Ф.С., Каюковский имени 1 мая — председатель Каюков А.Н., Киняминский имени Ворошилова — председатель Кинямин Т.А., Тауровский имени Рознина — председатель Купландеев С.Г., Тайлаковский имени Кирова — председатель Тайлаков Д.П. Колхозы имели пять лисьих звероферм.

Здесь было открыто несколько торговых пунктов, которые располагались в Тайлаково, Таурово, Кинямино, Рыскиных. В 1934 году создано правление рыбокооп. До 1929 года заготовкой пушнины занимался госторг, затем Интегралсоюз, переименованный в рыбокооп. В 1936 году был организован рыбопункт, затем рыбучасток от Сургутского рыбозавода. В 1940 году начала работать Угутская метеостанция. В 1948 году начали разводить скот, разрабатывать земли на приусадебных участках. В 1950 году была построена школа (перепрофилирована впоследствии в больницу, ныне не подлежащей реставрации — ремонту.)

В 1952 году построен сельский клуб и началось плановое сселение ханты. В 1959 году на территории появился поселок лесо-

рубов — Юган ЛЗУ. В целом по совету насчитывалось 345 жилых дворов, в которых проживал 1701 человек. В 1966 году была подготовлена взлетная полоса, начали регулярно летать пассажирские самолеты АН-2. В 1967-69 годах бойцы львовских студенческих строительных отрядов возвели школьный комплекс.

В 1979 году в Тайлаково и Пунси открыты залежи нефти, что дало новый толчок в развитии этой северной территории.

Информация, которая приведена выше, подготовлена П. Бахлыковым, и, конечно же, она не претендует на всеобъемлющий рассказ об истории Угута. И все же этот справочный материал является начальным источником для тех, кто занимается краеведением, хочет дополнить историю этой земли. Известно, что в 1965-66-ом годах здесь работали вышкомонтажники и нефтеразведчики. Буровой мастер Георгий Еремин со своими товарищами вел проводку первой скважины. Буровой станок смонтировали вблизи зверофермы. Немало леса тогда снес бульдозер, на что Еремин замечал, мол, нефть все спишет. В первые годы нефтяной эпопеи о сохранении природы не беспокоились, беспощадно расправлялись с ней.

С затаенной надеждой тогдашние жители Угута ждали положительных результатов бурения, которые получили намного позднее. Запомнились веселые молодые вышкари, геологи, сочинившие и распевавшие частушку: «В Угуге нас никто не ждет, лишь тетя Клава за прилавком, мы хоть до клуба доползем и спать останемся на лавках». Тетей Клавой была продавец Клавдия Алексеевна Слинкина, к которой частенько наведывались геологоразведчики, выброшенные десантом, без создания каких-либо вспомогательных служб. Они тогда слыли самыми денежными покупателями.

Алексей Семенович Бахлыков с супругой Надеждой Георгиевной (слева третья и четвертый)

Всего лишь за одно столетие Угут получил развитие по третьему кругу, и обусловлено его последнее возрождение открытием нефтяных залежей на Западном и Среднем Угутае, Кинямино и Тайлаково, Пунси и других площадях. На его территории работают нефтеюганцы и сургутяне, томичи и тюменцы, представители Канады из предприятий Кан-Байкал и т.д. Соответственно развивается и село, в котором теперь насчитывается множество организаций. Вновь восстановлены ПОХ (промысловое хозяйство), рыбкооп. Действуют школа, метеостанция, больница, почта, сберкасса, телефон-телеграф. Основным предприятием является НГДУ «Майскнефть».

В XX-м веке в Угутае и его окрестностях проживало уже более трех тысяч человек, в Югане ЛЗУ — свыше 300. На территории открыто три школы: средняя — в Угутае, восьмилетняя — в ЛЗУ, начальная — в Каюковых. Однако наполняемость классов невелика. В старших классах Угута занимается по 16-18 человек, а в Малоюганской такой класс считается большим.

Свою нишу в экономике территории заняли и исконные хозяева земли — ханты, объединившись в общину Яун-Ях. И все это благодаря стараниям супругов Когончиных — Владимира Семеновича, внука Матвея Федоровича Когончина, и его супруги Людмилы Леонидовны.

Василий Лаврентьевич Усков, долгое время являвшийся руководителем ПОХА и рыбкоопа, вспоминал:

— Угутский колхоз — рыбартель имени Сталина сдавал государству более 200 тонн свежей и свежемороженой рыбы. В весеннее бездорожье уловы полностью вялили и сдавали уже готовую продукцию. Грамотных людей в колхозе было только двое: председатель да счетовод, он же и бухгалтер. Образование их исчерпывалась тремя-четырьмя классами. Но хозяйствовало умело. Помимо основного промысла было развито сельское хозяйство. Ханты выращивали картошку, капусту, огурцы, сеяли овес на зеленку.

Большое количество ягод сдавали угутские жители. Как вспоминал Олег Иванович Волков, его мать — Анна Петровна ездила на лодке по юртам, принимая дикоросы. До 40 тонн за один сезон заготавливали. Сырье отгружали на экстрактно-варочный завод в Кондинское, откуда посылали витамины на фронт. Олег Иванович рассказывал, сколько радости у него было, когда мать брала его с собой, и он узнавал, где живут ханты Когончины, Бисаркины, Каюковы, Кельмины. С детства он овладел их языком, и потом жизнь свою связал с коренными жителями, долгое время оставался заготовителем.

Интересным выглядит рассказ Екатерины Сергеевны Орловой, написанный ею самой.

«В 1930 году — во время репрессий отца привезли в Сибирь из Астраханской области, где он еще подростком занимался

плотническими работами по найму. А когда образовалась семья (в ней было четверо детей), стал ловить рыбу в Каспийском море. В городе у предпринимателя рыбаки брали сети, снасти, рыбни-цу и уезжали на длительное время. Возвращались, сдавали улов, хозяин их рассчитывал. Дома чинили сети, брали с собой прови-зию и снова уходили в море. В родительском хозяйстве были корова, лошадь, но приусадебного участка не было: земля там непригодная для огородничества – соленая. Поэтому пользова-лись привозными овощами из других деревень. Отец был одним работником в семье.

Привезли нас в Сургутский район, поселили около Лямино. Расположились под берегом на приплеске, сделали из жердей сараи. В таком жилище стоял жуткий холод, насквозь его проду-вал ветер и мочил дождь. Я заболела корью, едва справилась с болезнью, а некоторых от той же напасти спасти не удалось. Родители ходили в Лямино за молоком, зимой привозили его мороженым, меняли на вещи, если такие имелись в доме.

Мужчины взялись за строительство более добротного жи-лья, так как надвигалась зима.

Мой отец и брат, кроме того, ездили строить Ханты-Ман-сийск. Затем нас расформировали, направив кого куда. Мы по-пали на Высокий Мыс, а другие — во вновь построенный посе-лок Песчаный. Мать работала в колхозе, а отец и старший мой брат Константин — на рыбодобыче.

Мне пришлось учиться в Высокомысовской неполной сред-ней школе-семилетке. Школой мы гордились, нас учили хоро-шие учителя — первая учительница Н.М. Герасимова, К.Н. Фа-деев, Д.И. Соколов, П.Р. и А.Г. Замятины, П.Г. Ничкасов, В.В. Азаренко. Они учили не только грамоте, но старались всесто-ронне развить нас. Организовывали кружки при школе — музы-кальный, физкультурный, танцевальный, рукодельный. Мы там многому научились, что впоследствии пригодилось в жизни. Школу окончила в 1941 году.

Началась война, я поступила в Тобольский медицинский техникум. Училась прилежно, несмотря на то, что донимал го-лод. На каникулы домой добирались на пароходе, который шел долго, так как загружался дровами на пристанях.

В техникуме тоже была дровяная проблема: пока не загото-вим дров — не приступаем к учебе. Осенью каждый год ездили на уборку урожая в Вагайский район. В медтехникуме так же пре-подавали прекрасные учителя и специалисты, которые подгото-вили нас к жизни, научили находить выход из непростых ситу-аций.

После окончания учебы по распределению была направлена на работу в поселок Ермаш Уватского района. Получила здесь должность помощника санврача. Но приходилось заниматься не только своей работой. Время было трудное, поэтому помогали

колхозу: веяли ночью зерно, отправляли его на элеватор, помогали на полевых станах, трудились в сенокосных, рыболовецких бригадах, проводили работу по подписке и сбору средств для фронта, для Победы.

Будучи комсомольцами, мы участвовали в различных общественных мероприятиях, в жизни колхоза. Большие трудности испытывали со сбором средств на всевозможные займы, ведь денег у колхозников не было и продать что-либо было им было некому. Мы брались за организацию выездов колхозников для продажи продукции, чтобы те могли рассчитаться с займами. Так крепили победу над врагом.

И вот наступил долгожданный День Победы. Мне навсегда запомнилось то майское теплое утро. В деревне тогда меня не было, я возвращалась из другой. А народ валит навстречу, все поздравляют с Победой, просят, чтобы лозунги написала на митинг.

После отработки вернулась домой в Сургутский район, где прошли мое детство и юность. Райздравотдел дал назначение в Тром-Аганский национальный совет. Дорога туда оказалась длинной и мучительной, добираться пришлось на оленях. В пути сломались нарты, пока их чинили, стемнело, пришлось заночевать в лесу. Но какой это был сон? Даже подремать не удалось. Одежка на мне неважная — латаный тулуп и худые валенки: тут не до сна. Жгли костер всю ночь. Мой спутник С.Н. Черемнов, уполномоченный райрыболовпотребсоюза, успокаивал: мол, скоро будут юрты Ермаковы. Что же, думаю, за Ермаковы, ведь я еду в Тром-Аган? Добрались до места только на другой день к вечеру, и я поняла, что Ермаковы и Тром-Аган — это одно и то же.

У мемориала погибшим воинам, установленном в деревне Тром-Аган

Приняла больницу, она была построена в 1930 году. По тем временам считалась большой, но требовала капитального ремонта. Население кочевало: имело летние юрты у места вылова рыбы и зимние — на местах выпаса оленей, добычи дичи и зверя. В ту пору ханты жили в чумах из жердей, обтянутых шкурой.

Начинать работу пришлось с овладения языком ханты (многие из них не знали русского языка). Однажды приходит женщина, смотрит на камин и что-то толкует, потом принесла полено, опять что-то говорит. Я подумала, что ей нужно что-то сварить и для этого требуются дрова. Но пришедший председатель совета объяснил, что женщина предлагает услуги по подвозке дров для больницы.

Все население было взято на учет. Ставилась задача по выявлению трахомы, туберкулеза. Проводились выезды в чумы, юрты, обследование людей, назначалось лечение. Проводились осмотры детей из школ-интернатов, их госпитализация. Зимой от юрты к юрте ездили на оленях, летом — на обласах. В Тром-Агане я возглавляла комсомольскую организацию, в которой на учете состояли и русские, и ханты. Мы проводили политучебу, изучали биографию И.В. Сталина, активно участвовали в общественной жизни, кружках. Центром культуры и досуга был красный чум, руководил которым местный житель И.И. Козлов. Комсомольцы ханты имели индивидуальные планы вылова рыбы, пушнины. Мы занимались ремонтом, вели заготовку дров для больницы.

Важную роль в жизни национального населения в тот период имел атарменный лов, где решалась судьба государственного плана по вылову рыбы. Готовились к нему заранее, все продукты завозили еще в апреле по насту. Ставили три атармы: верхнюю, среднюю, нижнюю. Рыбачили ночью, улов солили на месте в брезентовых чанах, затем рыбу вялили. Отменного вкуса получалась продукция! На атарменном лове было организовано социалистическое соревнование, выпускали боевые листки. Я регулярно ездила в атармы, следила за состоянием здоровья рыбаков. Дополнительно приходилось выполнять обязанности и продавца, и парикмахера. Да еще и шила по просьбе молодых ханты гимнастерки из материала защитного цвета, которые были в моде.

В 1950 году работала в Салымском сельском совете, где населенные пункты находились не более чем за 65 километров друг от друга. Тут тоже вела комсомольскую работу, политучебу, делала доклады. В Салыме своими силами построили сельский клуб, в котором занимались артисты-любители, демонстрировались кинокартины. В клубе всегда было весело и уютно. В подготовке вечеров участвовали учителя, медики, другая сельская интеллигенция. Председателем совета в ту пору работал комсомолец М.К. Безух. Особенно активной была жизнь в период

подготовки к выборам в Верховный и местный советы. В глубинках устанавливались радиостанции, через которые мы связывались с населением отдаленных мест для оказания экстренной медицинской помощи.

В Усть-Балыкский сельсовет приехала в 1954 году. В том месте, где сейчас стоит Нефтеюганск, население занималось добычей рыбы, огородничеством. Здесь много было смешанных браков. Дети учились и жили в интернате, не все уже даже помнили свой родной язык.

За активный образ жизни меня избрали депутатом по Карь-Еганскому округу, куда входили Майский и Каркатеевский лесоучастки. Мне очень нравилось работать с национальным населением. Люди были очень добрыми и приветливыми.

А потом я перебралась в Сургут, куда ханты постоянно приезжали и приходили в гости. И в Сургуте дел было немало. Как-то на заимке в Сарантеево не могли растелиться пети, и потому дед Зензин, ответственный за этот участок, отправил меня на помощь. Такая же история случилась в Чеускино, куда меня опять направили в качестве «скорой помощи». Ситуация и в том, и в другом случаях благополучно разрешилась.

С 1958 года работала я в районной больнице, в которую входили роддом, терапевтическое отделение, станция скорой помощи. Называю только те подразделения, где трудилась до 1996 года. Активно участвовала в общественной жизни больницы, избиралась членом горкома профсоюза медицинских работников, исполняла обязанности казначея. Общий стаж моей работы на ниве районного и городского здравоохранения — 52 года. За долгую свою трудовую деятельность неоднократно поощрялась. Награждена юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», знаками «Победитель соревнования» 1974, 1977 годов, была ударником коммунистического труда. Занесена в книгу Почета ветеранов больницы. Имею медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны».

За долгий безупречный труд отмечена двумя грамотами обкома профсоюза медицинских работников, имею благодарственное письмо за достойное воспитание молодежи от Сургутского горкома комсомола и т.д.».

Всего колхозов в 1961 году – 5, рыбартелей – 16, в том числе имеют оленей в девяти.

Зерновыми засеяно 8,75 га, овсом – 29 га, картофелем – 137 га, помидорами – 0,14 га, капустой – 5,61 га, прочими – 0, 2га, кормовыми корнеплодами – 1,74 га, подсолнечником – 17,5 га.

Естественные сенокосы: убрано 4006 га, по рыбартелям – 4897 га.

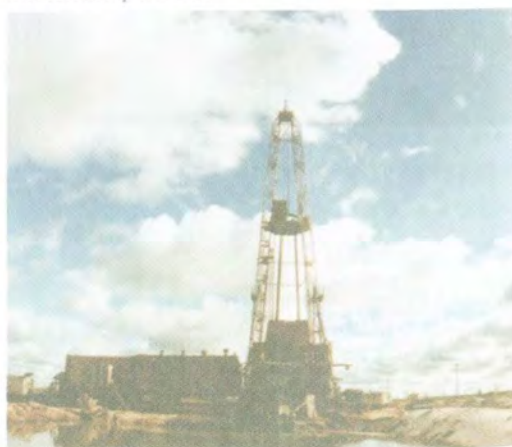
*Городской архив, фонд 10, опись 2,
единица хранения 221 – 222.*

На промыслах района

*Буровой мастер
Александр Кузьмин*

Офис Сургутгазпрома

*Встреча
выпускников
Покурской
средней школы
1974 года*

*Прогулка
на теплоходе.
В центре:
Конев Леонид
Архипович*

*Участники
слета
киномехаников
1980 год*

*Анатолий Кошелев
и Ирина
Кондрякова
на пристани
в Лямино*

Покурская вотчина

ГЛАВА 6

Из отчета 1940 года следует, что в Сургутском районе действовали колхозы: имени 2-й пятилетки — село Новый Покур, «Путь Ленина» — деревня Романовская половинка, «Верный путь» — поселок Черный мыс, «Новая жизнь» — поселок Банный, «Имени Молотова» — деревня Локосово, «Новый путь» — поселок Нагорный, «Имени Кирова» — село Сытомино, «Парижская коммуна» — деревня Кушниково, «1 мая» — поселок Песчаный, «Новая заря» — поселок Погорельский, имени 2-й пятилетки — село Старый Покур, «Новый мир» — поселок Высокий мыс, «8 марта» — деревня Пилюгино, «Красный северянин» — село Сургут, имени Ворошилова — поселок Белый яр, имени Буденного — деревня Юган, «Красный путь» — деревня Широково, имени Сталина — село Тундрино, имени Ленина — деревня Чеускино, «Красный рыбац» — деревня Лямино, «Новый путь» — поселок Озерный, «Верный путь» — поселок Ямской, «Красная заря» — поселок Заря, имени Ворошилова — деревня Варисово, «Искра пролетариата» — деревня Сарманово, «Путь Сталина» — деревня Вата, «Красный национал» — деревня Усть-Балык, имени Тельмана — деревня Сахаль, «Путь Сталина» — деревня Пасол, имени Кирова — деревня Изголовь. Существовали и простейшие производственные товарищества Крайнего севера. В годы Великой Отечественной войны в районе насчитывалось 55 колхозов (данные почерпнуты из книги И.П. Захарова «Защитники отечества»).

Бывший колхозно-совхозный руководитель Николай Владимирович Туполев рассказывал о том времени так:

— Если посчитать по магистрали, то вдоль нее было организовано свыше 50 коллективных хозяйств: рыбартели, сельхозартели. А в Локосово находились два колхоза, куда и прибыли мы с семьей на подвое. Зашел в управление Нагорного колхоза, вижу сидит мой предшественник с ведомостью, выдает аванс — по 50 копеек, по рублю. Спрашиваю, мол, что это? А он в ответ: «Деньги даю на хлеб, не пойдут ведь на работу колхозники голодными». Вечером собрались сельчане, решили избрать меня председателем. Первым делом спросили, много ли пью? Я не растерялся, спросив в свою очередь, а есть ли что пропить-то?

Рассмеялись. И действительно, хозяйство получало мизерные доходы. Каждое утро колхозника мучила дума, на что купить семье хлеба?

Начал я с того, что укрепил счетный аппарат, ввел определенный день для авансирования. 20-го числа каждого месяца колхозник стабильно получал 50 процентов заработанного им на трудодень. Счетовод С.И. Чунарев регулярно ездил в Сургут за деньгами, привозил их в рогожных мешках. Удивлялся я этой его странности, а он объяснял: мол, никто не позарится на невзрачный куль.

Уже к концу года мы имели достаточно денег, чтобы окончательно рассчитать колхозников. Вышли в районе на второе место. Перезимовали. Летом высевали турнепс на корм скоту, здоровые корнеплоды вымахивали. Копали канаву, складывали в нее урожай, засыпали соломой, хвоей, землей. А весной, когда начинался растел, подвозили на фермы корма, в которых сохранились витамины. Точили лопаты и ими в колодах рубили турнепс. Колхозники и сами были не прочь полакомиться, а уж коровам-то поистине это было царское угощение. Надои сразу возрастали, да и телята словно на дрожжах поднимались.

Полеводом у нас был Игнатий Павлович Аникин, самоучка, землю он знал, лелеял, берег. И она воздавала сторицей. Старожилы Локосова и сейчас помнят о богатых урожаях помидоров, картошки. Последнюю отправляли в таежные глубинки — Аган, Угут, Тром-Аган, а также в Салехард «второй хлеб» доставляли.

Колхозная казна постепенно богатела, завели пилораму. Началось строительство. Клуб появился. Кто желал, тот домишко подправлял, наличники вырезал, жильё штакетником обносил. Веселее избы стали смотреться, достаток в доме всеял уверен-

Колхозники Ватинской уставной артели «Северная пятилетка». Прокопий Киреев в первом ряду слева

ность в завтрашнем дне. И трудиться шли с хорошим настроением. Годами работали, не зная выходных, отпусков. Да и как иначе, людей-то не хватало. А хозяйство расширялось: тут и рыбодобыча, и звероферма, и полеводство, и животноводство. Зимой самых лучших колхозников на лесозаготовки отправляли. С нас ведь начинался Сургутский леспромхоз, наши колхозники разрабатывали Туполевские, Ореховские деляны.

Еще один активист сельской колхозной жизни Прокопий Гаврилович Киреев, о котором тепло писала когда-то сотрудник районной газеты Нина Майборода. «Велика ли Пронькина деревня Черная, 37 дворов и всего-то, а гудит сегодня, словно улей растревоженный. Стар и мал с утра в соседнее село Преображенское торопится, прихорашивается, принаряжается. Редкостное чудо — из самого Абалакского (это за двадцать-то пять верст!) мужского монастыря восемь дюжих, рослых мужиков на специальных носилках принесли пешком тяжеленную, чуть не в человеческий рост икону Абалакской Божией матери. Пронькина мать, боясь отстать от сельчан и опоздать на молебен в церковь, торопит: «Пронька, ну что же ты, скорей собирайся. Ах, ты ж, хроменький мой, незадачливый... Сынок ты мой горемычный, единственный. Поспешай, поспешай, Прошенька, на молебствие не опоздать бы. Может, и вымолим у Боженьки счастья-долюшки.

С усмешкой смотрит на хлопотливые суматошные сборы безбожник-отец, ворчит незлобиво: «Эко, темная баба, нашла, у кого счастья допрашиваться. Троих уж мал мала меньше схоронила, а все не отучилась у Бога доли просить. Иди-иди уж — может, для Прошки чего и вымолишь?». Мелко-мелко крестя внука согнутыми старческими пальцами, провожает Проньку девяностолетний его дед.

А на пятнадцатом году жизни ушел из дому и вовсе Прокопий Киреев. Учительница из Преображенского, у какой трехклассную школу кончил, после двухлетнего перерыва пожалела Прокопия: «Учиться тебе дальше, Проша, надо. Не все ж по хозяйству управляться». И подготовила его сама за четвертый класс. Сама и в Тобольск отвезла к сестре своей — тоже учительнице, на жительство пристроила. А та умолила-упросила районное

начальство принять подростка-инвалида в школу второй ступени с девятиклассным обучением. Проучился успешно он пятый да шестой класс, да еще трехмесячные курсы подготовки в техникум прошел.

Так и не вернулся домой, в бедную свою деревеньку Черную. В 1933 году окончил Тобольский педагогический техникум и получил направление в Байкаловскую школу. А время-то, время тогдашнее — страшно вспомнить: голод, нищета, карточная система. И сманил его закадычный дружок-сургутянин Вася Уткин вместе съездить в Ханты-Мансийское окроно, попроситься на работу в Сургутский район. Поехали, да и третьего неразлучного друга Сашу Доронина прихватили. Удачливая была поездка: попал в Сургут на работу Вася, в Покурскую школу (поближе к родне) — Саша, а он — отныне и навсегда Прокопий Гаврилович — в Ватинскую школу заведующим. Три года один работал в этой одноклассной школе, пока не прислали еще учительницу — Анну Григорьевну Тверетину.

Мы с Прокопием Гавриловичем предаемся воспоминаниям в его грустно примолкшем, недавно осиротевшем доме. Не слышать здесь больше никогда голоса его хозяйки — Лидии Александровны, что звучал для него радостью и ожиданием, вселял надежду и оберегал от тревог целых 45 лет. Рядом, неразделимо, душа в душу. Смотрю на густо забеленные сединой волосы, беспокорные руки хозяина, дрожащими пальцами сминаящие очередную сигарету, всю его собранную сухошавую фигуру, а мысли давят волнующе и гулко, успокаивающе-тревожно: «Человек вы наш, человечисше. Гнула вас беда, да не согнула, ломала, да не сломала. И откуда только сила берется?»

Не любит о себе рассказывать Киреев, считает свою жизнь самой прозаической и обыкновенной. Что ж, может, он и прав отчасти. Только вот на таких «обыкновенных» стояла и впредь стоять будет наша власть, наша вера светлая в долю лучшую, справедливую, в торжество разума и мирное творчество рук человеческих. Знать, добрые учителя и наставники были всю жизнь рядом с Прокопием Гавриловичем, если не растратил он до седой своей старости любви к ним и признательности, строгого уважения и гордости, что имел честь работать бок о бок с ними.

Длинный список послужной, не на бумаге Киреевым написанный, а самой жизнью составленный. Люди разных должностей и званий — Василий Васильевич Бахилов, Антонина Григорьевна Григорьева, Г.В.Власов, С.И.Дроздов, Ф.П.Будылгин, Т.Н.Жидков, Василий Васильевич Смехов — нет, невозможно перечислить всех, кому обязан он своим становлением настоящего человека и организатора. Они всегда верили в него, в его чистую незапятнанную мелочами жизни совесть, в его деловитость, принципиальность и честность.

И не ошиблись в нем малограмотные колхозники, фронто-

вики горнила Великой Отечественной Тогушаков и Анисимов, работница райздрави Башмакова, 33 года назад давшие ему рекомендацию в партию. На их строгие вопросы по Уставу, заданные придирчиво и дотошно, ответил он всей своей дальнейшей жизнью. Ответил достойно, как и подобает человеку.

Покурский сельский Совет... Семь колхозов да два лесопункта. Хлопоты, хлопоты, хлопоты. По рыбе, по лесозаготовкам, по займу, по заготовке кормов, картофеля, овощей... Круговерть сплошная, духом упасть можно. Спасибо, помощники выручали — Николай Николаевич Зольников, заведующий клубом и заместитель председателя, А.Е. Силина, начальник отделения связи.

Сводки, сводки в район бесконечные, а их не составишь вдруг, без конкретного знания обстановки. Связи с колхозами никакой, кроме как на обласе летом да по «веревочке» зимой. Тяжело давались председателю тревожные эти будни, горячие эти дни. Тяжело и вспоминать, но говорить все-таки отрадно о них. Как же, первая премия совету 1000 рублей (в старом пересчете), из них 400 — лично ему. А за лесозаготовки тоже премия — патефон. Дивная и дорогая штукавина по тем временам в деревне».

В Покурском сельском совете той поры были колхозы в Пасоле, Погорельске, Вахлово, Вате, Изголови и два в самом Покуре, который до 1978 года входил в состав Сургутского района, а теперь находится в Нижневартовском районе.

Живут в небольшой квартирке в микрорайоне строителей супруги Бахлыковы — Алексей Семенович и Надежда Георгиевна. Дом у них всегда полон людей. Чета Бахлыковых отметила 55-летие супружеской жизни.

Глава семьи — родной брат ушедшего из жизни известного в районе человека Петра Семеновича Бахлыкова на судьбу не сетует, принимает, как должно, и надеется только на самого себя. Эту правило выработалось с детства. Нелегким оно было, с малых лет жил в людях. Вначале с отцом, а когда тот завербовался на север, поехал в Ханты-Мансийск, жил у тетки Авдотьи — жены родного дяди Григория, потом на квартире. Так получилось, что родители разделили детей по обоюдному согласию: Петр жил с матерью, Алексей — с отцом, но иногда уходил к матери. У каждого из родителей были свои семьи, и одно время, когда мать решила брать с отца алименты, он ушел в ту семью, где жил отец и где у него уже было два сына.

Алексей Семенович, как говорится, переходил из рук в руки, поэтому повзрослел рано, говорит, что с десяти лет начал белковать (добывать белку), получил разрешение на ружье. Учиться, конечно, хотелось, но надо было справиться пальто, валенки, шапку и запастись деньгами на зиму. С этой задачей он управился к октябрьским праздникам, но уже безнадежно опоздал на занятия в школу. Так и не пришлось ему окончить ее. Но все

свое усердие и жажду знаний он великолепно реализовал в труде.

На рыбалке и в тайге не было ему равных, рассказывает, что лишь однажды отчим Фрол Алексеевич Андреев показал ему материк (место, значит), и ездил он туда за шесть километров: два — на обласе, остальные пешком преодолевал. Приносил пушнину, сдавал ее, был на рыбалке. В варовую пору, именовалась так июльская путина, добывал столько, что на талоны отпускали ему одному 100 метров белого товара, мыла, три бочки муки засыпал. Одну-то, говорит, раздавал бабам, у кого была большая семья. А старикам отдавал махорку, табак и спички, ни разу в жизни сам не пробовал курить. Промышлял одно время водяных крыс, принимали их по рублю 20 копеек. А за ночь он ловил штук по 200. На заработанные деньги отец купил ему товара на костюм, брюки. Замечает, ткань, из которой были сшиты брюки, оличалась добротностью, ненароком вымарашешь в няше, подсохнут, стряхнешь и опять, как новые выглядят.

Рыбацких историй память его хранит множество и рассказывает их Алексей Семенович — заслушаешься. «В Вахлово, — говорит, — иногда одна щука ловилась, по два-три центнера в тоне добывали». Запомнилось, как выехали в ночь со старухами на тонь, на Кирьясе прямо посередине стояла талина, вынесенная с берега большой водой. Тогда Алексей и предложил увести ее воротом и проневождать. Не соглашались вначале, но Бахлыков настаивал, говорил, что сам заарканит ствол веревкой. Нырнул, привязал куст, на берегу закрутили ворот и тальник медленно поехал. Полторы тонны рыбы на этом месте взяли — и шук, и язей, и муксунов. Потом затесали три колышка с верхушками, воткнули на то место, так сказать, «замаскировали» и еще не однажды протягивали там тонь, увозя рыбу лодками.

В конце войны Алексея Семеновича призвали на службу, в Сургуте он ждал парохода, чтобы отправиться на фронт. Но война окончилась и отправили Бахлыкова в трудармию — на шахты в Анжерку. Собрали там новобранцев, построили, сказали: «Два месяца будете учиться, остальное работать. Жить будете в казарме, питаться в столовой». Взял Алексей отбойный молоток, вместе со всеми спустился в забой, был, говорит, проходчиком первой руки. Вместе с русскими на шахте работали пленные японцы. К ним, вспоминает, отношение было намного лучше, чем к своим. И вина им в столовой подносили, и шампанского. А наших кормили супом, где крупинка за крупинкой бегали. Не однажды трудармейцы писали об этом и другом в высшие инстанции, следом выезжала комиссия, приезд которой ощущался сразу, а уезжали чиновники и вновь супы с несколькими крупинками подавали на обед. Вероятно, из-за плохого питания, да тяжелой работы под землей сильно заболел Алексей Семенович.

На 22 дня его освободили от работы по справке, а тут и отпуск подошел.

Сговорились с парнем из Сытомино, которому тоже полагался отпуск, поехать домой. Из Анжерки в Томск ушли пешком. Если не управятся в сутки, говорил Алексей, в лесу ночуют. Так и получилось. А в Томске к пароходу не успели. Пришлось ждать целую неделю.

Наконец-то прозвучал отвалыный, и парни поехали домой. Пароход довозил до Нижневартовска, Покура. А оттуда как хочешь добираться: до Вахлово, где жили Бахлыковы, никакой оказии не ходило. Хорошо, что на том же пароходе встретились односельчане, ехавшие из Сталинска, нынешнего Новокузнецка. Их в Нижневартовске встречали брат с сестрой, и Алексей к ним пристроился. На бударке, на гребях плыли километров шестьдесят.

В наши края из Байкаловского района родители Алексея приезжали не однажды и жили тут не на одном месте. Из Вахлово перебирались в Пасол, потом обратно, мать одно время жила в Нижневартовске. Так что места Алексею были хорошо знакомы, да и сельчанам он был не чужим. Поэтому, когда он пришел к председателю Вахловского колхоза Ивану Филипповичу Шумилу, тот с радостью согласился взять его в хозяйство. Вот только председатель Покурского совета, прошедший войну, открестился: мол, не хочу я за тебя отвечать, возвращайся в трудармию.

Обратно, конечно, Алексей Семенович не вернулся. Вскоре женился на приехавшей в деревню учительнице, и было это в 1949 году. Алексею исполнилось тогда всего 22 года. Но всю крестьянскую работу он знал и выполнял ее на совесть. Поэтому, когда жену перевели в Угут, он сразу же пошел завхозом в больницу, где тягловой силой были лошади, держали там и коров. А ни сена, ни саней не только в больнице, но и в школе, и рыбкоопе не было. Сани, говорит, заказали в Песчаном, и сами не знали, сделают ли?

Он умел и их мастерить. Наготовил черемошника, нагнул полозьев и дуг, так что по раннему снежку в Угута разъезжали на его санях-розвальнях. Удалось припасти и сена. Здесь же в Угута пришлось ему по обстановке таежного Югана поездить — его магистраль простиралась до Таурово, а это 450 километров, куда водой завозили грузы. Здесь, в Угута, он и свой дом построил. Все делал своими руками, только взял шестерых ребят в помощники, чтобы заготовленный лес к воде подтащить и сруб на мох складывать. Называлось это помочью. Сварит, бывало, хозяйка браги, поставит угощение и зовут людей на помощь. За одно застолье трудились помощники, потому что и сами строились таким же образом.

Пиломатериалы готовили сами, но два сутунка за вечер маховой пилой — раз вверх, раз вниз распиливали. Плахи, говорит,

по полметра шириной получились. Начал строить дом Алексей в апреле, а к сентябрю и «влазины» спроворили, с крышей ему еще брат Петр помог, приезжавший навестить его. Дом долго стоял в Угутае. Уезжая, Алексей Семенович продал его и купил дом в Сургуте за Саймой. Уехали из-за детей: в Угутае можно было учиться всего восемь классов.

В Сургуте Алексей поработал и охотником, и сторожем, вырастил детей, отделил их. Ушел на пенсию, стал заядлым дачником, взялся помогать сыновьям на ферме. Правда, ничего у них не получилось с этой затеей. Да разве у них одних? Вот и рассуждает Бахлыков о том, сколько вреда принесло здешним деревням объединение колхозов в 60-е годы.

— Разве можно было объединять их здесь, где покосов не густо, где и километра не пройдешь из-за речных преград? — говорит он. — Взять, к примеру, две деревни — Пасол и Вахлово, которые исчезли. В первой по кустам да дальним покосам можно было заготовить сено, а в Вахлово — самый дальний покос находился за два километра. Вот и жили они в одиночку: в первом было больше рыбаков, во втором — крестьян. А слили, соединили и все закончилось крахом.

Впрочем, теперь и те территории, где прошла юность этого человека, отторгли, передав Нижневартовскому району. Только что уж было передавать, если не стало деревень, а жители, как песчинки на ветру, разлетелись искать лучшей доли.

Столько же колхозов насчитывалось в Тундринском совете, который объединял Пилюгино, Озерный, Высокий Мыс, Сармановку, Лямино, Песчаный и Тундрино.

В колхозе «Красный рыбак» прошла юность Екатерины Трусовой и Зои Егоровой. Им не было и шестнадцати, когда они стали членами колхоза, главным делом в котором была рыбодобыча. Они вспоминали, как с самой весны и до поздней осени таскали тяжеленный невод, зачастую босиком и в тоненькой одежонке. Зои Константиновны нет в живых, схоронила супруга Екатерина Николаевна.

Стоят четыре дома в Пилюгино, и уж не заходят речные суда в деревню, где некогда шумела жизнь, находилась дровяная пристань, проводились земледельческие опыты, шла бойкая торговля. Угасание деревни началось задолго до коллективизации. Извели мужиков, настоящих хозяев, которыми крепка была старая русская деревня.

О той лихой поре мало уже кто помнит, одни люди состарились, другие ушли в мир иной. Но запомнилась встреча с Василием Матвеевичем Рыткиным, детство которого прошло в Пилюгино. Вот так выглядел его рассказ.

— Родился я в 1916 году в Пилюгино. Родители приехали в село в самом начале прошлого века. Дед овдовел и пустился на поиски лучшей доли со всей семьей. Поехал и брат его Ефим

Андреевич Балуев. Семья большая, рыбаки все заядлые, а места тут завидные — вот и остались в Пилюгино.

Прадеды мои еще в XVIII веке поселились в Сибири, под Тобольском. Дед мой — Матвей Васильевич, отец — Матвей Матвеевич и я из старого казацкого рода.

Силины, Рыткины, Федуловы и ответвления этих родов составляли основное население Пилюгино. С Иртыша следом за нами прибыли Калинины, оттуда же были Еремины. Чуть раньше приехала большая семья Преснецовых. Они развернули громадное дело. Дед Михаил Васильевич Преснецов начал осваивать речную пойму под хлеб. Делал обваловку, чтобы во время большой воды не затопило. Загораживал плетнем, чтобы скот не потравил посевы. Сеял вначале овес, потом рожь. Эксперименты проводил. Его даже наградили за внедрение и разведение зерновых.

Преснецовы и животноводством занимались: коров держали, овец, на их дворе впервые появились свиньи. Сыновья Михаила Васильевича — Александр, Павел, Ефим, Григорий, Захар, Яков в основном пашней жили. Правда, Александр вроде как купеческим делом занялся, кое-что покупал, продавал. Павел Михайлович — знатным косарем был. Бывало, с куском хлеба в руке и литовкой сено косит, проголодается — хлеб откусит и продолжает прокос. По 56 копен за день накашивал, мой отец — только по 52.

В Пилюгино Преснецовы, Федуловы жили зажиточно. Дома двухэтажные построили, сейчас они стоят в Чеускино, Усть-Балыке. Но настоящим купцом слыл Захар Алеевич Валиулин. У него было три сына — охотники, рыбаки. Дом построили большой, в одной части жили, в другой — торговали. На складах муки было под самую крышу. Захар Алеевич сказывал отцу, мол, приходи за мукой, я на полкопейки сбавлю, сторгуемся.

Потом с ним расправилась новая власть, отдал он все нажитое. Дом увезли на Высокий Мыс, использовали под контору, да берег там обвалился — и не стало того дома. Один сын умер и главы семьи тоже не стало, так порешилась семья Валиулина.

Не минула сия горькая участь и Преснецовых. Я сам был свидетелем, когда сельский голова Грачев с понятиями пришел к ним в дом. Анна Иовна, хозяйка, стала ругаться, а дед Михаил Васильевич лежал в постели, болел. Грачев из сельисполкома разложил бумаги: «Михаил Васильевич, придется вам сундуки открывать...» Хозяин отвернулся и говорит: «Анна, не ругайся, власть — сила». Сын его Захар, женатый на Августе Васильевне Федуловой, в то время дом строил.

И Захара, и Павла, и Григория обложили твердым заданием, а потом и выслали. Григория Михайловича и Павла Михайловича отправили на Ямал. Яков же вскоре забрал стариков и уехал в Ханты-Мансийск, стал работать на почте, на катере.

Оставался в Пилюгино некоторое время Захар Михайлович. Он был большим специалистом по технике. А техника в ту пору была несложной: сенокосилка, молотилка да грабли конные. Но все же и это надо было достать. Захар в Москву за техникой специально ездил. Однажды взял деньги и не вернулся, но деньги, правда, выслал.

Из ссылки Григорий Михайлович уехал в Свердловск, работал на Уралмаше. Личностью был знаменитой. Я на фронте видел плакат, который сообщал, что слесарь Уралмаша Г.М.Преснецов дает высокого качества продукцию. Долго собирался навестить его. Но когда работал в леспромхозе, отпусков не давали...

Яков Михайлович, сосланный за невыполнение твердого задания, впоследствии жил в Ханты-Мансийске. Был он другом моего брата. Но потом уехал в Новосибирскую область. В нашем городе живет его племянница Позднякова. Я помню свадьбу ее матери — богатая упряжь, лошади кованые и гостей собралось много.

Сам Михаил Васильевич Преснецов умер в возрасте 103 лет от роду. Семья его нынче разбросана по всему белому свету. А какой хозяин был! Лошадей породистых держал, работника нанимал, который помогал по хозяйству.

Другой давний род в Пилюгино Федуловы — Илья Терентьевич, Василий Терентьевич, Федот Терентьевич, Михаил Терентьевич. Василий Терентьевич умер, остался его сын Василий Васильевич. Его раскулачили. У Ильи Терентьевича дети уехали в Томск и там остались жить. Отца Анатолия Михайловича тоже преследовали. Анатолий Михайлович и его дети жили в Сургуте.

Федот Терентьевич был знаменитым охотником. Все братья дома построили, жили хорошо, трудились много — свободной минуты не было. С 17-18 веков в Пилюгино жили Пушкины — они из уральских казаков. Старики умерли, девицы разъехались, двое мальчиков — Гриша и Сережа музыкальное образование получили.

Потом была гражданская война. Помню, как меня дед в подпол спрятал, а сам рубашки закопал, чтобы не достались мародерам, и в лес убежал. Потом долго смеялись над этим эпизодом.

Я в 1924 году поступил учиться в Сургутскую начальную школу. А через три года пошел работать, было мне тогда 11 лет. Посадили на лошадь, стал дрова возить, стайки ремонтировать. В нашем доме магазин открыли, сестры — кто в школу, кто — в няньки определились. Отец на пяти лошадях рыбу возил, на Ирбите торговал. Привозил обратно мережу, коноплю. Однажды купил мне фетровую шляпу с околышем.

Той зимой он поехал на яму станковую остожину. Долбил лед, устал, пить захотел. Нагнулся над прорубью, а кто-то шутки

ради подтолкнул его ногой. Плохо ему сделалось. А мать в деревне к сестре пошла, говорит, что нехорошее предчувствие у нее. В это время отца привезли, положили на печку. Мать пришла, услышала стон. Всполошилась, к соседу побежала. Запрягли лошадей и в Тундрино повезли Матвея Матвеевича. Врач там не принял. Перепрягли коней — и в Сургут поехали. Прихожу я, вижу Игренька стоит у ворот, а в доме спрашивают, узнаю ли отца? А он черный, худой. Восемь дней пролежал в больнице, но спасти так и не удалось.

Осталась мать вдовой, а мы сиротами. Зарабатывали, как могли. Дрова к пароходу с острова Мичимкина возили. На бухгалтеря потом меня отправили учиться на год в Ханты-Мансийск. А проучился всего шесть месяцев: курсы свернули и «испекли» нас, бухгалтеров. Поработал немного в колхозе, потом в Сургуте был инструктором райзо.

Дали нагрузку — обучать ханты грамоте и воспитывать в политическом духе. Помню Перфила Яковлевича Савуйкина, заместителя начальника, которого нам надо было подтянуть до необходимого уровня: обучить арифметике, познакомить с директивами. Вот и сидел Перфил Яковлевич, заучивая эти директивы. Спрашиваем, учит ли? «Читать-то читаю, — отвечал он, — но мало понимаю, лучше бы арифметикой заниматься».

В 1933 году стали по командировкам ездить. Поехали как-то с Александром Матвеевичем Силиным в Сытомино. До Заряма добрались — малярия меня свалила. По «веревочке» привезли в Пилюгино, где дед меня выхаживал. Так до армии, то есть до 1937 года, проработал в Сургуте и районе. Потом служил в армии до половины 1940 года. Вернулся, хотел поступить в Томский политехнический институт, но вскоре вместо учебы получил повестку и воевал, пока в феврале 1944 года по ранению не комиссовали.

После войны направили заведовать сберкассой, но я не дал согласия, мне выволочку сделали: мол, устав партии не выполняю. Тогда и загнали в леспромхоз, чтобы одумался. «Одумывался» до самой пенсии, с небольшим перерывом. И после пенсии еще пять лет проработал на «ответственном» посту — сторожем.

Леспромхоз в ту пору вел заготовки в Покурском совете. В 1951 году мы провели хороший оргнабор. Впрочем, всякие люди вербовались, но в основном попались стоящие. Разъехались все — кто в Орехово, кто в Островное, кто на Туполевские. Не однажды моя дороженька пролежала через Погорельск, Пасол. Не раз проезжал Кирьяс, рядом с которым проходила дорога на Орехово.

В выборную кампанию я был там уполномоченным. Предстояло известить каждого о предстоящих выборах, собрать людей на участке в день голосования. От лесорубов узнал, что в

тайге скрываются двое. Один прятался, чтобы не попасть на войну, другой — от преследований. С первым было все ясно — он вне закона и сам себя лишил избирательного права. А второго предстояло найти среди заснеженной тайги и бездорожья. Лесники подсказали, что только по дымку от костра можно отыскать схоронившегося. Но дымок, говорили, появляется редко.

Наблюдал за местностью не один день. И увидел тоненькую струйку дымка. Направился в ту сторону. Остановился у дымного столбика и озираюсь, не могу понять, где же жильё находится. Окликнул, вроде кто-то отозвался. Отгреб я снег, вошел в землянку. Она скорее напоминала нору, вырытую в земле. Наверху накат в два бревна, пола нет, лежанка из жердей, чурка вместо табуретки. На печке — чугунок, на чурбаке — кружка, тарелка, досточка — календарь. На человеке, уже довольно пожилым, телогрейка и плащ. Вся одежда в саже, все, как хром, блестящим сделалось. Тусклый свет проникал сквозь крошечное окошко, через него, видимо, выбрасывались отходы жизнедеятельности отшельника.

Это был Завьялов — то ли Арсений, то ли Александр. Бежал, как он рассказал, из Юргинского района, где был настоятелем прихода. Ну, а о жизни не очень распространялся, говорил, что Бог послал испытания, и он терпеливо их сносит. Живет тем, что люди дадут или добудет. А как добыть, если и ружья не было? Пригласил его на выборы, обещал прийти. Распорядился я сшить ему пары две белья, помыть в бане. Слово свое Завьялов сдержал, пришел в Орехово, в баню направился. Стал раздеваться, а воротник так в руках и остался — истлело рубище. После бани выпил спирта, крикнул, потом проголосовал. 82 года тогда ему было, еще пару лет на своем зимовье он прожил, а потом вроде бы в Покур уехал. Звали его дочери к себе, денег на дорогу посылали, а он их истратит и снова пишет, что приедет, если денег вышлют. В Покуре, однако, его и похоронили.

Тем временем хирело и пустело Пилюгино. Колхоз развалился, людей мало стало. Старики умерли, молодежь погибла. В начале 60-х годов начали переселяться и перевозить дома. И осталось в Пилюгино четыре дома вместо 30 дворов и 50 семей, что были в начале века».

Жил последние годы Василий Матвеевич Рыткин в двухкомнатной квартире, переселился в нее после сноса дома. Сожалел о просторном своем особняке, который построил за свои деньги и своими руками. Дети тоже в казенное жильё переехали.

Немало деревень, а стало быть и колхозов входило в Сытоминский сельский совет. Вот их перечень: Сытомино, Зарям, Горный, Чимкино, Сахаль, Ямской, Няша, Тугаска, Дарко-Горшково, Кушниково. К 1963 году в Чимкино, Няше, Тугаске жителей не осталось. В Сахале, Ямском и Кушниково насчиты-

валось по 10-20 человек, в Горном и Дарко-Горшково — соответственно 350 и 215 жителей.

К началу 60-х годов в сельском совете значились четыре колхоза: Сытоминская артель «Родина», Кушниковская и Ямская сельхозартели имени Парижской коммуны и «Верный путь», Дарко-Горшковская национальная рыбартель «Рассвет».

Известным в ту пору председателем в Дарко-Горшково был Яков Иванович Сенгепов. О нем следующий рассказ.

Если собрать воедино всех детей и внуков Якова Ивановича Сенгепова и его жены Анастасии Михайловны, то вряд ли уместятся они за большим круглым столом. Девять детей было в этой семье! Почти все они вышли на самостоятельную дорогу, получив образование и специальность. Старшим Сенгеповым в школе довелось учиться не так уж долго, в основном до всего доходили сами. Когда Якова Ивановича выбрали председателем Дарко-Горшковского колхоза «Рассвет», он едва умел расписываться. Но через некоторое время уже сам доклады писал.

Сложным было колхозное хозяйство, пусть и деревушка-то с пятачок и людей раз-два и обчелся. Не хватало мужской силы. Оно и понятно, ведь сорок восьмой — пятидесятый годы — послевоенные. Остались в деревне только люди, получившие бронь да со слабым здоровьем. Но колхозники рыбачили и охотились, разводили черно-бурых лисиц, пасли оленей. И если первые три отрасли были сравнительно невелики, то поистине быстрыми темпами развивалось оленеводство. Колхоз имел около двух тысяч этих животных. Оленеводству Сенгепов уделял самое пристальное внимание. Пастухами назначал опытных и надежных мужчин, хорошо знающих пастбища. Иногда брал на эту работу женщин. Одной из первых пастушек была жена Якова Ивановича — Анастасия Михайловна.

За свою жизнь ханты Сенгепов дважды был в Москве, не один раз отдыхал на курортах у Черного моря. Это было поощрение за добросовестный труд, который отмечен многочисленными наградами. Среди них три правительственные — орден Трудового Красного Знамени, медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и юбилейная Ленинская медаль.

В годы Великой Отечественной войны в Сургутском районе насчитывалось несколько десятков колхозов. «Красный северянин» находился в селе Сургут, имени Ворошилова — в деревне Белый Яр, «Путь Ленина» — в деревне Романовская Половинка, имени Буденного — в деревне Юган, «Красный путь» — в деревне Широково, имени Кирова — в деревне Сайгатино, «Верный путь» — в поселке Черный Мыс, «Новая жизнь» — в поселке Банный, имени Сталина — в селе Тундрино, «Искра пролетариата» — в деревне Сармановская Половинка, имени Ленина — в деревне Чеускино, имени 8 Марта — в деревне Пилюгино, «Красный рыбак» — в деревне Лямино, «Новый мир» — в поселке

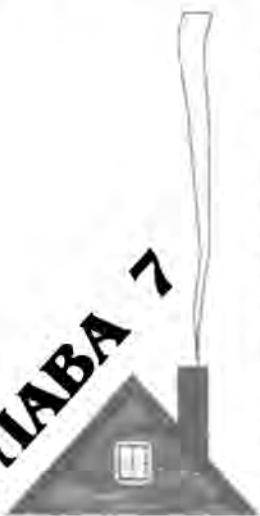
Высокий Мыс, «Новый путь» — в поселке Озерный, имени Первого мая — в поселке Песчаный, «Красный национал» — в деревне Усть-Балык, имени Ворошилова — в деревне Варисово, имени Кагановича — в юртах Сарантеево, «Красный рыбак» — в юртах Карь-Еган, имени Молотова — в селе Локосово, «Новый путь» — в поселке Нагорный, имени 2-й пятилетки — в деревне Верхняя Мысовая, имени Ленина — в юртах Ивашкины, имени Чапаева — в юртах Качесовы, имени Буденного — в юртах Лобановы, имени Стаханова — в юртах Урьевы, имени Кирова — в селе Сытомино, имени Парижской Коммуны — в деревне Кушниково, имени Тельмана — в деревне Сахаль, «Красная заря» — в поселке Зарям, «Верный путь» — в поселке Ямской, «Авангард» — в поселке Новый Покур, «Новая заря» — в поселке Погорельский, имени 2-й пятилетки — в селе Покур, «Путь Сталина» — в деревне Пасол, имени Сталина — в деревне Вата, имени Кирова — в деревне Изголовь, имени Свердлова — в деревне Вахлово, имени Ленина — в юртах Поперечные, имени Микояна — в юртах Чалтымовы, имени Калинина — в юртах Невойлокины, имени Молотова — в юртах Каркатеевы, имени Смиловича — в юртах Рымовы, Имени 1 Мая — в юртах Лемпины, имени Орджоникидзе — в юртах Милясовы, имени Смиловича — в юртах Саторины, «Утренняя заря» — в юртах Совкунины, имени Челюскинцев — в юртах Соровые, имени Папанина — в юртах Кинтус, имени Калинина — в юртах Пим, имени Кирова — в юртах Варь-Еган, имени 1 Мая — в юртах Аган, имени Сталина — в юртах Тром-Аган, имени Ворошилова — в юртах Ермаковы.

*Полеводы-колхозники на курсах в г.Сургуте
(в первом ряду крайняя справа Любовь Николаевна Кондрякова)*

Рыбодобыча

ГЛАВА 7

Рыболовство являлось основным видом экономики, трудовой деятельности и главным источником средств существования северян. На протяжении многих лет добыча велась вручную — самодельными ловушками, различными устройствами вроде морд, чимгов, котцов, запоров. Основная часть добываемой продукции шла на питание семей промысловиков.

По постановлению ВСНХ РСФСР от 27 октября 1922 в собственность народа перешли все промыслы и предприятия на Иртыше и Оби. Наркомпрод республики командировал сюда группу специалистов, перед которыми стояла боевая задача: в кратчайшие сроки организовать рыбный промысел в широком государственном масштабе, объединить ловцов в трудовые артели, осуществлять охрану рыбных богатств.

Для практического решения намеченных задач на Обском севере был создан республиканский трест «Обьрыба», первым председателем которого назначили тюменского губпродкомиссара — посланца большевиков Украины Григория Самойловича Инденбаума. Коллективным организатором рыбацких масс выступила Сургутская уездная коммунистическая организация. На добыче и обработке рыбы было занято в основном местное национальное население — ханты и манси, от которых зимой принимали мороженую рыбу, а летом — соленую. Отправка ее в Тобольск и Тюмень велась гужевым, летом — водным транспортом. В 1920 годы район строит новые поселки, которые заселяются репрессированными.

На базе этих поселков организуются колхозы, главным делом которых становится рыбный промысел. Проявляя заботу о снабжении севера рыболовецкими материалами, Наркомнац 18 мая 1922 года направил докладную записку в коллегию Главрыбы и Центросоюз. В ней указывалось о том, что в «интересах хозяйственного и экономического восстановления республики и вместе с тем защиты туземных народностей, населяющих Крайний север, Наркомнац просит коллегию Главрыбы и правление Центросоюза о срочном и по возможности широком снабжении указанных местностей Крайнего севера — Березовского, Обдор-

ского, Сургутского уездов Тюменской губернии рыболовными материалами».

22 октября 1934 года на заседании председатель райисполкома Василий Михайлович Чарков предложил открыть в Сургутском районе (Сургутский район Тобольского округа организован в ноябре 1923 года) консервную фабрику для обработки рыбы. Но только в 1928 году она вступила в строй и располагалась напротив существовавшего тогда кинотеатра «Октябрь». Размещалось предприятие в доме бывшего купца Баскина, стоявшего на перекрестке улиц Ленина и Республики. Часть оборудования и склад готовой продукции находились в пристройке Троицкого храма, что стоял напротив.

В первый год фабрика выпустила 85 тысяч банок рыбных консервов из осетра, щуки, язя, муксуна, нельмы. В период весенней и осенней распутицы консервы выработывались из бороной дичи: куропаток, глухарей, тетеревов, рябчиков. Нелегким был труд на консервной фабрике. Дымились печи, топившиеся сырыми дровами, слезились глаза у рабочих, которые обжаривали на железных противнях рыбу. Две старенькие закаточные машины, тяжелый автоклав, слабосильный движок — вот и вся техника, которой было оснащено новое производство.

Грязнова Нина Яковлевна, работница консервной фабрики, вспоминала:

— Работала я на заливке банок соусом, закаточный станок был маленький. Для того чтобы залить в банку соус, должна была нажимать на педаль закатки ногой, и так продолжалось всю смену. От расфасовки до закатки банки с консервами подносили на листах. Лука для обжарки требовалось много, чистили непрерывно. Соли мелкой не было, а крупную промывали и толкли руками. От фабрики до реки было два километра, и поэтому воду для обработки рыбы подвозили на лошадях.

Вяжут сети рыбачки

В конце марта 1931 года райком созвал первую конференцию рыбаков. В Сургут съехалось 96 делегатов. Ударникам промысла на конференции были вручены премии и подарки. Так, рыбак Кушниковского колхоза получил брезентового гуся, Очемкин из Усть-Балыкской коммуны — брезентовый костюм, а Мелераков Василий из юрт Таныгиных — пару нательного белья. Делегаты договорились о со-

вместных действиях, о расширении промысла, об увеличении добычи рыбы.

Одновременно в 1930 году на Черном Мысу прибывшие спецпереселенцы начали строительство рыбзавода. Это были Иванов Александр Сергеевич, Сорвин Федор Петрович, Пятков Иван Васильевич, Овсянкин Михаил Прокопьевич, Овсянкин Николай Нестерович и многие другие.

Газета «Колхозник» 22 апреля 1939 года публикует статью «Шире развернуть социалистическое соревнование», в которой, в частности, говорится: «Мы заверяем нашего наркома т. Жемчужину, что наши коллективы Локосовского и Сытоминского рыбучастков, вооруженные решениями XVIII съезда ВКП(б), большевистским делом оправдают эту награду, преодолеют всякое отставание и выполнят задания. И берем на себя обязательство: годовой план добычи рыбы в объеме 335 тонн выполнить к XXII годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, не снижая качественных показателей».

В этом же году рыбаки добились права участвовать во Все-союзной сельскохозяйственной выставке в Москве. Этого почетного права был удостоен бригадир-стахановец рыбного промысла, конструктор трехтетивного невода Тогушаков К.Т., который достиг высоких результатов на лове рыбы.

В те годы большое внимание уделялось культурному обслуживанию промысловиков. Было организовано восемь кинопередвижек, пять красных уголков в Сытомино, Локосово, Тундрино. На стржевых песках были открыты столовые, ларьки, туда направлялись красные передвижные лодки с необходимыми продуктами питания и мануфактурой. Для организации культурного досуга рыбаков были укомплектованы семь библиотек-передвижек и радиоустановок на Сармановском песке.

В годы советской власти начали интенсивно создаваться рыбучастки в глухом урманном краю, в частности, был организован рыбучасток в Тром-Агане. Всю войну там проработал Константин Федорович Ивачев. Был он рыбаком, приемщиком, техником лова. Ветеран вспоминал:

— Тром-Аган в то время был совсем необжитым, неизведанным краем. Открыли здесь рыбучасток в 1942 году. Начальником его был Овсянкин Д.П., а мастером — Беломоин М.С. Для того чтобы поставить атармы, нужно закрепить их тросами, которых не было, поэтому мы сплетали канаты из веток черемухи.

Поставили атармы, надо было исследовать новое рыбугодие на речке Ингу-Яун, но шторм тогда помешал ловле. Добыли всего 60 центнеров, а позже выловили 200 тонн. В зимний период по четыре тонны на оленях перевозили в Сургут. Едешь, бывало, двое суток, в пути не встретишь ни одной избушки, кругом безлюдье и тайга непроходимая.

В Сургуте и других городах Тюменской области хорошо знали и любили продукцию Сургутского комбината, о котором сегодня приходится лишь вспоминать — исчезла эта отрасль, стала нерентабельной.

Как свидетельствуют архивные документы, все колхозы довоенной, военной и послевоенной поры занимались рыбодобычей. Каждому хозяйству спускался план, давались стандарты по вылову рыбы. На рыбодобыче, как и вообще в колхозе, всегда была горячая пора. Но труднее всего приходилось в атарменную пору, которая начиналась ранней весной. Ее сменяла варовая путина. До самого ледостава вели лов рыбаки, прихватывали и зиму, ставили котцы в живцах и брали хорошую добычу.

Приезжающие в эти места переселенцы обустроивались обычно по берегам реки, которая поила и кормила, служила надежной транспортной артерией в летне-осеннюю пору. Селились люди, как и ханты, подальше друг от друга. Вот как рассказывает о прибытии сюда своих родственников старожил края Иван Егорович Коровин.

— Мой дед по линии матери Ефрем Демидович Колегов родился в 1888 году в Уфимской губернии. С 1914 по 1916 годы участвовал в войне с Германией. Был ранен, после демобилизации жил в Уфимской губернии, затем переехал в Колпашево Томской области. За мужество, проявленное в боях с Германией, награжден тремя Георгиевскими крестами и двумя медалями.

В 1935 году Е.Д.Колегов с семьей, а это были его отец — Егор Минеевич Коровин, мать — Анна Ефремовна, дядя — Иван Минеевич Коровин, жена из Колпашево на плоту за 700 км приплыли в Покурский сельсовет Сургутского района Тюменской области. Добравшись до нижнего устья протоки Кирьяс, в которую впадает река Куль-Еган, остановились в небольшой деревушки Кирьяс. У местного жителя Николая Ткачева купили лодку и уехали за 90 км на жительство в верховье реки Куль-Еган, где срубили жилой дом, построили надворные постройки и стали заниматься охотой и рыбалкой. В 40-х годах в тайге по реке Куль-Еган, особенно в ее верховьях, много было пушного зверя, боровой дичи и ягод, а сама река и ее протоки изобиловали рыбой.

В 1938 году мой дядя Иван Коровин был призван на службу в Красную Армию. Служил на Украине, на границе с Польшей. Прослужил три года, и тут началась Великая Отечественная война. В начале ее он погиб. Имя его начертано на мраморной плите Мемориального комплекса в Сургуте.

В 1938 году Ефрем Демидович Колегов и его родители вступили в Покурский колхоз «2-я пятилетка». Перед войной в 1940 году дед с моим отцом за сезон добыли две с половиной тысячи белок, 14 лисиц, четыре выдры, более 20 колонков, 360 глуха-

рей. Наша семья заготовила более полутора тонн брусники и клюквы и 500 килограммов кедрового ореха. Продукцию промысла в период весеннего паводка на деревянной лодке грузоподъемностью около трех тонн вывезли в Покур и сдали на заготовительный пункт.

— В начале июля 1941 года из Покура на обласе приехал нарочный, который рассказал о начале войны и вручил отцу повестку, — продолжает рассказ Иван Егорович Коровин. — Я помню, как дед говорил, что Германия — страна сильная, немцы — народ воинственный, в чем он лично убедился еще в 1914 году, и что война будет долгой и жестокой, но русский народ все равно победит. Рано утром нарочный уехал с отцом в Покур. После прохождения в Омске начальной военной подготовки отец был отправлен на фронт. Участвовал он в боях под Ленинградом. В 1942 году на Волховском фронте был ранен, затем лечился в госпитале и в конце 1942 года вернулся домой. В связи с инвалидностью он не смог заниматься рыбалкой и охотой, поэтому стал жить в селе и по возможности участвовал в хозяйственных работах в колхозе.

Дед с бабушкой продолжали жить в тайге. Дед зимой уходил на охоту, а весной на рыбалку приезжали мы с матерью. Впервые в Сургутском районе районе Е.Д.Колегов внедрил атарменный лов рыбы. Атарма — это большой фитиль, сшитый из дели размером 4х6 м, длиной до 20 м, который устанавливается на деревянных сваях на русле речки в весенний период. Кроме деда в Куль-Егане атарменным ловом занимались рыбаки гослова из Покурского рыбучастка. В период Великой Отечественной войны атармами в реке Куль-Еган и ее протоках каждой весной вылавливалось до 150 тонн рыбы. До прихода катера она хранилась в деревянных садках, затем загружалась в плашкоуты и вывозилась за 140 километров на рыбучасток села Покур.

В районной газете «Колхозник» 23 сентября 1943 года было опубликовано сообщение о том, что исполком райсовета и бюро РК ВКП(б) за досрочное выполнение годового плана рыбодобычи занесли на районную Доску почета рыболовецкое звено рыбартели колхоза «2-я пятилетка», руководил которым Ефрем Демидович Колегов. Годовой план рыбодобычи был выполнен к первому октября на 134 процента. Звеньевой Е.Д. Колегов и рыбачка А.Е. Коровина за высокие результаты в труде были награждены почетными грамотами. В звено, кроме деда и матери, входили бабушка, я (а мне было всего девять лет) и две младшие сестры.

За успехи в добыче рыбы и заготовке пушнины Е.Д. Колегов награжден медалями «За трудовое отличие» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а так же грамотами Верховного Совета РСФСР, окружного комитета, Сургутского райкома ВКП(б) и райисполкома. В 1945 году с группой передо-

виков производства он был направлен в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

В послевоенный период дед продолжал заниматься охотой и рыбалкой. Весной на атарменный лов к нему в звено направляли рыбаков из колхоза, а летом во время каникул приезжали помогать внуки. В 1955 году в связи с болезнью деда Колеговы переехали жить в Покур.

Ефрем Демидович Колегов был замечательным, трудолюбивым, жизнерадостным, веселым, доброжелательным человеком. Он любил народные песни, хорошо их исполнял, а при случае мог и сплясать.

В окрестностях нынешней железнодорожной станции Демьянская находились юрты Сипайловы. Это владения пра-прапрадедов, живших и еще живущих на нашей земле пятерых братьев и единственной сестры Кошелевых. Как рассказывает бывший директор Ляминской средней школы Анатолий Степанович Кошелев, в семье его деда на свет появился 21 ребенок. Выжили более половины. Чтобы растить такую «ораву», Илья Евграфович развел солидное хозяйство, в котором насчитывалось шесть коров, четыре лошади. За это, рассказывал внук, чуть не угодил дед в ссылку. Но вовремя увел со двора живность, и потому ссыльная участь его миновала.

На обороте фотографии подпись:

«снимались возчики следующих лиц:

- 1) Китидов Дмитрий Матвеевич; 2) Зунгруев Борис Лазаревич;
3) Гридина Саша.*

Имя лошадей: 1) Казбек; 2) Казак; 3) Лысуха»

Большую семью завел и сын его Степан Ильич — отец Анатолия Степановича. У отца родилось пять сыновей: Николай, Владилен, Валентин, Геннадий, Анатолий и дочь Галина. Четверых уже нет в живых, скончались молодыми, только Валентин дожил до 65 лет.

Из рассказа Анатолия Степановича Кошелева следует, что отец его работал в Сытоминском колхозе имени Кирова бригадиром лова. Только бригада у тятеньки, так в семье Кошелевых звали отца, была своя. Он шутил, что, мол, у меня свой колхоз. И этот семейный «колхоз» невод садил, лодки и обласа делал. Неводник в Березово за сданную рыбу купили и трудились на колхозной ниве, не покладая рук.

Тогда и научился Анатолий Степанович плотничать, и хоть получил он высшее педагогическое образование, а между делом в Угуге дом построил, еще два возвел в Лямино, где и обосновался окончательно с супругой Людмилой Александровной.

Необходимо сказать несколько слов о хантыйских колхозах Варь-Егана и Агана. Сведения о них очень скупы, мог бы подробнее рассказать о том беспокойном времени Пантыль (Пантелей) Иванович Айваседа, да не дожил он до наших дней. Однако, доподлинно известно, что ханты сопротивлялись коллективизации, но отряды НКВД прошлись по юртам и переломили ситуацию. Об этих событиях сохранились детские воспоминания известного поэта Юрия Айваседы-Вэллы. Его двойная фамилия как раз и явилась результатом тех разборок, когда его приписали к семье, в которой он схоронился. Так и живет теперь Юрий Кылевич Айваседа-Вэлла.

Трудно вольный народ ханты воспринял новую власть, которая подвергла аресту шаманов и зажиточных сородичей, врывалась на священные земли, отбирала детей для обучения в интернатах. Протест против советской власти коренных народов севера вошел в историю как казымское восстание, хотя доподлинно известно, что остяки воевать не собирались, они ставили перед новой властью свои условия: вернуть шаманов и кулаков, арестованных в 1933 году, убрать торговые организации со святых мест, не вербовать детей в школу и т.д. Однако власти нашли зачинщиков и приговорили более десятка человек к высшей мере наказания. Немало ханты, манси, ненцев погибли в тюрьмах и пересылках.

Отправить в леспромхоз — таков был приказ партии Василию Матвеевичу Рыткину. По подобной разнарядке колхозники уезжали на лесозаготовки, приводили и колхозных лошадей. В основном работала молодежь, люди, не обремененные семьей. Жили в бараках, наскоро сколоченных из древесины, где и стены промерзали, и вода в кадках покрывалась льдом. Кормили горохом, крупами, изредка мясом. Каждый колхозник имел и свою провизию: лук, чеснок, овощи, солености, рыбу, мясо —

этих продуктов в деревенских хозяйствах было немало.

Разрабатывались лесоучастки в Каркатеево, Орехово, Островном, Туполевских, Октябрьском, Майском, Дарко-Горшкова. Сюда ехали Ватинские, Пасольские, Погорельские колхозники. Работали на лошадях, которых впрягали в сани с подсанками, кованными железом. Кубов по шесть-семь грузили на такие подводы, которые в теплую погоду лошадь легко везла, а в студеную пору грузили меньше.

«Был у нас жеребчик Козлик, — рассказывал ветеран отрасли Владимир Николаевич Ткачев, — его привели на лесозаготовки. Туда же и Рыжку захаровского из Вахлово привели». Много лет прошло с тех пор, а люди помнят по сей день клички животных, которые надрывались, как и они, на тяжелых работах.

Василий Матвеевич Рыткин вспоминал, как под весну он ездил в колхоз за лошадьми. Вернулся обратно ни с чем, поскольку лошади в колхозе «Новая заря», что в поселке Погорельск, куда он был отправлен, стояли в стойлах, подвязанные веревками. Сена обычно колхозному скоту не хватало, и на луга он выходил изрядно отощавший. Правда, леспромхоз имел и свою конеферму в Каркатеево, куда выезжал ветфельдшер с ветеринарной станции Сургута все на тех же лошадях по «веревочке», много времени терялось при этом.

— Приедешь на Голец, где размещался сменный пункт, — рассказывала Валентина Шундеева, — и там обычно ждешь оказию.

Поэтому она, будучи ветфельдшером, приноровилась ездить с «нарочными». Был тогда такой контингент служащих, которые контролировали и лесозаготовки, и рыбодобычу. Часто навевался в свои владения и директор хозяйства. Всех их поименно установить не удалось. Мурашкин, Грядкин, Штанюк, Тугов, Дружинин, Мисько — вот только эти фамилии и всплывали в воспоминаниях.

После ликвидации 501-й стройки под Салехардом в наши края подбросили дополнительный гужевой транспорт, а когда появились трактора, то лошадей передали на зверофермы на корм лисам.

Колхозники на зиму, как уже говорилось, становились лесозаготовителями. Без какой-либо механизации, руками они разгребали деляны, расчищали снег вокруг каждого дерева чуть ли не до земли. Был утвержденный стандарт пня, выше оставить — заставят повторно спиливать. Это ручной-то пилой! Сваленный лес предстояло очистить от сучьев, их потом сжечь, раскряжевать. Немало при этом случалось трагедий. Не обученные молодые лесозаготовители могли найти здесь свой последний приют. Известие о том, что «лесиной убило», было тогда не редким делом.

Владимир Николаевич Ткачев помнит несколько случаев, когда люди погибали на лесозаготовках. Рассказывал он про Морозову, имя которой уже подзабылось. Эта девушка была вид-

ной, красивой. Утром ее первый раз отправили в деляну, и в тот же день она оказалась под поваленным деревом. Отлетевший сук стал причиной смерти калмычки и тракториста Гоши Каратаева.

Весной заготовленный лес сбрасывали в воду, формировали плотоматку, на которой устраивали домик, баню. Построить плотоматку мог далеко не каждый, требовались знания и опыт, поэтому весной на лесосплав отряжались одни и те же люди. Они формировали пленки, цепляя плот за плот, по краям спаривали бревна и обвязывали тросом. Караван леса называли еще сигарой, к внутренней стороне которой цепляли якоря. Обычно в тех местах, где проходили коммуникации связи, якоря поднимали. Веса они достигали до двух тонн. Древесину по воде сопровождали до Салехарда. А колхозники на лето возвращались в свои деревни. Потом и вовсе леспромхоз перестал обращаться к их помощи. На лесоучастки, где рубили и готовили лес, стали приезжать рабочие со всей страны. Называлось это оргнабором, что на языке местных жителей метко обозначалось словом «вербованный». Вскоре оно стало ругательным, и этот эпитет нередко адресовали непослушной лошади.

Из вербованных и небольшой части молодежи стали формироваться новые поселки: Орехово, Островное, Туполевские, Каркатеево, где строились добротные дома с надворными постройками. В недалеком прошлом в районе прописались такие поселки, как Юган ЛЗУ, Горный, вахтовые поселки Лейково, Пеньковское. Словом, лесная отрасль крепчала и развивалась не только в нашем крае, а и в соседних районах. Лес рубили в больших объемах. Ранней весной после лесосплава на Обь специально выезжали «додельные» хозяева, которые немало древесины доставляли на свои угодья, используя ее для строительства, в качестве дров.

Мария Семеновна Иваненко (справа)

В Орехово предпринималась попытка построить узкоколейку для вывоза леса из деляны. Завезли рельсы, крепеж, но затею до конца не довели, хотя подобный способ хорошо зарекомендовал себя в Очемкиных, на Ефимкином Урье.

— Плохо живем, — сразу же сказал Владимир Васильевич, живший в поселке Малоюганский, о котором речь идет далее. — Вот в больницу пришел, а она закрыта. Придется топать назад через грязное месиво. Всю осень в сапогах ходим, иначе не пролезешь. — Говорит Дятлов с придыханием и дрожью в голосе. Еще бы, годы-то солидные, восьмью десятками измеряются. Успел повоевать и потрудиться. С 1952 года начал трудиться в лесу, оттуда и на пенсию ушел. Работал на Майском, Каркатеевском участках, в Орехово, Югане ЛЗУ. На его глазах расстраивался и развивался поселок лесозаготовителей Юган ЛЗУ. Был он когда-то приглядный да уютный. Душа пела и радовалась, когда приезжал домой. Теперь вот размесили улицу — не пройти и не проехать.

— Здесь и дети родились, выросли. На своих ногах теперь прочно стоят, — продолжает Дятлов. — Пятеро деток-то было. Ждем вот Васю из армии, он последыш, наша надежда. Мать-то, Мария Борисовна, совсем обезножила, в баню сходить невмочь. Так на мотоцикле люди добрые возят.

Мария Борисовна не утерпела и тоже слово вставила. Рассказала, как в лесу работала, как избы штукатурила. Хорошие по тем временам деньги получала. «От выработки, — говорит она, — платили, а мне пацаны помогали, так получалось быстрее. Вот теперь жду Васю, он нас не бросит. Когда сын родился, пришлось в поселке остаться, в бане работала. Зарплата 60 рублей плюс северные — как хочешь, так и тянись, как можешь, так и вертись. Хорошо хоть хозяйство держали: и скотину, и огород — иначе не прожить. До сих пор за огород держимся, как-нибудь дотянем до возвращения сына». Сам Дятлов сидит тихонечко, слушает, где поддакнет, где кивнет. В согласии прожили, видно, супруги. И эта теплота взаимоотношений поддерживала их в трудный час.

— Спасибо соседям, добрым людям, — говорит Владимир Васильевич. — Не забывают, помогают, чем могут. Арбузами нас побаловали, яблоки есть. Да и сами припасли немного ягод, орехов. Больших денег не скопили, но и в нужде не живем. Можем, к примеру, сейчас телевизор купить, если понадобится. Хватает того, что заработали и сейчас получаем. Шиковать, конечно, не приходится. Поселок без власти остался.

Есть в Сургутском районе поселок, который раскинулся в глубине сосновых лесов, оторван от водной и воздушной магистралей. Это Юган, именуемый теперь Малоюганским. Это вторая дислокация Югана. Первое поселение лесорубов стояло на самом берегу таежной и быстроводной одноименной речки. Вода

в ней особенная, прозрачная и прохладная. И коварная: первой же весной вышла из берегов и затопила чуть ли не под крышу жилые строения лесорубов. Трудно пришлось новоселам. Одна из них, Мария Семеновна Иваненко, рассказывала, что высадились они под зиму на том месте. Раскинули балки-палатки, начали строиться. Жили во времянке, скученно — две семьи, разгороженные занавеской.

— У меня хранится фотография той поры, — замечает Мария Семеновна, листая альбом, показывая семейные снимки.

Приехала она к родителям с Украины, поколесила по району немало. То в Орехово вели разработки, то в Красногорском, что неподалеку от Покура. А в 1962 году переехали сюда и обосновались на пологом берегу Югана. На фотографии, что показала хозяйка, запечатлены молодые супруги Иваненко, их родственники. Сидят на лавочке не то у сарая, не то у жилья, сколоченного из досок и бревен и обшитого толем. О внешней красоте жилища ни в ту пору, ни сейчас никто не заботился. От первого поселения ныне остались ветхие склады, которые во время навигации превращаются в перевалочную базу. В них выгружают всевозможные товары, чтобы потом перевезти в новый поселок, который раскинулся в удивительно красивом и тихом уголке. Воздух тут такой, что не надышишься — чистый, прозрачный и свежий, как поцелуй ребенка. Под ногами живая земляца, проложен деревянный тротуар.

Центр поселка пересекает река Сайма, через которую перекинут деревянный мосток. Идешь по нему, и хочется, как в детстве, скинуть обувь, пробежаться босиком. Морозна и слякотна тут осень, особенно, когда изо дня в день зарядят дожди, которые добавляют грязи, что приходится вкруговую обходить топкие места. К слову, такого месива раньше не было, появилось оно от трудов человеческих: вздыбили, перевероростили землю, когда прокладывали водопровод. В результате песок закопали, а глину вывернули, вот она и плывет.

Поселок молодой, а дома в нем уже обветшали. У той же Марии Семеновны, как она говорит, провалилась крыша, когда сын залезал на чердак. Через разлившееся грязное море пробрались в дом к Раисе Степановне Матошиной. Она все норовила показать, как иструхли, поизносились стены. Но даже и не это ее заботит, беспокоится мать о сыне, который привел в дом невестку. Теперь у Раисы Степановны подрастает внучка. А живут все вместе, никак не расселятся. Марина, невестка, с обидой замечает, что предлагали ей как «специалисту кислых щей» выехать на вахту, в Лейково. Вот там, мол, жилье выделяют. Но не решилась невестка воспользоваться этим советом, опасаясь за здоровье маленькой дочери.

Тарас Кротюк, плотогон из Горного, поселка лесозаготовителей, в эту пору он находился в отпуске, намереваясь навестить

жену, которая учится в Тюмени. Заглянул к начальнику участка: мол, еду, считай, на «большую землю», могу где-то запчасты присмотреть. Они долго говорили, обсуждая в деталях, где и что можно достать, выменять, купить. Необходима лесорубам перерабатывающая техника, которую монтируют не первый год. А все потому, что мелочей не хватает. Да и не богат специалистами Ляминский лесозаготовительный участок в Горном.

Тарас вообще-то не из этих мест, попал в Горный после распределения жены, которая окончила Тюменский лесотехнический техникум. Ничего не оставалось и ему, как податься в лесорубы. А теперь работает мастером нижнего склада, где кряжуют и пучкуют заготовленный лес. Весной Тарас идет в плотогоны, как в просторечии именуют мастера сплава. Собирает и отправляет многокубометровые плоты заготовленного леса по разлившейся Ляме.

— Долго мы здесь не собирались задерживаться, — рассказывает. — От силы на три года ехали сюда. Да вот уж и на десяток счет пошел — притянул к себе лес. Жилье и кое-какие блага тоже держат. У нас однокомнатная квартира без претензий на шик. Из мебели есть только один шифоньер. Прочие деревяшки многие делают сами. Вот механизм по переработке налаживаем, чтобы хоть нашим детям не гоняться за изделиями из того материала, который мы на корню губим. Должно же в конце концов у нас пойти все своим чередом, чтобы сапожник без сапог не оставался.

Тарас окончил железнодорожный техникум и, может, ходил бы сейчас по путям, поддерживая стальную колею в исправности. Но судьбе было угодно забросить его в Горный, где, как он выразился, живем — не тужим, ни о чем особо не мечтая, не отрываясь от грешной земли. В свободное время он идет в школу, где ведет секцию рукопашного боя.

... Огромная, на весь дом русская печь, с боков обшитая листовым железом, уже дотапливалась, озаряя окна отблесками горящего пламени. Нешадно, как под солнцем, печет лицо, если встанешь у печи. Пока промешаешь догорающие головешки тяжелой кочергой, не один пот сойдет. Работа хлебопеков самая что ни на есть хлопотная и тяжелая. Подниматься приходится ни свет-ни заря, часов этак в пять. За ночь столько снега навалит, что к поленнице не подберешься. Значит, бери лопату побольше, откидывай, добывай дрова. Пока растапливается печь, хлебопеки колдуют с тестом.

Зульфья кладет порцию теста на весы, отрывает излишки или, наоборот, добавляет, и так 230 раз. Потому что выпечка одного хлебного оборота составляет 230 булок ноздреватого, мягкого, вкусного хлеба. Хрустящий да поджаристый, румяный да духмяный он получается. Выпекают здесь и «белый», и «черный», и «забайкальский» хлеб. «Откуда «забайкальский»-то?» —

спрашиваю. И слышу в ответ: «Смешиваем обойную муку со вторым сортом и выпекаем хлеб такого наименования». В пятницу и субботу, как правило, делают два оборота, чтобы и на воскресенье хватило жителям поселка.

Зульфия и Нурия — сестры. Обе приехали из Татарии, Нурия печет хлеб для лесорубов с 1987 года, а Зульфия осенью пришла сюда. Здесь же работает Валентина Даниловна Борисова, наводит чистоту и глянец. Наконец, тесто разложено по формам, печь прогорела, остатки углей загребли в загнету. Но не спешат хлебопеки брать лопату, надо дать тесту расстояться. Вроде свободная минута есть, но не до отдыха. Надо готовить муку и дрожжи для следующего замеса. Но вот и сели в печь 230 булок. Такое производство, пожалуй, только в деревнях и осталось.

Зульфия и Нурия Шайхулловны достойно продолжают традиции русских хлебопеков, пекарей милостью божьей.

Здесь же, в поселке, встретился колоритный мужчина — Борис Федорович Колодкин из Юганского лесозаготовительного участка. Он пенсионер, когда-то был главой большой семьи. Хозяйки в его доме не стало, но он не одинок, в поселке живут сыновья — Геннадий и Сергей. Последний поравнялся с нами. Молодой мужчина возвращался с работы, был одет он в спецовку. Многие в поселке ходят в униформе — коричневой стеганке с желтой кокеткой. И тепло, и удобно. Поздоровался и шагнул в ограду дома. Здесь живет и Борис Федорович, только за стенкой. С ним пока, как он говорит, Генка, но дома его нет, на вахте в Лейковых находится, где идет лесозаготовка.

Борис Федорович не отказывает себе в покупке «сорокаградусной». Рассуждает так: заработал пенсию — трачу ее, как хочу. Куда ее копить — поесть, одеться есть во что. Всю жизнь растягивали рублики, семью поднимали. Слава Богу, нынче наша дружная детвора на собственных ногах, сами о себе заботятся. Вот отвалило мне государство пенсию, а что на нее сейчас купишь? И раньше на машину, на другую недвижимость не могли выкроить. Жили-были да добра не нажили. Остались в тех же домах, что выстроены со дня основания поселка. Они прохудились, покосились. Колодкин и сейчас без дела не сидит, говорит, что в лес бегает, ягоды собирает, когда особенно требуются деньги, дрова колет людям с той же целью — нужда заставит калачики есть.

Кушников

В далеком 1968 году город Сургут готовился к своему 375-летию, и исполнительный комитет городского совета депутатов трудящихся (так называлась власть в 60-70 годах) принял решение об учреждении звания «Почетный гражданин города». Это было время бурного развития экономики и культуры города, его трудовой славы. Время, когда еще только начиналась нефтяная эра. В 1968 году первыми обладателями почетного звания стали организатор колхозного строительства Георгий Гаврилович Кушников и геолог Фарман Курбан-оглы Салманов.

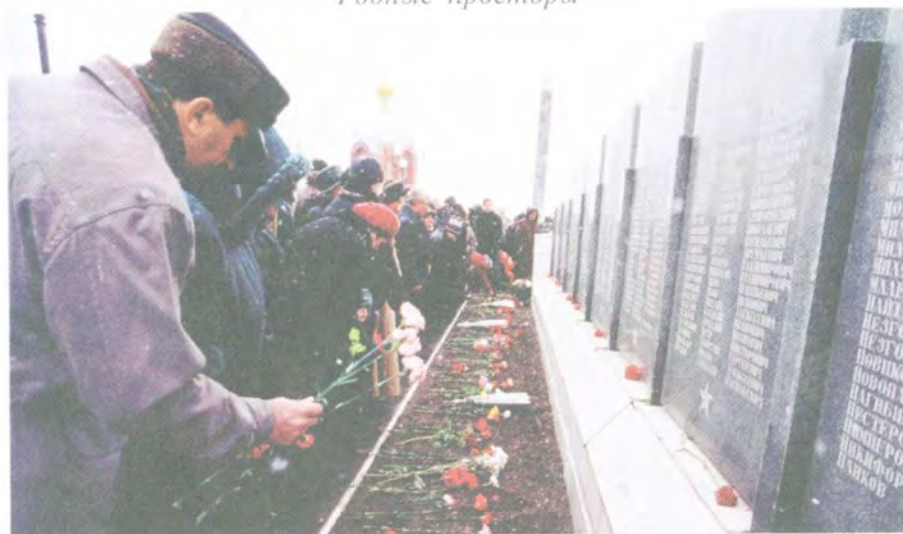
Кушников — коренной житель Сургута, родился он в 1908 году. В семье Гавриила и Елизаветы Кушниковых подрастало трое мальцов: сыновья Георгий и Федор, дочь Александра. Как и все таежные жители, сургутяне Кушниковы занимались рыболовством, держали скот, охотились, возделывали огород. Словом, кормили и одевали себя. Но беда случилась в семье: от тифа в один год умерли отец и мать, остались дети сиротами. Уделом их детства стало воспитание в «людях», правда, люди для малышей были не чужими: Гошу пригрел родной дядя, брат отца Федор Андреевич, а сестра Шура и брат Федя уехали к родственникам в Кушниково, которые согласились взять их к себе.

Не от большой радости, от нужды приютили мальцов родственники. А чтобы не стали они лишними ртами в семье, заставляли наравне со взрослыми пахать и сено косить, боронить и на охоту ходить, рыбачить и лес, дрова заготавливать. Крутого нрава был дядя Федор Андреевич, чуть что не так, не словом, но «потычкой» втолковывал Гоше премудрости крестьянского хозяйствования. Тогда ведь работали на себя, полачек не ждали. Вставали рано, ложились поздно — и так круглый год.

Перед самой революцией пошел малец Кушников в школу, церковноприходскую, а приходил домой и вновь впрягался в хозяйственный гуж. Был Север, холодная и родная Обь. На бе-

Родные просторы

У обелиска

регу ее старые кедрачи и несколько бревенчатых изб. Норов великой северной реки Гоша изучил с детства, когда с рыбацкой артелью уходил на промысел. От весел и гребей руки его огрубели и нередко были в кровавых мозолях, не легче приходилось и артельщикам. Об этом знает матушка-Обь, но она молчалива. Течет по тасжной равнине долго-долго. Хлынет штурм, смоем белый песок, пройдет волной по тальнику. Прислушайся, может, что она тебе расскажет? Может, вспомнит тайга и пойменные соры, как трудились здесь люди, как звонким эхом отдавались мальчишеские голоса. Хоть и трудна и нелегка доля малолетнего рыбака, охотника, а молодость берет свое!

Вздыбился наш глухой некогда Сургутский край в революционные 20-21-й годы прошлого столетия. В разрыве снарядов, проходящих барж со смертниками пришла новая жизнь в деревянный Сургут. Двадцать семь сургутян стацили в общую кучу свои немудреные пожитки, свели в одно стадо скотину и образовали колхоз. Первое собрание так вепоминал Георгий Гаврилович:

— Записывайтесь к нам! — обратились к рыбакам артели.

— Мы свободные, не к лицу промысловикам ломать шапку перед голодранцами, — ответили те.

Собрание сорвалось. Собрались вторично — то же самое. В третий раз, в четвертый, в пятый — отступились. И осталось двадцать семь. С утра начинали работу, а к вечеру на стене конторы ставили отметку углем — день прошел, а за что трудились — не знали. Так первый год колхоза «Красный северянин», которому отдал всю свою жизнь первый Почетный гражданин г. Сургута Георгий Гаврилович Кушников, запомнился навсегда.

Впоследствии этот факт будет приукрашен и подан как положительный пример. Читаем у Л.Петровой и Ф.Показаньева следующее: «В один из осенних вечеров 1929 года в селе Сургут прошло организационное собрание сургутян, изъявивших желание вступить в колхоз. После небольшой, но убедительной речи представителя Тобольского окружка стали производить запись в колхоз. З.Д.Кугаевский (автор убедительной речи), П.А.Силин, С.Е.Кайдалов, П.Ф.Меньшиков, И.С.Бесперстов записались первыми, за ними потянулись другие крестьяне. Единодушно было утверждено название колхоза «Красный северянин». Первым председателем колхоза избрали З.Д. Кугаевского».

Так начала претворяться программа коллективизации в глухом северном краю. Коллективная форма труда — дело для того времени было новым, незнакомым, поэтому у вступающих, в частности, рыбартельщиков, были сомнения. Но все же подгоняемые «большим скачком» сургутяне начали объединяться в колхозы. «Красный северянин» стал примером для крестьян других деревень. Он многие годы был передовым хозяйством в районе.

Необъединившихся крестьян клеймили кличкой единоличник (ца) и самым натуральным образом угнетали. Обобщили всю живность, оставив семье одну корову, а по весне единоличники лопатой копали огород: колхозную лошадь таким изгоям не выделяли. Это явление затем назвали перегибом, но и людей перегнули до основания!

Перед Георгием Гавриловичем вопрос о выборе не стоял, ведь он был среди тех «голодранцев», которые работали за палочки (трудодни), не зная и не ведая, что принесет им отчетный год. Денег колхозникам не полагалось, рассчитывали их только раз в год небольшим пособием да натуроплатой. Трудовой стаж колхозникам не шел, ведь у них ни трудовых книжек, ни паспортов не было. Сколько потом эти добросовестные труженики, колхозные рабы, сил приложили, чтобы с помощью свидетелей установить длительность трудового стажа для начисления пенсии. Правда, легче пришлось тем, кто в период реорганизации перешел из колхоза в совхоз. У тех в трудовых отметили, записав со слов колхозный стаж.

В первом в Сургутском районе колхозе начал работать Георгий Гаврилович Кушников. Наступала варовая пора, атарменный или подледный лов — был рыбаком, в сенозаготовительную пору был сенокосчиком, возил сено, рубил лес, готовил дрова. Разнарядку обычно делали по домам, стучали в окно и говорили, куда сегодня тот или иной колхозник направляется.

Из подростка Кушников превратился в доброго молодца и вместе со сверстниками ушел в армию. Служил рядовым в пулеметной роте. Носил буденовку со звездой, шинель. Да и годы были все-таки спокойные. Только вместо Оби — Нева, такая же холодная, но более покорная в гранитном одеянии. Шел 1935 год — разгар индустриализации, коллективизации. Через два года снова родной север, его малая родина — Сургут.

В 1937 году колхоз «Красный северянин» возглавил Георгий Гаврилович Кушников. И этот пост с небольшим перерывом он занимал до 1960 года. Ему первому среди сургутян вручили высокую награду — орден Ленина.

Но в те 30-е годы все еще только начиналось. К новому колхозу примкнули рыболовецкие артели, не желавшие идти в одной связке с «голодранцами». А что поделаешь: и земли, и водоемы придали колхозам, волей-неволей пришлось объединяться. Основным транспортом в те годы по-прежнему служили лошади и лодки, на которых в любую погоду ходили на веслах за 30-40 километров.

До войны оставалось совсем немного, и когда она разразилась, Кушников ушел на фронт. В колхозе оставались лишь бабы, старики да подростки, труд которых не оценен по достоинству и до сих пор. Под присмотром старших дети пропалывали поля, возили копны, садились в гребни тяжеленного неводника и ноч-

ной порой (днем работали) увозили улов к плашкоуту или урожай на сборный пункт.

А Кушников воевал под Сталинградом, хлебнул окопного лиха, видел смерть товарищей, стрелял по врагу из пулемета. В одном из боев должен был заменить убитого пулеметчика. Пока оттаскивал от него убитого товарища, вражеская пуля угодила ему в руку. В этот момент в стороне разорвалась мина, осколок ударил в другую. Раненого Георгия нашли санитары, доставили в полевой госпиталь, где пришлось ему пролежать ни один месяц. Потом Георгия Гавриловича комиссовали и отправили домой. Добирался он сюда в разбитых, часто подвергавшихся бомбежке вагонах. До Сургута шел пешком, где ехал с попутной лодкой, подводой. Но добрался.

В военную и послевоенную пору Сургут был связан с материком летом пароходами да теплоходами, зимой в здешних краях почти не появлялись чужаки, поэтому неудивительно, что из Тюмени один ханты-делегат комсомольской конференции дошел до Сургута на лыжах. Добраться до райцентра из какой-либо деревни было тоже непросто, разве «по веревочке», которая доставляла почту и редкие посылки. Поэтому северяне редко снимались с насиженных мест и почти никуда не выезжали.

Кушников отнюдь не был кабинетным работником, да и кабинет председателя был один на всех, где чаще можно было встретить главбуха-кассира, потому что Кушников все хотел видеть и знать. На покосе ли, на ферме ли, на рыбалке Георгий Гаврилович шел первым, он впрягался в колхозный гуж, как и все колхозники. Особенно неутомным становился председатель в страдную пору, когда за короткий отрезок времени приходилось готовить сено и силос для колхозного скота. Как правило, в сенокосную пору часто лили дожди, так называемый сеногной, хитрость состояла в том, чтобы урвать погожие деньки. Сколько раз сам Кушников метал сено, помогал косцам завершить очередной стог. Бывало, налетал отчаянный вихрь, носились дождевые тучи, а мужики в развевающихся рубахах спешили укладывать последние пласты. Ну, а уж если погода портилась, метали сено на балаганы или тромбовали силосные ямы. Кушников подставлял свое плечо и на рыбацких угодьях. Как рассказывал Петр Мунарев, ему не раз приходилось ботать невод на Остяцком живце вместе с Георгием Гавриловичем, был председатель крут и строг, но и до работы жадный. При этом он знал ее всю до тонкости, будь это варовая пора, атармы или котцовый лов. Хорошо знал он и окрестности, где можно пасти скот, готовить сено. Неплохой урожай овощей собирали колхозники «Красного северянина».

В музее первой школы поселка Белый Яр хранятся несколько грамот, которые вручались Георгию Гавриловичу Кушникову. Вот одна из них с лозунгом «Под знаменем Ленина, под во-

дительством Сталина — вперед, к победе коммунизма» и с профилем обоих вождей гласит, что Георгий Гаврилович Кушников награждается в день 20-летнего юбилея Ханты-Мансийского округа за активное участие по поднятию социалистического хозяйства и культуры народов Севера. Это был 1950 год.

А в 1954 году Кушников становится председателем колхоза «Путь Ленина». Он объединил под своим началом Романовскую половинку, Пилюгино, Сайгатино. Проводилась тогда в жизнь не оправдавшая себя практика укрупнения колхозов, в результате которой деревни обезлюдели: все старались перебраться на центральную усадьбу, что находилась в поселке Белый Яр. Он не был крупнонаселенным: в колхозе имени Ворошилова, который прописался на Белом Яру, в 1938 году насчитывалось всего 50 колхозников. Они занимались полеводством, животноводством, охотопромыслом. Здесь были свои маяки: бригадир рыбодобычи М.В. Балин, доярка З.А. Сивкова, конюх З. Трифонов, телятница М.И. Бычкова и другие. И вот волею судьбы Белый Яр превращается в центральную усадьбу, откуда Кушников вынужден ездить не такой уж торной дорогой в свои филиалы, впрочем, объединившиеся хозяйства прожили недолго: большинство колхозов исчезло, забросили луга, поля, а на заготовку кормов все чаще завозили бригады рабочих промышленных предприятий, которые в сельском хозяйстве ничего не понимали да и не хотели понимать.

Но Георгий Гаврилович сумел вытянуть новообразованное хозяйство, и достались эти успехи очень большой ценой, он рвал себе жилы, и колхозники не видели белого света, оставляя для себя лишь ночь, ведь работали без выходных. Его труд был отмечен очередной почетной грамотой, где приведены слова И.С. Сталина: «Социалистическое соревнование говорит: одни работают плохо, другие хорошо, третьи — лучше, догоняй лучших и добейся общего подъема».

Георгий Гаврилович Кушников оставил о себе хорошие отзывы односельчан и сослуживцев. Я не говорю о дочери, для которой отец был идеалом, как вспоминает Вера Георгиевна Домашова, в детстве любившая обходить с отцом его владения и до сих пор сохранившая трепетную память о родителях. «Я всегда гордилась тем, что отец такой уважаемый и нужный человек для односельчан», — заметила дочь, воспоминания которой хранятся в школьном музее. Вера Георгиевна получила профессию медика и работает акушеркой в поликлинике нефтяников. Ее муж Леонид Андреевич — прекрасный музыкант и семьянин, он тоже работает в нефтяной отрасли.

Вдова Агапова, бывшего главбуха колхоза-совхоза, Анна Тихоновна Кугаевская говорит:

— Георгий Гаврилович был настоящим хозяином колхоза, да и не только колхоза, но и всей деревни. Про дела он знал все

до мелочей, держа в голове, а не на бумаге цифры, факты, имена. С ним работалось всегда легко, он был очень тактичным человеком, совершенно незлобивым, хотя бездельников критиковал крепко. Он всегда интересовался жизнью каждого колхозника, готов был помочь, посочувствовать, порадоваться.

Его родной брат Федор Гаврилович так и остался в деревне Кушниково на Сытоминской территории. Воевал, вернулся по болезни в 1942 году и вскоре умер. Сестра Александра Гавриловна всю жизнь проработала в Ханты-Мансийском медучилище поваром. Их дети живут на Белом Яру, в Сургуте. Вера Георгиевна Домашова поддерживает с ними родственные отношения. Да и как иначе, после смерти Федора отец взял на воспитание его детей. Он помнил, как пришли на выручку брату братья его отца, и как они прежде, он, уже будучи отцом, согрел отцовской лаской Прокопия и Клавдию.

Хорошую память о себе оставил Георгий Гаврилович Кушников, особенно чтут своего земляка белоярцы, ведь именно в его бытность председателем колхоза на крутом песчаном белоярском берегу появились первые новые дома. Выстроили клуб, контору, скотные дворы. Не случайно Кушникова и почетного звания в городе удостоили.

А сразу после его смерти в 1977 году одну из белоярских улиц, которая начинается с места его последнего упокоения, нарекли именем Георгия Гавриловича Кушникова. Вечная ему память.

Рассказ Кушникова Георгия Гавриловича, 1909 г. рождения, г. Сургут.

Колхоз «Красный северянин» организовался в Сургуте осенью 1929 года. Организационное собрание проводил т. Мальцев в одном из домов бывшего купца Клепикова. Позднее в этом доме находился парткабинет райкома партии. Перед войной дом сгорел. Сейчас на этом месте дом директора леспромхоза.

Сургутский колхоз был первым, до него никаких других форм объединения не существовало.

В колхоз были обобществлены лошади, сани, сбруя, крупный рогатый скот, лодки, орудия лова.

Перед собранием были вывешаны объявления, проводилась разъяснительная работа.

Первыми вступили Кугаевский Захар Данилович, Кушников Георгий Гаврилович, Кайдалов Степан Ефимович, Меншиков П.Ф., Тетюцкий Павел Андреевич, Тетюцкий Михаил Андреевич, Силин П.А., Бесперстов И.С., Бесперстов С.Е., Меншиков А.И., Клепиков П.Г., Кайдалов Александр Александрович, Новосельцев А., Тверетин Г.А., Король Константин Емельянович, Бахлыков Г., Клепикова Анна Константиновна, Кугаева Н.П., Кузнецова Варвара Федотовна.

Первым председателем был Кугаевский З.Д. Члены правления: Тетюцкий П.А., Кайдалов А.А. Колхозная контора размещалась в доме бывших торговцев Кушниковых, там, где сейчас отдел милиции.

Средства производства в рыбартель не обобществлялись, а были приобретены лодки и орудия лова.

Я, Кушников Г.Г., с сентября 1930 г. по сентябрь 1932 г. служил в Красной Армии. Председателем колхоза избран 10 сентября 1937 года.

Записано 12 марта 1969 г.

В 1943 году числится 2841 колхозник. Они заработали 215515 трудов дней, на 1 трудов день деньгами причиталось 11рублей 25 копеек, картофеля – 0, 230 кг, овощей – 0,50 кг, сена – 3 кг.

Средний годовой удой на одну фуражную корову по плану – 1100 литров, фактически – 890, средняя яйценоскость на одну куру-несушку – 37 яиц.

В целом по району к концу 50-х годов в колхозах числится: плугов конных – 84, лушительников – 1, борон дисковых – 11, «зиг-заг» – 230, культиваторов – 5, сеялок – 9, картофелесажалок – 2, сенокосилок – 70, конных граблей – 56, кос – 67, сноповязалок – 3, лобогреек – 9, жаток – 3.

Председателей колхозов в районе – 12, бухгалтеров-счетчиков – 15, бригадиров-растениеводов – 16, заведующих животноводческими фермами – 12.

Население района к 1944 году составляет 17096 человек, колхозников – 8285.

В колхозах имеется 1847 лошадей, 3761 голов крупного рогатого скота, 130 свиней, 1847 овец и коз, 109 лисиц, взрослой птицы – 161. Припасено концентратов (зерна, отходов, муки, отрубей) 576 центнеров, силоса – 475 ц., сена – 17653 центнера.

Размер площадей под посевы урожая 1943 года – 625 га, учтено 20 единоличных хозяйств, в 15 есть посевы. Выращивают табак, махорку, лен, рожь, яровую пшеницу.

Покрыто и искусственно осеменено 913 коров и телок, 39 свиноматок, 750 овцекозematок и ярок, 540 кобыл.

Городской архив, фонд 10, опись 1, единица хранения 50, 52.

Свидетельства очевидцев

В самый разгар войны в сургутские леса привезли калмыков. Расселили их по баракам в Пасоле, Погорельске, Покуре, Сургуте. Мужчин среди них почти не было, в основном, женщины и дети.

Детей чабанов определили на рыбалку, сельхозработы, а они ни сетей в руках не держали, ни грядок не видали. И втыкали рассаду корнями вверх.

Жили голодно, больше чаевничали, но уже без бараньего жира и соли – все тогда было в дефиците. Сверстники рассказывали, как найдя голову дохлой лошади, «лакомились» и взрослые, и дети.

Халга Умгиров не уехал из Сургута после смерти Сталина, когда калмыки получили вольную, а осел на Севере, куда привезли его, двенадцатилетнего пацана, с матерью. Злобы не держит он на ту жестокую несправедливость. Говорит тихо и дружелюбно. Улыбается, но нет-нет, да и промелькнёт грустинка-печаль в глазах. Особенно, когда вспоминает разор родного дома.

Сызмалства Халга помогал по хозяйству. Далеко в степь гнал домашний скот на зеленые пастбища. У Умгировых было три коровы, бараны, овцы, лошади, дом, из своими руками слепленных кирпичей, на двоих с дядей.

...Он не сразу понял, почему в то утро мать не отправила его на пастбище. Видел только, что хозяйничают в доме чужие люди. Их хорошее коричневое одеяло, согревавшее холодными ночами, безжалостно распластали на портянки. Скот, с вечера стоявший в загоне, ревел, просясь на волю. И мальчишка не выдержал, не обращая внимания на окрик запрещения, выбежал и открыл ворота.

Чем прогневили Умгировы власти, Халга толком и сейчас объяснить не может. Мать его Бторы Цинаевна работала в колхозе, и в Сургуте ей выпала та же участь. Правда, прожила она не долго и в 1945 году скончалась.

Везли ссыльных через Омск до Тюмени железной дорогой, а дальше на север – пароходом. Стояли лютые морозы – люди начали болеть и умирать.

– Вода – рассказывает Халга Музгунович, – по полу бежала, но напиться не могли. Конвоир следил, чтобы ненароком никто не передал ни капли воды, ни крошки хлеба. Трудно приходилось женщинам, детям, но особенно старикам, привыкшим к зеленому чаю с солью и жиром.

В Сургуте их загнали в битком набитые бараки. Спали не только на нарах — весь пол был усеян спящими людьми. Работу дали самую тяжелую и непривычную: делать кирпич, ловить и принимать рыбу на угодьях.

Невелик был в ту пору парнишка, а поставили его добывать глину: выкапывал ямы до двух метров глубиной. Уйдет конвоир — передохнёт минутку. И снова окрик: «Копай!» На рыбалке тоже не легче: рыбы привозили много, таскали её на себе в жару, слякоть и стужу. Не забыть ему те брезентовые сапоги на деревянной подошве, что стучала громче солдатских подков...

Остался Халга Умгиров жить в некогда рыбном месте, на Устрюге. В 1957 году женился на Зое Кондаковой. Соседи и близкие давно величают его Петровичем, хотя в паспорте у него написано Музгунович, но он не обижается.

Время смягчило даже горечь страданий от несправедливости, выпавшей на долю калмыцкого народа.

Так чужая северная земля поневоле стала родиной и двоим его сыновьям и внукам. Судьбу рода Умгировых определило время.

*Рассказ Кортаева Ивана Кирилловича,
с. Локосово*

В школу ходил 2 зимы. В армию призван в 1916 году, вскоре был отпущен домой. В 1919 году весной с первыми пароходами призвал Колчак. Я попал в Омск и нес службу охраны при главном штабе.

Когда началось отступление, из нашей роты выделили 25 человек для сопровождения несгораемого шкафа из Омска в Америку. Этот шкаф привезли на станцию на трех здоровенных лошадях, мы его народом кое-как затащили в вагон. Я думаю, что это было золото.

Доехали мы до Иркутска и передали охрану другой команде, а сами вернулись обратно. Когда приехали в Ново-Николаевск, там были уже красные. Мы явились к коменданту, сдали оружие, винтовки у нас были японские. Комендант нас освободил и велел пробираться домой.

Несколько дней скитались по Ново-Николаевску, потом добрались до Омска, но голод нас погнал обратно. Кто был здоровее — пошли в Красную Армию, некоторые попали в лазареты для тифозных, остальные ушли в Томск. Оттуда я уже зимой (январь-февраль) 1920 года добрался до с. Локосово.

Через год началось восстание. После отступления большевиков вверх по Оби у нас появились повстанцы, началась мобилизация людей и подвод. Я в числе других жителей с. Локосово тоже был мобилизован и попал ямщиком в отряд Мазалова. Были арестованы, увезены в Сургут и расстреляны Бибичев Феропонт, Лейтман Иван Яковлевич (политссыльный немец). Я лично ви-

Григорьев Александр Сергеевич. 10.1.1937г.

инженер в
Канцелярии
Управления Канцелярии

Григорьев действительность началась в 1937г.

Окружением канцелярии Комсомола в г. Омске
Зав. Отделом Момсрота и исполнителем делозащиты.

1940г. по 1943г. - работа в школе учи-
теля. С 1943г. - на партийно-советской работе.

- Инструктором райкома Партии (Канцелярия)
Зав. Отделом, с 1944 редактором районной
газеты в Кончанском районе, с 1949г. по 1957г.
в Омском р-не - редактор, старший коррек-
тор Партии, Зав. Отд. культуры.

С 1957г. по 1961г. - в Сургутском районе
- председателем райкома. Здесь избира-
ется депутатом Верховного Совета РСФСР, депутатом
Верховного Совета Союза, VII созыв.

С 1969г. по 1983г. - г. Канск. Канский
- председателем Омского областного Совета
Народных депутатов.

Здесь избирается депутатом ге-
неральной Верховного Совета России. 9-10 созыв.
Позднее избирается депутатом
Областного Совета, чл. Обкома Партии.

По мужской фамилии в Канск Норд
Трудовой Славы Момсрота области.

Почтовый др-т Канск-Мамон-
ского округа.

А. Федосов -

(Узнал о г. Канске - писателем Борисом)

Г. Кондрякова «Жила-была деревня...»
дел Преображенского, Третьякова, Замятина, Мазалова, Липецкого и др. руководителей восстания.

Расстрел в Сургуте проводили казымские остяки.

Липецкий Алексей после подавления восстания жил на р. Пуре. Перед Великой Отечественной войной рубил себе избу на Крестах (перекресток дорог в вершине Пура), посек ногу и умер от заражения крови.

Записано 16 октября 1965 г.

*Рассказ Кондаковой Ольги Константиновны,
с. Локосово*

Юган был чистой, красивой деревней, все завидовали. Праздники проходили весело, а пьяных никогда не было. Тетюцкий А.Н. вином не торговал. За вином ездили только в Сургут. Особенно интересно было смотреть, как молодые ребята стреляли порохом из псаломшиковой пушки. Откуда она взялась и куда девалась, не знаю.

Записано 15 октября 1965 г.

*Рассказ Кузнецова В.В.,
с. Локосово*

Председатель Локосовского волостного ревкома т. Веселовский Савин Алексеевич, из г. Колывани. Скрывался от преследования в юртах Пеньковых под видом нищего старика-скитальца.

По случаю освобождения от Колчака в декабре 1919 года в волостях проходили митинги. На таком митинге в с. Локосово выступил тов. Веселовский С.А. так, что все удивились и разинули рты: какая сила и убежденность звучали в словах этого раньше незаметного старика. На митинге т. Веселовский С.А. был избран председателем волревкома. Его заместителем избран Кузнецов Василий Васильевич, житель с. Локосово, 1896 г. рождения.

Записано 16.10.1965 г.

Часть 2

Сургутский район

ГЛАВА 8

Территория Сургутского района занимает площадь в 105 тысяч квадратных километров. На севере регион граничит с Березовским, Надымским и Тарко-Салинским районами. На юге – с Уватским районом и Томской областью. На западе – с Ханты-Мансийским и Нефтеюганским районами. На востоке – с Нижневартовским районом. Административный центр муниципального образования – город Сургут. Население района составляет 107,7 тысяч человек.

В состав административной территории входят город районного подчинения Лянтор, три рабочих поселка и 9 сельских советов, в составе которых 4 села, 10 деревень и 11 поселков.

Глава муниципального образования «Сургутский район» Макушенко Дмитрий Васильевич.

Сургутский район – самый крупный в Ханты-Мансийском автономном округе по численности населения и объему промышленного производства. У него богатая древняя история. Край, местность, территория, уезд – по разному назывались окрестности Сургута. Жизнь здесь протекала тихо и спокойно. Род занятий коренного, а позднее пришлого населения определялся наличием огромных рыбных запасов, большого количества промыслового зверя и дичи, дикоросов, которыми щедро снабжала северян глухая тайга.

Проводились и удачные опыты по хлебопашеству и выращиванию картофеля. В 1910 году в районе была очень низкая плотность населения. Но и захолустным уезд нельзя было назвать: в 2000 году исполнился ровно один век, как была построена первая телефонная линия Сургут – Белоярская пристань.

Осенью 1923 года в составе Тобольского округа Уральской области образован Сургутский район. 10 декабря 1930 года он вошел в состав Остяко-Вогульского национального округа, ныне являющегося автономным. До 1934 года эта территория входила в состав Уральской области, потом некоторое время она являлась частью Обь-Иртышской области с центром в городе Тюмени. С 1935 по 1944 годы район находился в составе Омской области, а с 1944-го – Тюменской.

С началом освоения нефтяного Приобья Сургутский район поделится своей территорией с соседними. В 1968 году Нефтеюганскому району переданы Чеускинский и Пойковский сельские советы, позднее, в 1980 году, к нему же перешли Усть-Юган, Юганская Обь, Лемпино, Салым. В состав Нижневартовского района вошли Аган, Новоаганск, Варь-Еган, Покур, Вата. В 1985

году г. Когалым получил статус города окружного подчинения, а в 1986-ом в его ведение передали Орт-Ягун и Повх. В 1991 году в Сургутском районе образованы Нижнесортымский и Ляминский сельские советы.

Почетные граждане Сургутского района – Богданов Владимир Леонидович – генеральный директор ОАО «Сургутнефтегаз», Солохин Валентин Федорович – в недавнем прошлом генеральный директор ОАО «Мостострой-11», Сарычев Александр Викторович – депутат Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации, Бахлыков Петр Семенович – писатель, краевед, художник, при жизни он возглавлял филиал краеведческого музея в Угуге, который носит имя своего основателя – П.С. Бахлыкова, Ядрошников Александр Павлович – старший научный сотрудник музея «Природы и Человека» в деревне Русскинская. Замятин Валентин Петрович, Конев Леонид Артемович, Коровин Иван Егорович, Редикульцев Виктор Федорович – в разное время работавшие в так называемой «глубинке», а затем в районной исполнительной власти, в администрации, находящиеся в настоящее время на заслуженном отдыхе, также носят это звание.

Почетный гражданин округа – Григорьева Антонина Георгиевна.

Антонина Георгиевна родилась 14 марта 1918 года в деревне Богданы Кондинского района Омской области в рыбацкой семье. После окончания Ханты-Мансийского педагогического училища в 1937 году ее направляют на работу заведующей отделом пионеров и школьников окружкома ВЛКСМ. Будучи председателем Сургутского райисполкома с 1960 года и с 1969 года председателем Ханты-Мансийского окружного Совета депутатов трудящихся, Антонина Георгиевна объездила весь север на оленях упряжках, на вездеходах, на вертолетах, вникая во все местные проблемы.

Старожилы помнят ее как энергичного, решительного руководителя. Сургутяне нарекли ее «хозяйкой района» и уважали за энергичный и беспокойный характер. Григорьева смело говорила с высоких трибун о бедственном состоянии национальных видов хозяйствования в условиях интенсивного развития нефтегазовой промышленности.

«Хозяйкой Югры», «хранительницей Большого Очага таежной земли» назвал ее мансийский поэт Юван Шесталов. Ей присвоено звание «Почетный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа». В 2001 году за заслуги А.Г. Григорьевой одному из новых самолетов ТУ-154 присвоили ее имя.

До середины прошлого века Сургутский район был зоной земледелия, рыбодобычи и пушного промысла. Эти же отрасли развивались в колхозах, которые начали создаваться в тридцатые годы. Первый колхоз был создан в райцентре, затем в других

деревнях и хантыйских юртах. В среде коренного населения организовывались ППТ — простейшие производственные товарищества, им присваивались имена видных большевиков и революционеров: Калинина, Свердлова, Микояна и т.д.

К 1940 году на территории района насчитывалось 32 колхоза, позднее число их доходило до 70. Перед войной в Сургуте были организованы МРС и МТС — моторно-рыболовная и машинно-тракторная станции. В конце 20- начале 30-х годов в районе появились первые промышленные предприятия: рыбоконсервная фабрика и леспромхоз, где также широко использовался труд колхозников.

Мирный труд северной глубинки был прерван войной, на которую ушло 3 тысячи селян, и половина из них не вернулась с полей сражений. За себя и за того парня работали в тылу под лозунгом: «Все для фронта! Все для Победы!». Сургутский район дал кров эвакуированным ленинградцам, в том числе и детям, на его территории разместилось три детских дома — в Сургуте, Ямском, Песчаном. Послевоенный Сургутский район помогал восстанавливать разрушенное хозяйство в оккупированной в годы войны Запорожской области.

Не были забыты и аборигены, сселение которых приходится на середину прошлого века. В результате этой компании на карте района выросли целые национальные поселки: Угут, Каюковы, Аган, Варь-Еган, Ермаковы, Русскинские, Кочевые, Пим, Дарко-Горшково и другие. Сургутский район стал лидером по числу перешедших на оседлость коренных жителей.

Вторая половина прошлого столетия открывает новую страницу в истории района — нефтяную. Происходит переориентация экономики на нефтедобывающие рельсы. Каскад открытий пришелся на шестидесятые годы XX столетия. Первооткрывательницей нефти на средней Оби стала скважина №1 в Мегионе, дебит ее составлял 360 тонн в сутки. А спустя непродолжительное время еще две — Р-61 и Р-62 подтвердили наличие нефти вблизи деревни Усть-Балык Сургутского района. Позднее на этой территории возник Нефтеюганск, в 1967 году получивший статус города.

Одно за другим были открыты Западно-Сургутское, Быстринское, Южно-Балыкское, Мамонтовское, Лянторское, Локовское и многие другие месторождения.

«Промышленная революция» не могла не отразиться на жизни и судьбе Сургутского района, как и на экономике возникших на севере новых городов и поселений. От «Сургутнефтегаза» отпочковывались нефтяные подразделения, которые превращались в мощные структуры.

Одиннадцать крупных нефтяных компаний, объемы добычи которых в общей сложности составляют около 80 миллионов тонн в год, работают на ста месторождениях Сургутского райо-

на: в их числе ЛУКойл-Западная Сибирь, нефтяники Ноябрьска, Мегиона, Стрежевого, Нефтеюганска, Нижневартовска.

Безусловный лидер в этом ряду — ОАО «Сургутнефтегаз». Это единственное среди нефтяных предприятий зарегистрировано непосредственно на территории своей производственной деятельности; его вклад в бюджет Сургутского района наиболее значителен, что способствует превращению района в рационально развивающийся регион, с динамично функционирующими производством и инфраструктурой. Велики налоговые отчисления «Сургутнефтегаза» и в окружной бюджет; ни одна крупная стройка, ни одна целевая программа или проект автономии невозможны без участия этой нефтяной компании.

Индустриальное лицо района определяют и такие крупные предприятия, расположенные на его территории, как ООО «Сургутгазпром», завод стабилизации газового конденсата. Сургутский ГПЗ является крупнейшим поставщиком газа для двух сургутских ГРЭС и для нужд населения.

На территории района построены два уникальных двухкилометровых моста — железнодорожный и автомобильный, что позволило территории получить надежную транспортную схему, выйти на совершенно иной уровень развития.

Выпуском промышленной продукции занимаются предприятия лесной промышленности, завод строительных конструкций.

Промышленное освоение района отразилось и на жизни коренного населения. Осваивая новые площади, строители и промысловики мало считались с интересами ханты, привыкших к традиционному жизненному укладу: через родовые угодия прокладывались трубопроводы, в урманые речушки, озера попадала углеводородная жидкость. С течением времени в решении проблемы взаимоотношений между нефтяниками и аборигенами стали использоваться более цивилизованные подходы. А регулирует эти взаимоотношения районная администрация. Она ежегодно заключает договоры с акционерными обществами о социально-экономическом развитии района и мест проживания представителей коренной национальности.

Строительство, медицина, образование, культура, спорт — эти вопросы не сходят с повестки дня в комитетах и отделах районной администрации. Сургутский район по праву считается большой строительной площадкой. Обширные программы по сооружению жилья, объектов социально-культурного назначения выполняются в Угуге, Барсове, Федоровском, Сытомино, Нижнем Сортыме, Лянторе.

Хорошо налажено медицинское обслуживание. В районном центре функционирует центральная районная клиническая больница, где жители района могут пройти курс обследования, лече-

ния и т.д. Медоборудование постоянно модернизируется, повышается квалификация врачей. Кроме того, в любое время суток готова прийти на помощь жителям глубинки санавиация, а летом населенные пункты посещают бригады, сформированные и врачей различного профиля, которые курсируют на теплоходе «Здоровье» по населенным пунктам, расположенным вдоль речных магистралей. По мнению специалистов Тюменского медицинского института, состояние диагностики и лечения в ЦРКБ находится на достаточно высоком уровне.

Образование. Культура

В Сургутском районе функционирует 79 общеобразовательных учреждений, в их числе четыре межшкольных учебных комбината, Федоровский дом детского творчества, районный и Лянторский центры детского творчества, Тром-Аганская национальная начальная школа-детский сад, прогимназия, начальная школа-детский сад «Улыбка». Со второй половины прошлого столетия работает Ляминская национальная санаторная школа-интернат, справившая в 2003 году новоселье. Здесь учатся и поправляют здоровье школьники из всего района.

Ветеран системы народного образования Сургутского района Варвара Антоновна Аверина, ее трудовой стаж составлял около полусотни лет

Встречи бывших учеников Сургутской полной средней школы 40-50-х годов по установившейся традиции приурочены к очередной годовщине со дня рождения известного учителя и просветителя Аркадия Степановича Знаменского, через «руки» которого прошли сотни воспитанников. Однажды Сургут навестили выпускники 1955 года. Из Екатеринбурга прибыл Владимир Козин, главный конструктор Уральского электромеханического завода, Галина Соловьева-Чайкина, ранее работавшая директором Ханты-Мансийского книготорга, а выйдя на пенсию, стала ответственным секретарем Югорского землячества в Тюмени, Анатолий Клепалов — главный врач

одного из санаториев под Тюменью, Леонид Силин, директор Ханты-Мансийской сельскохозяйственной опытной станции и другие сургутяне, ставшие жителями других регионов. На правах хозяев их встречали земляки Галина Сакулина-Киреева, Лидия Кайдалова-Зобнина, Рида Давыдова-Буланова, Владислав Домашов, Валентин Непомнящих, Николай Рыткин.

Гости побывали на уроке в школьном музее общеобразовательного учреждения № 18, где были собраны экспонаты и публикации, хранится записанная на пленку речь Учителя Знаменского.

Поседевшие ученики известного в Сургуте просветителя вновь сели за парты. Не те с наклоном, подножкой, спинкой и углублениями для «чернильницы», ручек с перьями и карандашей, а за обычные столы в актовом зале, которого, конечно же, в бывшей «гробнице» (так называли первую школу) не было. Как не было и современного атрибута любых сегодняшних форумов — микрофона.

«Гробница», где учились старые сургутяне, получила свое название за нелепую продолговатую форму здания с небольшими оконцами, занимались тогда в ней при свете керосиновых ламп. Главными же в памяти бывших школьников остались уроки их любимого Учителя. На них каждый вел себя свободно, мог встать и подойти к соседу, поразмышлять, высказать свое мнение. Знаменский, как капитан, вел их в бушующем море знаний, старался заметить в каждом то заветное, что живет в душе с ранних лет. Тогда Анатолий Клепалов поделился с Аркадией Степановичем своей мечтой стать врачом.

Клепаловы — из ссыльных, их привезли в окрестности Сытомино, а точнее в Зарям, который они сами строили и который теперь объединился со старинным сибирским селом. Обжились здесь родители, пустили корни дети и многочисленные родственники. Родным стало Сытомино, о нем врач отзывается рифмованной строкой: «Сытомино, Сытомино — родимый милый край, ты любовь к Сытомино внукам передай».

Владимир Козин по окончании школы был представлен к награждению золотой медалью. Досталась серебряная, поступил и окончил в Свердловске УПИ, там и остался. Козин учился в Сургуте всего два года, приехал в сюда с родителями из Октябрьского района, но все равно считает этот город родным.

Леонид Силин учился в Омском сельхозинституте, затем — в аспирантуре, живет в Ханты-Мансийске. Галина Чайкина после кооперативного техникума окончила институт, была преподавателем в Ханты-Мансийской кооперативной школе, теперь это колледж. Уехав в Тюмень, не сидит без дела — работает в землячестве «Югра». Она ревностно следит за жизнью в Сургуте, округе, считает необходимым собирать литературу о родном крае. Землячество в Тюмени — самый крупный потребитель периодических изданий в округе.

5 «А» класс, 1952 год г. Сургут

Нельзя не сказать и о последователях Знаменского, решивших пойти по его стопам. Вера Бессонова стала физиком, Николай Рыткин — географом. Без сомнения на их жизненный выбор повлиял пример Аркадия Степановича. В семье Рыткиных два педагога — Николай и Альбина, и день рождения у них один — 11 марта с разницей лишь в годах.

И повеяло на той памятной встрече черемуховым палисадным Сургутом с его узкими тротуарами и дорогой из травы-муравы, с гимном о затворнице, названной сургутской занавесочкой. Собрались на встречу старые сургутяне не по стажу и возрасту, а по духу. Многие из них остались жить в городе, но после сноса домов в старом Сургуте здесь словно растворились. Пытаются приспособиться, тая в душе неизбывную боль о забвении своего города детства. Даже и не города, а села, где каждый знал друг друга, бегал в гости, купался в Бардаковке, на равных принимал «черномысовский сброд» (выражение Аркадия Степановича), где гуляли всем селом и также дружно провожали земляков в чужие дали.

Бывшие «школьники» посетили все места, связанные с именем А. С. Знаменского, отметили ценность экспозиции в школе русской культуры, рассказывающей о династии Знаменских. Эта школа построена в этнографической зоне, и долго гости еще «восстанавливали» в памяти старый Сургут, остановившись у «вечного огня». Сопровождавший экскурсию сотрудник краеведческого музея с большим вниманием слушала рассказы выпускников, она получила много ценной информации, которую не найдешь ни в одном источнике.

В районе проходит масса культурных мероприятий. Традиционными стали Дни славянской письменности и культуры в Тундрино, где стоит старинная церковь святого великомученика и целителя Пантелеимона, относящаяся к архитектурным памятникам XIX века. Продолжают притягивать население к себе праздник «Играй, гармонь», фестиваль авторской песни «Высокий Мыс», дни поселков и сел, проаздник «масленицы». Немало зрителей и любителей приезжают на слеты рыбаков и охотников в Русскинские, Тром-Аган. Детские районные фестивали выявляют множество талантов, которые нередко побеждают в окружных, областных и республиканских песенных конкурсах.

В селе Локосово Сургутского района вошел в историю бенефис самодеятельного певца Ивана Андреевича Шеткова, молвой причисленного к народным артистам и именуемого «локосовским соловьем». Бенефис посвящался 50-летию его сценической деятельности и явился признанием заслуг, мастерства, значения артиста в культурной жизни старинного села, раскинувшегося на берегу Оби. В честь юбиляра и бенефицианта сельским клубом была подготовлена обширная программа выступлений самодеятельных артистов из ансамблей «Осенний поцелуй», «Кураж», «Приобье», театра «Маски», «Экспромт». Каждый очередной номер ведущие вечера Надежда Рыкова и Ирина Баглай предваряли рассказом о жизни самодеятельного артиста, его семье, родителях. Словом, как бы заново знакомили сельчан со Иваном Андреевичем Шетковым, с родом Шетковых, объединяющего семьи четырех братьев, и все они продолжают жить на своей родной земле.

В Центре национальной культуры д. Русскинская

Иван Андреевич всю жизнь был согрет любовью родителей, односельчан, жены, детей, внуков. Родители его — Фекла Федоровна и Андрей Иванович косили сено, ловили рыбу, работали на земле и в редкие минуты отдыха пели. Сыновья их — Николай, Иван, Григорий, Павел до сих пор помнят родительские песни, одну из них они исполнили прямо в зале, без музыкального сопровождения.

Щетковы не стали рыбаками. Иван Андреевич выучился на связиста, он самый первый в селе смастерил антенну, и сельчане стали смотреть телевизор. Он учил подростков прыгать с кручи, не бояться трамплинов. Девтора ходила за ним, как привязанная.

В молодости пробовал Щетков поступить в консерваторию, но профессор, прослушав парня, с сожалением покачал головой: мол, на пяток бы лет тебе, юноша, пораньше прийти к нам. Но поездка в Новосибирск запомнилась еще и потому, что оттуда он привез Валентину Ивановну, жену и мать его детей. В их семье не случалось разводов, выбирали спутниц раз и навсегда.

Локосянам везет на работников культуры. Восхождение таланта Ивана Щеткова совпало со временем работы здесь Татьяны Павловны Катининой. В свое время о ней много писали и говорили, и это вполне заслуженно. Как говорится, сгорела Татьяна Павловна на работе, которая проходила в старом изношенном здании. Теперешние условия в ДК «Керамик», который когда-то его построил директор кирпичного завода (увы, теперь он разрушен) Ю.В. Перов, почти городские. Царским подарком для сельчан стал очаг культуры, возведенный на пригорке из местного строительного материала.

В песеннике сургутских композиторов, изданном в 1999 году, опубликованы слова и музыка «Обского вальса». К иллюстрации предпосланы слова: мужской вокальный ансамбль с Локосово под управлением Валентины Филипповой исполняет песню «Обской вальс». Рядом с Валентиной Петровной стоит Иван Андреевич, его коллеги более чем на голову выше и на порядок моложе Щеткова. Однако он не отстает ни в песне, ни в работе.

За полвека многое изменилось в Локосово. Не поют теперь тех песен про рыбаков с вольной душой, ушли в прошлое сельскохозяйственные заботы, появились новые профессии, новое дело — многие трудятся по вахтовому методу в Лангепесе, большинство сельчан нашли применение своим силам в исправительном учреждении, дислоцирующемся в нагорной части села.

Не изменились лишь речка Силинпас, так же «...катит вдаль свои воды родная река. И к тебе моя рвется душа. — Обь моя, удивительно ты хороша». Неизменной осталась тяга к культуре, любовь к песне, которую Иван Андреевич пронес через всю жизнь.

В начале 70-х годов в районе ярко вспыхнуло «Пламя» Ля-

*Сайгатинская
протока.
Художник
Александр Попов*

*Предместье
Широково*

*На Обском
берегу*

*У здания
аэропорта
в Угте,
1979 г.*

*Валентина Федоровна
Кошкарова и Лариса
Ивановна Золотухина
в день своего 80-летия*

*С поисковиками в г. Белом
Тверской области*

На выставке к юбилею Победы

минской агитбригады. В село после окончания Минского музыкального училища приехал его выпускник Валерий Александрович Исаков. Он работал в местном клубе, что по тем временам казался дворцом. Таким он и был, так как пришел на смену приспособленному зданию в старой деревне на берегу протоки, куда, к слову, порой забегали и овцы, поскольку двери не закрывались. Поселившиеся здесь новые хозяева в лице РЭБ флота Главтюменьгеологии во главе с начальником Анатолием Мельниковым строились в глубине леса. И на самом красивом высоком месте возвели школу и клуб. Нынешний дом творчества стоит тут же.

Выпускник из Минска очень быстро сплотил молодежь, собрал вокруг себя подростков, организовал кружок баянистов. Ребятишки увлеченно занимались музыкой. По признанию директора центра досуга и творчества Вячеслава Трухина, Исаков стал его кумиром. И это не просто слова, потому как встреча с ним определила и жизненный выбор Трухина. Он решил идти по стопам своего учителя и самозабвенно трудится на культурном поприще.

Сверкнул в те поры незаурядным поэтическим талантом учитель местной школы Борис Боровинский. В соавторстве с Валерием Александровичем Исаковым они написали песню к юбилею Тундринского совета. И «Пламя», в который входили тогдашний директор ДК Надежда Кушнарева, киномеханик Андрей Проводников, братья Егоровы и другие, исполнило Тундринский гимн на 50-летнем юбилее совета. Всего год проработал Исаков в Лямино, но память о нем хранят в сердце многие. По замечанию Трухина, ни до, ни после не было такого всплеска творчества местной молодежи и школьников.

Ляминские школьники уезжали тогда доучиваться кто в Сытомино, кто в Сургут. Трухин учился в Сытомино, он вспоминает, что жизнь там текла сонно и спокойно. А им, ученикам из Лямино, хотелось учиться музыке дальше. Поэтому самые упорные поддерживали связь с Исаковым, просили выслать ноты, дать совет, и он откликался на их зов.

Валерия Александровича перевели в Сургут, и вскоре здесь о себе заявила агитбригада «Белоярочка», затем гремела «Сургутяночка». А в Лямино потом и сами его ученики развернули работу. Например, в ансамбле, созданном Исаковым, играли его ученики Борис Панов, Вячеслав Трухин и те, кто самоучкой овладел инструментами. Впервые, пожалуй, при Исакове ляминцы участвовали не только в районном смотре-конкурсе, но и во всероссийском. С полноценной программой, включающей в себя и музыку, и песни, и стихи, и сатиру.

Давно в Лямино работает бывший воспитанник Валерия Исакова Вячеслав Трухин. Под его началом шесть творческих работников, более десятка объединений и кружков действует под

крышей центра досуга и творчества. Но остается память, благодарная память о человеке, вдохнувшем искру творчества не в одного воспитанника, жившего в деревне Лямино в 1973-74 годах.

В Сургутском районе регулярно проходят фестивали самодеятельного творчества ветеранов — пенсионеров, в которых участвуют коллективы почти из всех территорий. Однажды стоял лютый мороз, термометр застыл на отметке 42 градуса, и это явилось одной из причин отсутствия на фестивале представителей старшего поколения из некоторых населенных пунктов. Из ближних деревень коллективы ехали с большим риском, например, локосяне трижды застревали в пути. Но здесь, в залах культурно-спортивного комплекса, их ожидал теплый прием, так обычно встречаются близкие, давно не видевшиеся люди. Дом, дети, внуки — вот, казалось бы, теперь их удел. И, может быть, благодаря открытию в населенных пунктах центров дневного пребывания, пенсионеры чувствуют, что можно еще продлить радость общения друг с другом, удивить коллег тем, что остался еще порох в пороховницах. На фестиваль, конечно же, отбираются самые лучшие песенные номера, сценки, стихотворения, репризы. Много зрителей привлекает и выставка изделий «очумелых» опытных рук — это тоже одна из ветвей народного творчества. Неповторимой и оригинальной выглядела коллекция супругов Кошелевых — Людмилы Александровны и Анатолия Степановича из деревни Лямино. Глава семьи долгое время работал директором Ляминской средней школы, супруга тоже учительница. В хлопотах и заботах проходили дни, а вот теперь на пенсии Анатолий Степанович решил всерьез заняться творчеством. Он работает с берестой, заготавливая ее в определенную пору, а из этого материала мастерит туески.

С удовольствием фотографировали стенд Кошелевых посетители — очень уж хотелось запечатлеть панно, изделия рук Людмилы Александровны. В круглую раму, что сделал супруг, она заключила вышивку. На одной из картин изображен аккуратными стежками не просто деревенский пейзаж, а дом, в котором живут Кошелевы. Хозяин построил его своими руками еще в бытность директором школы. Возводил просторные хоромы — в семье росло четыре дочери. Все они уже разлетелись, свив свое гнездо, но любят в свободное время или в каникулы уже со своими детьми приезжать в родительский дом. Кошелев был и архитектором своего дома, он предусмотрел огромную мансарду, где в летние вечера собирается немало людей. Достоинно представили себя локосяне, удивив разнообразными изделиями, была отмечена и работа художника Анатолия Гацука. Ну а как было пройти мимо экспозиции федоровчан, где был представлен интерьер уголка отдыха и где выделялось своими яркими красками лоскутное одеяло, когда-то стеганое от нужды, а теперь исполь-

зуемое для украшения комнат. Вообще старики — мастера вышивки, почти на каждом стенде или столе можно было отыскать ее. Эти предметы в изобилии подготовили белоярцы, на рукотворных картинках запечатлены лик Богородицы с младенцем, пейзаж, сказочные сюжеты. К слову, Богородица повторялась не однажды и в других экспозициях, библейские темы присутствовали нередко.

Идея проведения фестиваля авторской песни «Высокий Мыс» возникла еще в 2000 году и принадлежит она комитету по культуре администрации Сургутского района. В 2002 году в рамках 25-летия ОАО «Сургутнефтегаз» в п. Высокий Мыс прошел фестиваль авторской песни, организатором которого стала объединенная профсоюзная организация нефтяников. В 2004 году администрация Сургутского района и ОАО «Сургутнефтегаз» объединили свои усилия во имя общего дела. Так возник совместный фестиваль авторской песни «Высокий Мыс». Место проведения, название мероприятия — уже традиционны.

В Сургутском районе открыты три музея: имени П.С.Бадьякова в Угутае, музей природы и человека в Русскинских, этнографический в Лянторе.

Современная деревня ханты Русскинская — это поселение в тайге, которое посещают в поисках северной экзотики гости Сургутского района, нередко здесь бывают и сами сургутяне. Особую гордость сельчан составляет Центр национальной культуры. В нем собраны образцы искусства коренных жителей Югры — ханты. Женщины-аборигены мастерски изготавливают изделия из меха, бисера, ткани, бересты, передают свои знания из поколения в поколение.

У экспонатов музея природы и человека в Русскинских

В 1989 году в Русскинской был открыт музей природы и человека. Создали его на основе частной коллекции энтузиаста, человека, страстно увлеченного природой, историей и культурой Сургутского Приобья Ядрошниковым Александром Павловичем. Сегодня этот музей является одним из интереснейших в Ханты-Мансийском округе, спецификой его в первую очередь является фауна Среднего Приобья. Коллекция насчитывает около 3000 экспонатов. Число посетителей в год колеблется от 13 до 16 тысяч человек.

*Создатель музея в Русскиных
Александр Павлович Ядрошников*

Особенностью музея деревни Русскинская является то, что он работает исключительно на экспозициях собственных фондов, представление привозных выставок в музее не практикуется. Ныне музей развивает тему «История русского старожильского населения Сиби-

ри». Это большой нераскрытый пласт Сургутского Приобья, т.к. архивные данные по истории Сургутского уезда находятся в разных городах России, а следы материальной культуры практически утрачены. Экспозиция «Русское население Сибири» в полном объеме открыта в середине 2000 года.

Доброго слова заслуживает муниципальное учреждение культуры «Сургутская центральная районная библиотека». По архивным сведениям, в январе 2004 года ей исполнилось 80 лет. Это учреждение включает в себя 19 библиотек, из них три — детские, 10 — сельские. Количество книг составляет 241 тысячу экземпляров, читателей — более 20 тысяч, выписывается 500 различных газет и журналов.

В районе уделяется огромное внимание развитию спорта, способствующего укреплению здоровья, воспитанию полноценного поколения. Команды спортсменов Сургутского района уверенно выступают на соревнованиях местного, российского и международного уровней. Честь района защищают мастера спорта международного класса по тяжелой атлетике Руслан Лизунов, чемпион России 2001 года, Олег Перепеченов, чемпион России и Европы, абсолютный победитель международного турнира «Гран-при России 2003 года», член олимпийской сборной России, которая была участником последней Олимпиады в Афинах.

Лучшей командой по игровым видам спорта признана команда по волейболу ЗСК-Газпром, участник чемпионатов России с 1996 года. Ежегодно в городе Лянторе проходят комплексные соревнования на приз имени первого начальника НГДУ «Лянторнефть» М.Б. Назаргалеева. В селах района получали прописку соревнования по гонкам на обласах.

О жизни пожилого сословия заботятся комитет социальной защиты населения и районный совет ветеранов. По традиции в

дни праздников глава района приглашает на прием участников войны и трудового фронта, руководителей ветеранских организаций. Почти в каждом населенном пункте есть центры социального обслуживания населения.

Район занимается книгоизданием, открыт для общения со СМИ.

Жители населенных пунктов района принимают посильное участие в возведении храмов. По инициативе администрации реставрирована церковь святого великомученика и целителя Пантелеимона в старинном Тундрино, действуют храмы в поселках Барсово, Сайгатино, Белый яр, Федоровский. В городе Лянторе построены православный храм и мечеть, возводятся культовые сооружения в Нижнем Сортыме, Солнечном.

Люди района

На берегах реки Пим, рядом с Лянторским месторождением, построен город Лянтор, где проживает свыше 30 тысяч человек. Лянтор гордится своими библиотеками, этнографическим музеем, городской телестудией. Его жители с уверенностью смотрят в будущее: нефти здесь хватит не на одно поколение.

Лянтор начинался с Пима. Ныне от той глухой деревушки, куда лишь самолетом да обласом можно было добраться, не осталось даже названия. И нет уже в живых Марии Ивановны Хмелевой, первой русской просветительницы в Пиме. Остались лишь ее воспоминания. И добраться теперь до Пима можно без проблем: по бывшим болотам и бездорожью проложена автотрасса, ходит рейсовый автобус — воистину «воля и труд человека дивное диво творят». А тогда, в тридцатых, совсем еще юная Маша ехала с перетасками. Пим к осени настолько мелел, что лодка трудно проходила, так что кое-где тянули ее бечевой, как бурлаки, а сидящий в ней правил на корме веслом.

Пим был в ту пору крошечным селением из семи избушек, но в нем находились школа и интернат. Осенью в них со всех

*Мария Ивановна Хмелева
кружит в танце*

юрт собирали ребяташек, которые совершенно не владели русским языком, а учительница не знала хантыйского. Поэтому поначалу Мария Ивановна вела занятия с переводчиком, им был Ваня Хмелев, выросший в сиротстве, прибившийся к большой семье Щепеткиных — глава семьи Филарет Федорович пригрел

мальца. Грамоты большой Ваня за душой не имел, как говорила Мария Ивановна, может быть, пять классов окончил. Но по-хантыйски говорил свободно, ведь все его друзья-товарищи были аборигенами. Даже невесту ему нашли среди коренных жителей — Софью Нимперову. А он больше к ней, молодой учительнице, тянулся, и работа тому способствовала. Словом, поженились Хмелевы в Пиму, и более десяти лет там прожили. Правда, местные жители поначалу нашептывали Марии на ухо: он, мол, болен туберкулезом, зачем вышла за него замуж? Супруг и вправду тяжело болел, думали, не встанет, когда его в Ханты-Мансийске определили на больничную койку. Но отпоили там Ивана кумысом, и потом, когда они с Марией поехали в Омск (Сургут тогда входил в состав Омской области) к врачам, те сказали, что если беречься будет, то проживет долго.

Вскоре учительница Хмелева и без «толмача» вела свои уроки, а Хмелев на курсы в окружной центр уехал, чтобы переквалифицироваться на учителя школы для взрослых. Поставили его потом председателем рыбокооп, одновременно он и ликбезом занимался. Сам развозил продукты, табак по хантыйским юртам до самого Пура. Тогда председатель не имел конторы, сам торговал и сам учил. Перед самой войной перевели Ивана Ивановича в Салым, где он заменил председателя рыбокооп. Оттуда, не заезжая домой, ушел на фронт. После войны вернулся в Пим, откуда супруги переехали в Чеускино, где Иван Иванович опять работал за двоих — председателем Совета и рыбокооп. Был он и председателем колхоза, только все чаще стал к рюмке прикладываться. А тут случилась неприятность — на пастбище погибло десять овец. К ответу Ивана Ивановича призвали. На бюро окружкома вызвали, но из партии не исключили.

Последние годы супруги Хмелевы жили в Сургуте. Домик тут был у них. Мария Ивановна в школе работала, секретарем парторганизации была, Иван Иванович ушел на пенсию, сторожил у нефтяников. Своих детей у супругов не было, сироту приютили и воспитали.

Нефть дала жизнь новому поселку Федоровскому, где проживает 16,6 тысяч человек. На его границах проходят нити трубопроводов, дают «черное золото» скважины. В этот промышленный пейзаж вписались сады и огороды, которые обустроили страстные земледельцы. К юбилею района здесь построен великолепный досуговый центр «Премьер» со студией хореографии и другими многочисленными кружками.

*Борис Антонович
Комтин хорошо
знает Пимские уголья*

Крупные подразделения нефтяников обосновались на Белом Яру, совершенно изменив облик этого поселка, ставшего центром территории района.

Нефтяное время на часах истории преобразило Локосово и Сытомино, Лямино и Угут. Однако, здесь постарались сохранить и старые отрасли. МП «Восход» в Сытомино занято добычей и ее переработкой, здесь же находится сельскохозяйственное предприятие «Маяк». В Лямино открыт участок лесозаготовок фабрики «Сургутмебель». В Локосово прописаны подразделения газопереработчиков. Жители старинных сел трудятся как по своему постоянному месту жительства, так и вахтовым способом в Лангепасе, Лянторе, Сургуте, Нижнем Сортые.

...Отправляется в последний рейс быстроходная «Ракета», собирая замешкавшихся пассажиров. Берет курс на Сытомино, увеличивая ход. Холодные, ледяные брызги искрятся в скупых лучах осеннего солнца, редкая птица пролетит за кормой. Все замерло в ожидании заморозков, которые вскоре скуют судоходную реку. Однако это обстоятельство не будет помехой для передвижения пассажиров, они переседают на автомобильный, авиационный транспорт. За Сургутом первая остановка – переправа, отсюда начинается Нефтеюганск. Раньше тут была надпись: «Переправа». Вот и еще одна остановка: Тундрино. Название сохраняется символически, потому что на берегу раскинулся поселок Высокий Мыс. А в Тундрино ныне сезонно проживают дачники, давно уже порушено в старинном селе хозяйство, зимой здесь безлюдно и пустынно.

В Лямино выходят пассажиры, приехавшие и в Песчаный. Ко времени прибытия теплохода на берегу скапливается всевозможная техника — автомобили, мотоциклы: от пристани до Лямино более двух верст, а до Песчаного вообще семь километров, пешком осилит дорогу не каждый. Путь проходит по красивому нетронутому лесу. Земной покров здесь являет собой сказочно красивое зрелище. В красно-желтое одеяние его облекла листва, тянутся к солнцу редкие цветы багульника, зеленеют мшистые кочки, заботливо прикрывают этот наряд сосны и мелкорослые ели. Красота и тишина вокруг. Вдыхаешь напоенный лесным ароматом воздух и, честное слово, не уходил бы, не уезжал. Но ранним утром вновь причаливает в последний раз за навигацию «Ракета». Берет на борт пассажиров, многие из которых, по общему выражению дежурного по вокзалу, отправляются на «зимние квартиры» в Сургут.

Жил в Юганском междуречье собственный летописец Петр Семенович Бахлыков. Поэт, художник, следопыт этнограф и археолог. Он создал удивительную коллекцию по истории и материальной культуре ханты,

ставшей впоследствии основой музейной экспозиции села Угут. Немалую часть экспонатов составили картины самого Бахлыкова, написанные в своеобразной, так называемой, примитивной манере. Многолетние наблюдения и исследования быта и жизни ханты нашли отражение в художественных и публицистических книгах, историко-краеведческих трудах этого талантливого подвижника земли Югорской. Ныне дело отца продолжают его дети.

На первых порах ему приходилось и музейные печи топить, и снег во дворе убирать. А выдавалось свободное время — писал стихи, картины, книги. Богатое наследие оставил потомкам Петр Семенович. Его картины, повествующие о жизни и быте коренных народностей ханты, находятся во многих музеях не только нашей страны, но и за рубежом. Из-под его пера вышло две книги — «Юганские ханты. История, быт, культура» и роман «Медвежья падь». И, конечно же, нетленным памятником подвижнику Бахлыкову остается Угутский краеведческий музей, где продолжают дело отца дети — Евгения, директор музея, Александр, художник и мастер-таксидермист, Екатерина, экскурсовод, Евгений, архитектор.

В память о Бахлыкове в районе учреждена именная стипендия для особо отличившихся учащихся образовательно-эстетических учреждений, в которой четыре номинации: художественная, литературная, искусствоведческая и авторская песня. Петр Семенович ушел из жизни, но добрая память о нем осталась с теми, кто хранит и приумножает его наследие.

«Бахлыковские чтения» — так называлась научно-практическая конференция, которая впервые состоялась в поселке Угут. Инициаторы форума — Центральная районная библиотека и администрация района решили собрать в честь семидесятилетия со дня рождения известного краеведа, художника и поэта Петра Семеновича Бахлыкова библиотекарей, археологов, этнографов, краеведов, историков и многих других людей, увлеченных творчеством этого человека. В поселок съехались люди не только из сел и деревень Сургутского района, города и округа, но и из Тюмени, Екатеринбурга, Томска.

У Петра Семеновича завораживающая, несколько странная биография: был егерем, стал художником, краеведом и писателем. Откуда этот дар, позволивший человеку уже в зрелом возрасте заняться краеведением, а после сорока лет увлечься живописью? Однако первая проба работы с кистью произошла гораздо раньше. К двадцати годам Бахлыков уже хорошо знал природу тюменского севера, а работа в Тауровском промыслово-охотничьем отделении еще более пополнила знания о ней. Первая супруга художника Антонина Владимировна Бахлыкова рассказывает:

— В то время, когда мы приехали в Угут, у нас уже было двое детей. Мне не очень хотелось покидать насиженное место в

Вахлово, но Петр настоял на переезде. Может, красота этих мест и разбудила в нем художественный дар и любовь к родному краю. Удивительным образом нарисованная им копия васнецовских богатырей поразила все наше семейство. Человек, до этого времени делавший только заметки и наброски на обычной бумаге, выдал такое замечательное полотно.

Сам же художник утверждал, что Божий дар перешел ему от его деда. Он был золотых дел мастером, расписывал церкви, писал иконы. Очевидно, что генная предрасположенность к творчеству и постоянное, с рождения общение с первозданным миром природы и явились слагаемыми таланта художника.

Центральное место в творчестве Петра Семеновича занимает человек: его взаимоотношения с природой, с окружающим миром, людьми, взаимовлияние культур. Последняя тема основана на истории развития, взаимообогащения двух разных цивилизаций: хантыйской и русской. Родившись и прожив долгие годы на земле коренных обитателей Югры — ханты и манси, художник хорошо изучил культуру этих народов и относился к ней, как к равноценной части общечеловеческой мировой культуры, богатейшему и самобытному ее пласту. Он не только заботился об ее сохранении, но и увлекал этим других людей — например, Валентину Ивановну Семенову, кандидата исторических наук из Тюмени.

Впервые познакомившись с Бахлыковым в 90-х годах, а вернее с его картиной «Счастливые», она поймала себя на мысли, что если есть такие люди, болеющие за свой край и так тонко чувствующие его, то это лишний раз подтверждает, что археология — вечная профессия. Она существует не ради предметов, ее задача рассказать об истории человечества, о людях прошлого, настоящего и будущего. Благодаря инициативе и любознательности Бахлыкова, на территории и в окрестностях Угута развернула свою работу не одна археологическая экспедиция. Уже найдено более тридцати памятников культуры, некоторые из них относятся к четвертому-шестому векам нашей эры.

Было бы несправедливо не сказать о поэтическом даре этого художника. В начале 80-х годов Петр Бахлыков прислал небольшое письмо с прилагающимися к нему стихами. Писал он своей давнишней знакомой, в прошлом родственнице, какой была я.

— Здравствуй, уважаемая Галина Владимировна! Как видишь, свое слово сдержал, и кое-что присылаю на пробу. Может, что-то и пригодится. Чего им пылиться? Писал, конечно же, только для себя. А все же интересно узнать мнение умного человека. Надеюсь получить писульку с ответом. Всего доброго. Петр.

Автор не был уверен в своих творениях, как, например, Марина Цветаева, предвидевшая, что ее «стихам, как драгоценным винам, наступит свой черед». Петр Бахлыков не мог и предполо-

жить, что его произведения, — как картины, так и стихи, приобретут истинную ценность через двадцать лет.

Сейчас в созданном им музее, как уже говорилось, продолжает дело отца дочь Евгения Петровна Бахлыкова. И хотя экспонаты пополняют музейную копилку не так быстро, как хотелось бы, в 2002 году в нем состоялось более четырехсот экскурсий, на которых побывало около шести тысяч человек. В перспективе рассматривается вопрос о строительстве музея под открытым небом. Знаток культуры ханты и манси Аграфена Семеновна Сопочина, член общины «Ханто» и сотрудник окружного института обско-угорских народов выступила с рекомендациями относительно сооружения подобного объекта. Она заострила внимание форума и угутских музейщиков, что в основе культуры северных народов и их быта лежит пятимерность пространства. В строгом соответствии с этим и должен быть выдержан новый музей.

На этой территории расположен единственный в Сургутском районе государственный заповедник Юганский с центром в селе Угут.

Угутская тайга интенсивно разрабатывается, около десятка нефтяных компаний работают на этой территории. Село сегодня обновляется быстрыми темпами.

Форпост наступления на новые нефтяные плацдармы — поселок Нижнесортымский, столица громадной территории на севере Сургутского района. В регионе ныне получили интенсивное развитие северные территории, куда раньше было не добраться.

Давнее приглашение участвовать в работе сессии районного Совета депутатов трудящихся, так именовался законодательный орган власти в прошлом, Геннадий Кашин, коренной житель края, вписавший свою биографию в становление Сургутского района, получил, защищая диплом инженера в Тюменском инженерно-строительном институте. С самого детства его судьба

Большая семья Кашиных

связала с районом. Рос юный сургутянин в юртах Качесовых, мало кто теперь знает то место, давно обустроенное нефтепромысловиками.

Судьба благоволила к юноше, дав возможность еще и еще раз возвращаться в отчие края. Туда, где дед его, ханты Н.И.Ларломкин, учил внука дружить с природой, знать и любить ее как основу всего живого на земле. Он научил Гену охотиться на дичь, ловить рыбу. Это сейчас каждый, кто выезжает в лес, на реку, считает, что уже все знает и умеет, если есть в руках ружье, сети, бредень или невод. Прежде это была целая наука для подростков. Может, поэтому до 70-80-х годов прошлого столетия многочисленные рыбаки-охотники сохранили в великом множестве непуганую дичь, разнообразие речного, лесного, озерного мира. Теперь отдельных особей, например, гагару, хохлатку, осетра можно встретить в коллекциях, которые есть у Геннадия Ивановича. Все шкафы в его городской квартире заняты чучелами пернатых, добытых в разные годы.

Хозяин сетует, что многих экземпляров уже недосчитывается — портит моль, но о каждом он может поведать занимательную историю. Говорит, что никогда не убивал гагары: в сети попала одна нечаянно в самые последние годы. Ему думалось, что рыба ее ко дну потянула, а оказалась птица. Случилось это в окрестностях нынешнего газоперерабатывающего завода. Каждый экземпляр его коллекции заслуживает отдельного рассказа. По словам собеседника, оскудела и пожухла северная нива. Осетр, как живой, парит под люстрой, занесен он в Красную книгу, щука — и та теперь редкость в улове. Но Кашин еще отыскивает нетронутые водоемы.

Вклад Геннадия Ивановича в развитие края немал. 17 лет проработал в комитете народного контроля, в период междувластия был ведущим специалистом районной администрации по работе с населением. В деревнях и населенных пунктах бывал часто, и многие жители знакомы с ним не заочно. А потом возглавлял пенсионный фонд по городу и району. Как заметили в окружной администрации, ПФ Сургута и района тогда был крупный и стабильный.

Хорошо известен собеседнику егерь сургутских лесов Александр Николаевич Трушин, которого зовут многие «рыжим». Трушин об этом наслышан и не обижается. Ведь он, действительно, из рыжих, которые удачливы в жизни, смекалисты, мастера на все руки. В егерях он ходит более 20 лет. Живет на угодьях недалеко от Сургута. За эти годы сколотил немалое хозяйство, дает работу многим людям, которые, не выдержав городской цивилизации, сбегают от нее подальше. Есть среди них те, кто чрезмерно увлечен «зеленым змием», кто потерял вкус к работе. «Рыжий» принимает всех, ни за зарплату, конечно, а за стол и кров. При этом загружает работой так же, как трудится

сам. А начинается он рабочий день, когда чуть забрезжит рассвет зимой и на ранней зорьке летом. Сети, что ставит на угодьях, требуют догляда, и охрана леса тоже не на последнем месте.

Он говорит, что его егерский участок простирается от Верхнемысовой до Дарко-Горшково. И на этом массиве Александру Николаевичу знаком каждый уголок. Более того, он знает здешних людей, род их занятий.

— В новый год, — рассуждает, — с Каменного поедут в город Орловы продавать елки.

Помех им «рыжий» не чинит, он знает, что доброе дерево братья рубить не будут. Их род с давних времен проживает на Каменном, зачем же губить жизнь дающий лес? А те, что похуже, что мешают расти более живучим особям, срубят, продадут.

Прибавляется у Трушина иногда и других забот — по части рыбной инспекции. Давно уже у него на заметке любители-рыболовы с Югана. Говорит, что подросло новое племя, не всегда их он узнает, и тогда может «закатить» экзамен на предмет, а кем были твои родители, кто первым из них ушел из жизни? Но если чужак попадает на реке, Трушин обстоятельно разбирается, кто он, откуда в этих краях объявился, чем занимается?

Поведал Александр Николаевич свою версию о громкой экспедиции, что высаживалась на Ляме. Смеется, рассказывая, как она была обставлена. И спасатели-то там были, и врач, и вертолеты поднимали, когда связь прервалась. «Вроде в глухотворное место пошла смехотворная экспедиция», — замечает. И рассказывает дальше, что много лет здесь проживали аборигены, их уголья располагались по вершине реки Лямы, здесь стояла метеостанция, был населенный пункт Дарко-Горшково. Да и я знаю, что совсем недавно коренные жители Лямино осенью непременно ездили «в речку», так они называли это место, где собирали немало брусники, созревшей, опаленной первым инеем и пригодной для длительного хранения.

Александр Николаевич вырос в Красноярском крае, где тайга тоже будь здоров. Мальцом его привезли в Сургут родители, прибывшие с энергопоездом, давним энергию Сургуту и его стройкам. Тогда, в 1964 году, вокруг Сургута была вековая тайга, куда любил бегать школьник Саша, привлекал его лесной мир, речные и соровые просторы. Вероятно, этот факт стал определяющим в выборе профессии егеря. Работа эта непростая, всегда в разъездах, на просторах. Вот и поселился Трушин в отдалении от города, чтобы быть к природе поближе. В его распоряжении буран и парты, шлюпка и мотор, есть телефон мобильной связи, небольшая электростанция. Дом с большим двором построил сам. В соседях у него несколько рыбаков-любителей, соорудивших небольшие избенки. Недавно еще Трушин работал в паре с Владимиром Васильевичем Проводниковым, последний ушел на пенсию, но остался жить здесь, в своем просторном капиталь-

Глава Сургутского района Д.В. Макущенко

Глава Сургутского района Д.В. Макущенко принимает делегацию из г. Нелидово Тверской области

ном с каминном доме. Держит лошадей, обрабатывает пашню. И хоть у того и другого есть квартиры в городе, навдываются они туда крайне редко.

«Рыжий», как уже говорилось, и сам не сидит без дела и другим не дает. Поэтому напряженный ритм деревенского быта выдерживают не все, уходят, возвращаются в город. Жил у него, к примеру, мужчина тридцати с небольшим годков, чрезмерно увлекался алкоголем. Трушин пытался растормошить его, направить на путь истинный, по его работе выдавал обед — воспитывал таким образом. Не понравилось пришельцу поученье, так он и не прижился здесь. В этом небольшом поселении, как некогда в старых сургутских деревнях, запоров не имеют, приставят дверь палочкой — никто самовольно не войдет. Как говорит «Рыжий», где лопату поставишь, там ее и возьмешь.

От него уходят, к нему и возвращаются. В хозяйстве и у Проводникова живут люди, помогают. Хозяева тоже делят с ними стол и дом. Рыба здесь есть всегда, картошки тоже хватает. А летом и вовсе приволье: огурчики пупырчатые да сочные, горох, лук, укроп — все с грядки, хорошо удобренной органикой. И воздух тут пьянящий, настоящий на травах, рядом протока, используемая для летней ванны. Ну, чем не курорт? Поэтому летом здесь население возрастает, из душного города стремятся убежать люди на волю. И катера тут причаливают, и шлюпки.

Как-то летом разбушевавшаяся вода подошла к самым егерским строениям, покалечила полы и печи в избушках. Теперь прежде делят дом с хозяином, у которого жилище устояло. Но уже к осени некоторые избы переташили на новое место, подальше от воды. Новую деревню собираются там полнимать. Но давно облюбовавшие этот уголок рыбаки-охотники что-то не спешат переселяться в надежде, что большая вода случается не каждый год.

Когда окружной краеведческий музей отмечал 60-летие, то на юбилей в числе других гостей приехала из Сургута Хиония Петровна Пухленкина. Вообще-то она жительница окружного центра, но все чаще обитает в Сургуте, куда приехал работать по направлению ее старший внук Сергей Плосков. Начиналась биография Хионии Петровны так. Рано оставшись без родителей, девочка воспитывалась в детдоме, который направил учиться ее в ФЗУ, — существовали в сороковых-пятидесятых годах эти прообразы нынешних профессиональных училищ. Однако Пухленкину больше привлекала педагогика, и она поступила в недавно открытое Ханты-Мансийское педучилище. Училась, говорит, больше на практике. Осенью на перекладных добиралась до Локосово, куда ее определяли на период заготовки ягод. Из Локосово в Урьевские юрты она

ехала с председателем Совета Пагилевым на маленькой, в две гребни, лодке. А на Оби сильно штормило. Председатель непрерывно командовал: «Гребни, гребни».

Реку одолели, но у самого берега лодку накрыло, и по уши мокрые, они перетаскивали ее на таежную речку, чтобы добраться до юрты, где Хиония должна была приглядывать за детьми. Там, по словам Пухленкиной, был уникальный детский сад. С утра молодые мамы приводили своих детей к ней в юрту и приносили обед. А сами шли за черемухой — ее в тот год было много. Набирали быстро и с полными куженьками возвращались назад, по пути забирая домой детей. На ночь Хиония оставалась одна в юрте, но страха, говорит, не было.

В 1937 году она работала в Угте. Школа и интернат тогда стояли под горой, а наверху было несколько домов, промыслово-охотничье хозяйство да больница. Изба-читальня находилась рядом со школой, ею заведовала Нина Ивановна Могилева. Какие концерты она готовила со своими учениками! Привезенные из урмана дети садились за парты в ягушках (национальная меховая одежда). Для ханты вводился дополнительный нулевой класс. Говорить «нулевушки» не умели, а вредничали, по воспоминаниям Пухленкиной, много. Не захотят слушать учительницу — спрячутся под партой. Поупрямятся немного и снова садятся на место. Так пролетел год, и весной Хиония Петровна сдала экзамены на звание учителя начальной школы.

Может, так бы и продолжала преподавать Хиония Петровна, но депутатство резко изменило ее жизнь. Она закончила ВПШ (высшую партийную школу) при ЦК КПСС и начала работать в окружкоме партии. При этом постоянно бывала в районах округа и не однажды — в Сургуте и Сургутском районе. В те годы, как и ныне, все главные дела решались в провинции. Хиония Петровна в Покуре воплощала в жизнь лозунг Н. Хрущева: догнать и перегнать Америку по производству сельхозпродукции. Была она также очевидцем загрузки первой нефтяной емкости, встречала Ричарда Аллаярова, героя-нефтяника. С нашим краем связаны многие ее путешествия-командировки, в том числе и та, памятная, едва ли не трагическая. Когда самолет, летевший в Сургут, совершил вынужденную посадку в окрестностях Романовской Половинки. Их тогда долго искали и нашли среди снегов. Рассказывают, что спохватились лишь тогда, когда самолет не прибыл в аэропорт по расписанию. Хоть и разменяла Хиония Петровна девятый десяток, но память ее еще ясна и цепка. Она часами может рассказывать о том, что видела, как жила. Весь Сургутский район знает досконально. Вспоминает, каким красивым было село Юган с церковью на самом видном месте (теперь здесь уже нет села). Какие юрты попадались по Югану, Тром-Агану, где ныне, говоря словами поэта, лишь тень ветвей осталась.

В годы войны она заведовала Низямской школой-интернатом, была инспектором окружного отдела образования, работником окружкома и последние 20 лет работала в музее, где подготовила две экспозиции: «Установление Советской власти и гражданская война в крае» и о Великой Отечественной войне. Хиония Петровна вырастила двух дочерей и трех внуков, тоже ставших ей детьми. Имеет множество наград и грамот. Она — Почетный гражданин города Ханты-Мансийска, и в жизни его принимает, несмотря на преклонный возраст, самое деятельное участие.

ЭПИЛОГ

Изменился мой край. Там, где были редкие тропки, пролегли бетонные дороги. Там, где в густой чаще лишь паутина висела на деревьях да был бурелом почти непреодолимой преградой, то и дело спуют люди, оставляя после себя банки, склянки, прочий мусор, а нередко и губительные пожары. Некогда спокойный и безлюдный край теперь плотно заселен, как грибы после дождя, встают новые и новые города. И миграционный поток на север, уже стал неуправляемым: люди всех возрастов и наций снялись с насиженных мест и рванули на севера куда ранее лишь ссылали неугодных режиму людей.

Мои родные приехали сюда в двадцатых годах. Дело промышлявший в нарымской тайге, решил перебраться в край непуганых птиц и чистых озер. Обосновался он на «краю Кирьясовской горы», так говаривали в нашем доме. И не задолго до своей кончины перебрался в Покур, прикупив домишко — край горы, то есть берега.

Дети его, коих насчитывалось семеро, создав свои семьи, отделились, но жили неподалеку. Однако расстояние до Покура в 15 километров мы, его внуки, преодолевали самостоятельно: на обласе или неводнике. Потом, когда я начала учиться в Тобольском педучилище, перед каникулами всегда горевала, как доберусь с Покурской пристани до Кирьяса? Катер, который менял регулярно плашкоуты с рыбой, брал пассажиров изредка, поэтому добирались, как Бог на душу положит.

Мама моя, Кондрякова (в девичестве Ткачева) Любовь Николаевна в те годы уже не работала, рожала детей один за одним, воспитывая их, и на это у нее ушла четверть века. Но колхозный стаж в 20 лет выработала. И для нее тоже было большой заботой отправить или встретить меня, 15-17-летнюю девчонку. В те годы мы считали себя довольно взрослыми. Да и работала летом за взрослых. Помню, с какой гордостью слушала перечень фамилий покосников в Посольском колхозе «Путь Сталина». И до сих пор не забыла свой порядковый номер 72 — столько людей отправлялось на покос! И интонацию покойного председателя Ивана Евгеньевича Спиридонова, приравнявшего меня, по сути подростка, к колхозникам, помню.

После семилетки для меня не стоял вопрос выбора профессии. Хотелось побыстрее выбиться из нужды, заработать свою

Бахлыковские чтения в Угута. 2003 год

Сытоминские артисты

В урочище Барсова гора

*В комнате-музее
ООО «Сургутгазпром»
воссоздан интерьер
газодобытчиков на угодьях
Сопочина в прошлом*

*Хантыйская мадонна.
Художник Петр Бахлыков*

*Работники Центральной
районной библиотеки Ната-
лья Токмакова и Вера Новоси-
лова*

копейку. Остаться в колхозе не мечтала, поскольку работа была связана со скотом, а меня, пятилетнюю, наша Белянка подняла на рога. С тех пор я с опаской общалась с животными, по этой причине не научилась доить коров. Зато мне очень нравилось проверять школьные тетради, и я решила: буду учительницей. Окончив педучилище, стала ею. В училище случайно записалась в исторический кружок, и с тех пор история стала моей неизменной любовью. В свои края вернулась в 1964 году и проработала в национальных интернатах, где была и заведующей, и матерью, и отцом для детей, вывезенных из урманов.

Все эти годы, начиная с 14 лет, писала в газету. Заметки те были просты и наивны — по поводу недоставки почты или отсутствия валенок, смотров художественной самодеятельности и посадки картофеля. Дописалась! В 1962 году Владимир Сергеевич Корчемкин, бывший редактором газеты «Знамя Ленина» в Нижней Тавде, пригласил на работу в качестве литсотрудника. Потом он же приглашал меня в Сургут, куда перебрался сам. Но приятель из орготдела Нижнетавдинского райкома Тюменской области Николай Францевич Островский присоветовал: «Менять так не ястреба на кукушку».

Но семейные обстоятельства — развод с мужем — оказались сильнее, и я с сыном приехала в Сургут, поближе к родным. В те годы сотрудников интернатов, работавших с детьми коренной национальности, отправляли на годичные курсы в Ленинград. Понаехать туда было моей голубой мечтой, которая осуществилась через пять лет. В Питере, помимо курсов много работала в публичной библиотеке, изучала немецкий, подспудно готовясь к дальнейшей учебе. Учиться любила и люблю до сих пор. Да еще и наш преподаватель по национальности нивх, ныне профессор Чунер Таксами, настойчиво советовал учиться дальше.

И я поступила в УрГУ — Уральский госуниверситет, альма-матер многих журналистов той да и нынешней поры. После трех лет учебы оказалась в штате редакции газеты «К победе коммунизма», где проработала около 20 лет.

Подводя итог прожитому, считаю: интересные и бурные годы выпали нам, газетчикам, в последнюю четверть века прошлого столетия. С колес коллективизации мы пересели на индустриальные рельсы и с головой окунулись в скоростной ритм бурлящей жизни встающего нового города. Мы успевали везде: на покос и рыболобывчу, лесозаготовки и геологоразведку. Наваянная романтикой песни «Держись, геолог, крепись, геолог» жизнь прописывалась на страницах газеты. И я летала в самые отдаленные уголки, например, в разведочную бригаду Александра Халина, работавшего под Новооганском. Туда меня забросили вахтой и, соблазнившись богатой ягодной тайгой, я ушла в лес. Вертолет тем временем, поменяв вахту, ушел на базировку. И пришлось мне започевать в вагончике, зато материал привезла богатый.

Правда, по возвращении меня ждала неприятность. Очень заболела дочь, и ее, второклассницу, с высокой температурой увезли в больницу. Бывало, летом мы не имели выходных: в пятницу обычно получали задание побывать на покосе, привезти свежий репортаж, а к понедельнику отписаться.

После завершения учебы в УрГУ меня повысили, назначив заведующей отделом писем. Писали тогда много, и многим газета помогала. В ту пору мы платили нашим добровольным помощникам «сногшибательный гонорар» в рублях-копейках. Проводили рейды, «круглые столы».

Но пиком в своей работе считаю годы перестройки, тогда уже возглавляла отдел партийной жизни. На страницах газеты мы вели горячую дискуссию по статье Юрия Неелова «Руководить, а не командовать», писали «живые» отчеты с партийных собраний. Они обычно проводились после рабочего дня и затягивались до полуночи. Возвращаясь домой, я слышала громкий плач дочери, потерявшей маму. Она, по сути, и выросла в людях, поскольку я то и дело куда-то уезжала.

В тот период, называемый гласностью, перестройкой, демократией, на страницах газеты одна за одной появлялись некогда закрытые темы. Одну из них о пребывании в ссылке в Сургуте генерального секретаря ЦК компартии Греции Никоса Захариадиса я с помощью Веры Кузнецовой, сотрудницы ГАИ, довела до логического завершения. Целой серией «деревенских» очерков отметила 70-летнюю годовщину Октябрьской революции, к которой непременно добавляли определение Великой. Впервые на страницах газеты начала тему о спецпереселенцах, рассказанные истории составили впоследствии книгу «Три века и 13 лет», издание которой профинансировали городская и районная администрации в преддверии четырехсотлетия Сургута.

В то время я уже работала собкором окружной газеты «Новости Югры» по Сургуту и Когалыму, а также и району. Тогда, как, впрочем, и сейчас, в моду вошли еженедельные пресс-конференции в администрации города и района. Бывало, что в одно и то же время проводились разные мероприятия. Мне хотелось быть тут и там, хоть разорвись!

В окружной газете регулярно выходили полосы по Сургуту и району, по Когалыму. Побывала на многих месторождениях, регулярно, раз в месяц, выезжая туда на поезде. Может, работала бы я и до сих пор, но не случилось. Хотя перо не бросаю. После первой книги издала сборники «Сургут и сургутяне» в соавторстве с И.П. Захаровым, «Их провожал и встречал Сургут» с коллективом авторов, «Дорога длиною в 70 лет» — о юбилее сургутской типографии. Долго готовила к печати рукопись «колхозной книги», которую так же благословил Иван Прокопьевич Захаров, заметив, однако: «Не вороши плохое, хорошего было много!».

Вышел большой труд в соавторстве с Зоей Сенькиной «Долгое эхо войны». Что осталось? Найти своего деда, священника, убитого в 1921 году новой властью. Думаю, не случайно Бог помогает мне издавать газету православного прихода Преображения Господня, может, где-то и всплывет имя священника Иакова Грязнова?

Более четверти века веду общественную работу в ветеранских рядах. Сформировала и зарегистрировала клуб «Дети войны», который по крупицам собирает память о наших отцах, не вернувшихся с полей сражений. К юбилею Победы на Тверской земле встал памятник им, не долюбившим, не дожившим и не увидевшим своих детей. В числе их мой отец Кондряков Владимир Яковлевич, которого я знаю по рассказам мамы да родных и знакомых, который был и вовсе не Кондряков, а Грязнов, но судьбе было угодно оставить детей без родителей, и их разобрали по разным семьям, дали свои фамилии.

Сегодня в моем городе, который как бы уже и не мой: пришельцы пересилили число старожилов, проживает свыше 80 родственников: две сестры и брат, их семьи, дяди, тети, двоюродные сродные братья и сестры. Среди них Ткачевы, Бахлыковы и другие фамилии. Продолжается и род Кондряковых, вот только Грязновых уже не осталось — уничтожили под корень.

Последние десять лет сотрудничаю с сургутской типографией, которая ценит мой опыт и знания, и что называется, кормит меня, призывая на помощь по издательским делам. В этом коллективе уже давно считаюсь за свою, нередко и моя дочь, выбравшая ту же профессию, проходит здесь издательские университеты. У нее, правда, в почете другие темы — культура и воспитание патриотизма, привлекает ее и история.

В течение одной жизни Сургут круто поменял свое лицо, все в один голос твердят, что стал он краше и наряднее. А я грущу о том старом Сургуте, в котором мы все знали друг друга. И Покур с его составляющими входил в Сургутский район, и Лемпино, и Аган, и Варь-Еган. И мой родной Кирыяс и Пасол, где не была уже добрый десяток лет...

В поселке Белый яр

**Список использованной литературы
в книге «Жила-была деревня»**

Архив Сургутской городской администрации: фонд 10, опись 1,2,3, 11 «а», единица хранения 5, 27, 28, 49, 50, 55, 55 «а», опись 2, 221, 222 .

И.П. Захаров «Защитники отечества», г. Сургут, 2000 год.

Коллектив авторов «История Сургута. Древний город на Оби», г. Екатеринбург, 1994 год.

Л. Петрова, Ф. Показаньев «Сургут», серия «Города нашего края», г. Свердловск, 1987 год.

Журнал «Югра» правительства ХМАО 1996 год.

Содержание**Часть первая**

Предисловие	5 стр.
Коллективизация	14 стр.
ППТ и колхозы	32 стр.
Песчаный	42 стр.
Колхозы района	47 стр.
В национальной глубинке	59 стр.
Покурская вотчина	71 стр.
Рыбодобыча	85 стр.
Кушников	98 стр.
Свидетельства очевидцев	107 стр.

Часть вторая

Сургутский район	112 стр.
Культура, образование	116 стр.
Люди района	127 стр.
Эпилог	140 стр.

К 75 – летию Ханты – Мансийского автономного округа – Югры

Галина Владимировна Кондрякова «Жила – была деревня», г. Сургут 2005 год

Издательство ОАО «СТ».

В новой книге «Жила-была деревня» известный в городе и районе краевед Г.В. Кондрякова рассказывает о Сургутском районе в его границах от 1921 года до нынешних дней. Предметом ее исследования является колхозное строительство. Автор дает историческую справку об установлении советской власти в крае, коллективизации деревень и многочисленных хантыйских юрт, о трудовоселках спецпереселенцев, промышленных отраслях нефтегазового Сургута.

Вся вторая часть труда Г. Кондряковой посвящена сегодняшнему дню Сургутского района, кардинально поменявшего свой имидж и оставившего в прошлом древние отрасли сельского хозяйства, лесоразработок, охоты и рыбодобычи.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Редактор заслуженный работник культуры З.С. Сенькина.

Консультанты И.П. Захаров, Ф.Я. Показаньев.

Художественное оформление член союза художников С.П.Лозовой, И.В. Кондрякова.

Фото из архива автора, Г.П. Сакулиной, З.И. Спиридоновой, Л.А. Березницкого, А. Бессмертных.

«Жила-была деревня».

Подписано в печать 30.08.2005. Бумага Union Offset. Формат 60x90/12. Гарнитура NewtonС. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,33. Тираж 1000 экз. Заказ ????.

ОАО «Сургутская типография», 628400, г. Сургут, ХМАО–Югра, ул. Маяковского, 14.

Отпечатано в ОАО «Сургутская типография», 628400, г. Сургут, ХМАО–Югра, ул. Маяковского, 14.

ISBN 935 537-030-1

